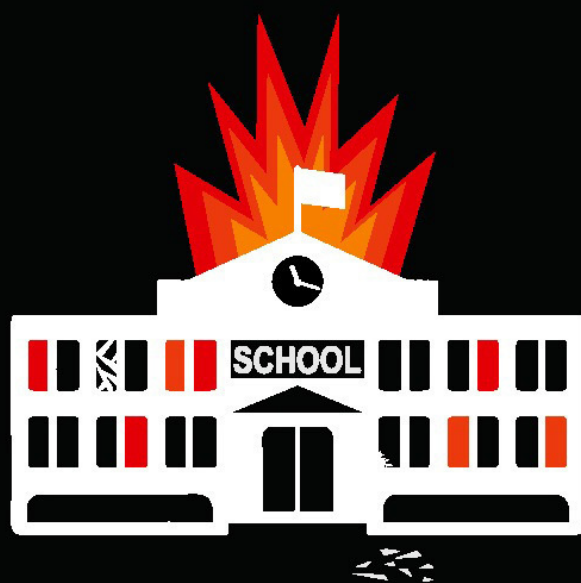

• рецензурную
18+ •
• создатель •

• ДЕЙВ КАЛЛЕН •

КОЛУМБАЙН

САМЫЙ УБЕДИТЕЛЬНЫЙ И АВТОРИТЕТНЫЙ
РАССКАЗ О ТОЙ СТРАШНОЙ БОЙНЕ.

TIME

Дейв Каллен

Колумбайн

«ЭКСМО»

2009

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Каллен Д.

Колумбайн / Д. Каллен — «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-04-098613-2

20 апреля 1999 года произошла одна из самых страшных трагедий в истории США. Два подростка, Эрик Харрис и Дилан Клиболд, совершили вооруженное нападение на школу «Колумбайн». Эта книга повествует о тех событиях и развеивает мифы, которые не могли не сложиться вокруг преступников и их жертв. Каждый год в школах по всему миру звучат выстрелы. Погибают невинные люди, а у Эрика и Дилана появляются все новые и новые последователи. Книга Каллена, хочется верить, сможет пролить свет на правду и, возможно, предотвратит очередную трагедию.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-098613-2

© Каллен Д., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

От автора	9
Часть I	11
1. Мистер Ди	11
2. Бунтари	13
3. Весна	19
4. Rock'n'Bowl	22
5. Два «Колумбайна»	25
6. Будущее	30
7. Церковь в огне	32
8. Максимальная концентрация людей	34
9. Отцы	38
10. Судный день	41
11. Есть пострадавшие	45
12. Периметр	50
13. «Я истекаю кровью»	54
14. Заложники	59
15. Первые предположения	61
16. Мальчик в окне	65
17. Шериф	72
18. Последний автобус	78
19. Пылесос	81
Часть II	83
20. Пустота	83
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Дейв Каллен

Колумбайн

*Посвящается Рэйчел, Дэнни, Дейву, Кесси, Стивену, Кори, Келли,
Мэттью, Дэниелу, Айсайи, Джону, Лорен и Кайлу.
А также Патрику за то, что он дал мне надежду.*

Эта книга получила премии Edgar Allan Poe Awards, The Goodreads Choice Awards, а также стала выбором сети книжных магазинов Barnes and Noble, вышла в финал премии газеты Los Angeles Times и попала в шорт-лист десятка других известных премий, включая премию литературного приложения газеты New York Times Book Review.

«Прекрасная работа, демонстрирующая, как неоднократное упоминание и цитирование в СМИ способно создать легенду. Каллен подробно преподносит ход бойни, исследуя ее в деталях, и показывает читателю, что миф иногда может затмить собой правду. Повествование ведется легко и грациозно».

New York Times Book Review

«Мощнейший обвинительный приговор. «Колумбайн» – подробное исследование, написанное выразительной прозой. Это ценное историческое свидетельство, затрагивающее сердце. Тема тщательно изучена, создан текст, полный сострадания».

Miami Herald

«Каллен написал захватывающий и богатый подробностями рассказ. Лучшее произведение автора. Не книга, а настоящий хоум-ран, созданный с максимальной честностью, тщательностью и заботой».

Denver Post

«Самый убедительный и авторитетный рассказ о той бойне».

TIME

«Удивительно... тщательно изученный материал, хорошо собранный и поданный, а также талантливо и легко написанный. Настоящая находка для всех, кто хочет понять природу зла».

Seattle Times

«Каллен нашел правильный тон, а также избежал мелодрамы, назидательности и желания дать всему легкое объяснение».

Washington Post

«Захватывающе! Точно так же, как и «Хладнокровное убийство»¹, это сильнейший «разбор полетов», с точным ответом на вопросы «Кто?», «Что?» и «Почему?».

People

¹ Или «Обыкновенное убийство» – роман американского писателя Трумена Капоте, написанный в стиле «новой журналистики» на основе реальных событий. 15 ноября 1959 г. два молодых человека, Перри Смит и Ричард Хикок, убили семью Клаттеров в Холкомбе, штат Канзас. – *Здесь и далее прим. пер.*

«Каллен дает ужасу человеческое лицо... Его простая и ясная проза в наиболее удачных отрывках оттеняет и смягчает кровавые подробности. Честность и журналистский талант автора превращают сенсационный, практически газетный материал о трагедии в качественную литературу».

Newsday

«По-настоящему захватывает. Не пропустите книгу Каллена, в которой вас ждет несколько открытий, развенчивающих мифы о той трагедии... Прочитайте книгу из-за ее прямоты и честности, а также ради пусть мрачного, но удовлетворения от того, что узнаете правду».

O, The Oprah Magazine

«Пожалуй, лучшая книга, написанная о трагедии в «Колумбайн». Она опровергает ряд принятых и укоренившихся мнений, а также трактовок и показывает читателю, как все произошло на самом деле. Автор с большим состраданием рассказывает не самую простую и приятную историю о тех, кто пережил эту трагедию».

New York Post

«Потрясающе сильная журналистская работа. Правдиво и тщательно написанная, легко читается и дает точное описание событий. Мы уверены в том, что эта книга еще долгое время будет оставаться наиболее полной и достоверной летописью того ужасного преступления».

Washington Times

«Удивительно взвешенная оценка событий. Одним из достижений Каллена является то, что его книга опровергает многие укоренившиеся представления о той трагедии. Крайне маловероятно, что читатель сможет закончить чтение «Колумбайн», не пролив ни одной слезы».

Chicago Tribune

«Настолько реалистично... практически чувствуешь запах пороха и страха. У Каллена есть талант – он находит правильные слова и скрупулезно описывает даже самые мелкие детали».

Newsweek

«Масштабная книга, сравнить которую можно с фотографией места убийства. Напоминание о том, что такое прекрасная журналистика. Авторитетное и запоминающееся мнение».

Los Angeles Times

«Удивительно подробная и законченная история, которая наконец показывает – есть кое-что, в чем мы сильно ошибались».

Philadelphia Inquirer

«Книга начинается сценой объяснения в любви, а заканчивается – описаниями примеров человеконенавистнического отношения, и все то, о чем говорится между первой и последней страницами, просто невероятно. Сильное и выдающееся произведение. Каллен затронул самые темные стороны

человеческой жизни, но в результате написал очень литературный – с точки зрения качества – нон-фикшен: мастерски, четко, смело и незабываемо».

Charlotte Observer

«Каллен развеивает некоторые широко распространенные представления, а также захватывающе пишет о том, что случилось в тот день».

CNN.com

«Достижение... тщательно изученная, хорошо построенная и убедительно написанная история».

Dallas Morning News

«Поразительное достижение... полная ясность, которую можно только увидеть на расстоянии и по прошествии времени... достойная восхищения и одновременно страшная работа».

Fort Worth Star-Telegram

«Результат огромной исследовательской работы и рассказ наиболее осведомленной инстанции... автор, бесспорно, имеет талант в исследовательской журналистике... «Колумбайн» обещает стать классикой жанра подробного журналистского расследования и в очередной раз представит нам свидетельства того, как сами журналисты могут сильно ошибаться».

Columbia Journalism Review

«Важная книга».

San Francisco Chronicle

«Страшно и убедительно... Поминутный рассказ Каллена о той бойне написан захватывающе и производит сильное и гнетущее впечатление».

Christian Science Monitor

«Потрясающе... Читатели закроют книгу с более глубоким пониманием того, что подтолкнуло тех мальчиков убивать, и это понимание не будет приятным».

Publishers Weekly

«Захватывающая история... Необходимо отдать автору должное за то, что он развенчал несколько связанных с «Колумбайн» легенд. Каллен также убедительно объясняет, что подтолкнуло преступников к убийству. Прекрасно написанная, очень непростая и запоминающаяся вещь».

New York Observer

«Книга, захватывающая все чувства... теперь американцы могут найти не оставляющие никого равнодушными и наводящие на разные мысли ответы на вопросы, которые они задавали с дня трагедии».

Sacramento Book Review

«К повествованию Каллена нет вообще никаких претензий. О том, как происходили убийства и почему, читается, как в самом высококачественном худлите».

Entertainment Weekly

«Виртуозный репортаж».
Vanity Fair

«Дейв Каллен – выдающийся журналист. Захватывающее чтение, сравнимое разве что с «Хладнокровным убийством». Тщательно описанные подробности способны разбить ваше сердце. Великолепная журналистская работа, такая редкая в наши дни».
TheDailyBeast.com

«Животрепещущий и методичный пересказ событий, открывающий глаза на то, что тогда произошло».
Cleveland Plain Dealer

«Потрясающе... совершенно невозможно оторваться... очевидно, что автор посвятил много времени этой истории».
Bloomberg.com

«Не оставляет равнодушным, пробирает и пугает до глубины души».
Arizona Republic

«Одна из лучших книг 2009 года».
Bookmarks magazine

«Автор холодно и прямо документирует события. Подробный, удивительный и трогательный рассказ».
BookPage

«Выдающееся и захватывающее произведение... Я знал, что Каллен прекрасный писатель и отменный журналист, но меня просто поразило мастерство его «Колумбайн» – истинного произведения искусства».
Salon.com

«Раскрывает мотивацию преступников... Очень визуальное и эмоциональное описание, тема прекрасно исследована и проанализирована».
Booklist

«Потрясающий репортаж».
HuffingtonPost.com

«Каллен описал глубинные причины трагедии... серьезный и изобретательный подход».
Chicago Sun-Times

«Полное, подробное и развеивающее мифы повествование о трагедии в школе в Колорадо. Прекрасно проведенное исследование, охлаждающее сердце».
Kirkus Reviews

«Исследование, которое ставит все точки над i. Потрясающая журналистская работа, которая может удивить даже тех, кто считает, что хорошо знает подробности той трагедии. Убедительно, ясно и понятно».
GQ

От автора

Многие подробности и детали этого события были записаны на видео- и аудиопленку, отражены в дневниках и тетрадях самими убийцами до начала всех событий, а также полицейскими, журналистами и исследователями после самого инцидента. Многие подробности удалось установить на основе рассказов тех, кто пережил трагедию. Текст, заключенный в кавычки, фигурировал в аудиозаписях, записан мной, другими журналистами или полицейскими во время расследования. Он был опубликован в официальных источниках, а в случае разговоров между свидетелями подтвердился словами одного или более очевидцев этих событий с большой степенью уверенности в том, что все происходило именно так, а не иначе. В случае если свидетель был не на сто процентов уверен в том, что все происходило так, как он или она рассказывает, я выделял высказывание курсивом. Кроме этого, я несколько сократил некоторые реплики и разговоры, а также исправил встречавшиеся в них грамматические ошибки. В тексте этой книги нет выдуманных слов и диалогов.

Точно такие же правила я использовал при воспроизведении цитат двух убийц, которые много писали на бумаге и снимали себя на видео. Кроме этого, я использовал целый ряд дополнительных материалов: школьные задания, разговоры друзей, членов семей и учителей, дневники, которые вели наиболее важные участники событий, а также протоколы встреч, составленные до трагедии, тогда, когда оба будущих преступника были обязаны ходить к психологу. Довольно часто я использовал цитаты из записей и дневников преступников без кавычек. Я стремился отобразить их чувства и также перефразировал их слова и высказывания. Надо сказать, что в логике и рассуждениях преступников было много «дыр». Эти «дыры» я пытался заполнить мыслями психологов-криминалистов, несколько лет занимавшихся расследованием трагедии. Все предположения и домыслы посторонних людей по поводу случившегося четко обозначены как таковые.

В тексте книги я использовал настоящие имена участников и свидетелей произошедшего за одним исключением. Девушку, о которой Дилан часто писал, я назвал псевдонимом Харриет. Для того чтобы не перегружать текст излишними деталями, многие второстепенные очевидцы в тексте не названы по именам, однако все эти люди упомянуты с именем и фамилией в развернутой версии сносок, доступной в сети.

Поминутный временной отсчет всех событий предоставлен по отчету шерифа округа Джефферсон. Некоторые члены семей жертв трагедии придерживаются мнения о том, что нападение двух мальчиков-убийц произошло несколькими минутами позднее. В некоторой степени хронология приблизительная, но последовательность действий, бесспорно, сохранена.

В качестве журналиста, начиная приблизительно с полудня, я много писал об этой трагедии. Изложение событий основано на моих сообщениях о бойне, а также является результатом девяти лет исследований, во время которых я провел сотни интервью с основными участниками и очевидцами событий, прочитал 25 000 страниц документов полицейского расследования, просмотрел и прослушал несколько сотен часов видео- и аудиоматериала, а также ознакомился со статьями и репортажами журналистов, которым я склонен доверять.

Я постарался вынести себя за скобки повествования и поэтому упоминаю отчеты СМИ в третьем лице. Во время начальной стадии освещения трагедии практически все СМИ, включая и меня, сделали ряд совершенно неправильных предположений. Я надеюсь, что эта книга поможет исправить совершенные ошибки.

Примечание к дополненному изданию 2010 года

После выхода первого издания меня очень часто спрашивали о том, почему я не включил в текст ни одной фотографии. С самого начала работы над книгой я не хотел использовать фотографии, и после первого издания я долго обсуждал с читателями, почему в тексте не должно быть фото. Снимок в состоянии запечатлеть всего лишь один короткий момент в жизни человека, а я стремился показать участников событий как людей живых, сложных и многосторонних, как людей, которые надеются, переживают, испытывают перепады настроения и так далее. С точки зрения решения именно этой задачи фотографии, на мой взгляд, не помогают делу, а только мешают, и именно поэтому в книге их нет. Фото основных участников этих событий можно найти в сети. Я поместил много снимков, а также ссылки, по которым можно их найти, на своем сайте davecullen.com.

Примечание к дополненному изданию 2016 года

Ужас этой трагедии продолжает жить и в наши дни. К этому изданию я написал новый эпилог о плане убийства, созданном Эриком и Диланом, а также рассказал о фиктивном плане бойни, который им приписывали. Я добавил некоторые личные размышления о последствиях этих событий, а также мысли некоторых свидетелей случившегося, поведение и жизнь которых произвели на меня самое благоприятное впечатление.

В самом тексте книги я исправил несколько опечаток и две ошибки, допущенные мной в изложении истории трагедии. Я сожалею об ошибках, которые допустил. Вот они: я неправильно считал, что Эрик вспоминал о рыбной ловле. На самом деле о рыбной ловле писал Дилан, и эту ошибку я исправил в переиздании книги 2000 года. Кроме этого, ранее я считал, что Бренда Паркер занималась сексом с Эриком. Однако в правдоподобности ее рассказа были некоторые сомнения, и, скорее всего, Эрик до самой смерти остался девственником. Я удалил из текста книги абзацы о половой связи Эрика и Бренды, насчитывавшие в общей сложности триста слов.

Здесь помещено несколько страниц из написанной мной методички – Columbine Teacher's Guide (Руководство для преподавателей). Ее можно скачать с сайта davecullen.com. И, наконец, информация для читателей электронного издания книги: текст книги закончится задолго до того, как девайс покажет, что книга подошла к концу.

«Я злой человек... Но знаете ли, господа, в чем состоял главный пункт моей злости? Да в том-то и состояла вся штука, в том-то и заключалась наибольшая гадость, что я поминутно, даже в минуту самой сильнейшей желчи, постыдно сознавал в себе, что я не только не злой, но даже и не озлобленный человек, что я только воробьев пугаю напрасно и себя этим тешу».

Ф. М. Достоевский, «Записки из подполья».

«Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе».
Эрнест Хемингуэй, «Прощай, оружие!»

Часть I

Есть пострадавшие

1. Мистер Ди

Он сказал, что любит их. Всех и каждого. Он говорил не по бумажке и тщательно подбирал слова. Фрэнк ДиЭнжелес выступал после церемонии награждения учеников за высокую успеваемость, демонстрации видеоклипов учащихся и ряда разных объявлений администрации школы. Через час после начала общего собрания, проходившего в баскетбольном зале, к микрофону в центре спортивной площадки вышел невысокий человек средних лет и обратился к зрителям. Он не торопился. Он улыбнулся, проходя мимо оркестра, чирлидеров и знамен с символикой школьной команды Rebels и перечнями ее побед. Он подошел к микрофону и обратился к двум тысячам возбужденных учеников, которые внимательно слушали слова директора школы, его слова. Он сказал, как сильно их любит и как много они для него значат. Он сказал, что не переживет, если потеряет хотя бы одного из них.

Было довольно странно слышать слова любви к подросткам из уст руководителя школьной администрации. Но Фрэнк ДиЭнжелес гораздо дольше работал тренером, чем директором школы, и верил в положительное влияние честности и любви на учеников. В течение шестнадцати лет он работал тренером футбольной и баскетбольной команд и внешне был похож на борца – мускулистое тело, стрижка ежиком, как у морпеха, и полное отсутствие бахвальства, которое может быть свойственно профессиональным военным. Он старался не вести себя, как тренер, хотя был настоящим и прекрасным тренером до мозга костей.

В тоне голоса мужчины учащиеся услышали страх. Директор и не пытался скрыть его или выступившие на глазах слезы. Ученики охотно прощали ему эту слабость. Подростки моментально чувствуют фальшь и отрицательно на нее реагируют, свистом или топотом выражая недовольство. Ученики обожали своего директора мистера Ди, который мог говорить и говорил все, что ему вздумается. Он не сдерживался, не приукрашивал ситуацию и не относился к ним как к несмышленым детям. В то утро в пятницу, 16 апреля 1999 года, директор школы Фрэнк ДиЭнжелес говорил то, что было у него на душе.

Собравшиеся в баскетбольном зале ученики прекрасно поняли, что хотел сказать мистер Ди. Через тридцать шесть часов после его выступления должен начаться выпускной бал, на который были приглашены и учащиеся, заканчивавшие предпоследний класс школы. Подобное мероприятие означало, что многие молодые люди будут пить, а также водить машины. Директор не читал ученикам нотаций, от которых у тех бы только возникло чувство отторжения, он рассказал им о том, что в своей жизни у него было три трагедии, во время которых в автомобильных катастрофах погибли близкие или знакомые ему люди. Приятель директора по колледжу и мотоциклист умер в аварии. «Я помню, что ждал в приемном отделении больницы и смотрел на его кровь, – сказал мистер Ди. – Поэтому не надо уверять меня, будто у каждого из нас есть гарантия, что он или она не попадет в автокатастрофу». Директор описал, как обнимал свою дочь-подростка после того, как ее подруга сгорела в машине. Одним из самых сложных моментов в жизни директора были минуты, когда ему пришлось сообщить членам школьной баскетбольной команды о том, что один из игроков потерял контроль над автомобилем. «Я больше не хочу приходить на похороны», – заключил он.

– Посмотрите налево, – говорил директор, – и посмотрите направо.

Он попросил учащихся внимательно взглядеться в улыбающееся лицо соседа, потом закрыть глаза и представить, что его или ее уже нет в живых. Директор попросил, чтобы все

ученики хором повторили следующие слова: «Я ученик школы «Колумбайн». Я не один, и моя жизнь имеет значение». И после этого директор сказал ученикам, что любит их.

– Откройте глаза, – произнес он. – Я хочу, чтобы все вы были здесь в понедельник утром.

Он задумался и потом продолжил:

– Если вам в голову придет желание сделать то, что может принести большие неприятности, помните – все вы очень мне дороги. Я люблю вас и хочу, чтобы мы были вместе. Мы же большая семья, мы...

Директор замолк, не договорив фразу до конца. Пауза в его словах стала сигналом для всех учеников, которые вскочили на ноги и закричали:

– Ко-лум-байн!

Учитель Айвори Мур быстро вышел на площадку и прокричал:

– Мы...

– Ко-лум-байн! – скандировали ученики все громче и громче, подняв руки.

– Мы...

– Ко-лум-байн!

– Мы...

– Ко-лум-байн!

– Мы...

– Ко-лум-байн!

Учитель и ученики кричали все громче и громче, доводя себя до экстаза. Потом учитель замолк.

Все разошлись по классным комнатам, чтобы закончить занятия. До начала выходных оставалось всего несколько часов.

В понедельник, после выпускного бала, все две тысячи учеников благополучно вернулись в школу. Но на следующий день, во вторник, 20 апреля 1999 года, двадцать четыре ученика и преподавателя увезли на машинах «Скорой помощи». Тринадцать бездыханных тел осталось лежать в здании и еще два трупа на лужайке снаружи. Тогда произошло на тот момент самое крупное массовое убийство в американской школе, которое изменило планы мальчиков и девочек, получивших среднее образование и готовящихся начать новую жизнь.

2. Бунтари

Эрику Харрису срочно нужна была спутница, с которой он мог бы пойти на выпускной. Тем летом Эрик заканчивал последний класс школы. Он планировал отпраздновать это событие, и поэтому ему была просто необходима девушка, которая пошла бы с ним на бал.

В принципе Эрику не составляло большого труда найти спутницу на это торжественное событие. Он был умным и современным парнем. Он пил, курил и ходил на свидания. Он курил траву. С большой тщательностью относился к своему внешнему виду. Эрик предпочитал стиль милитари: короткая стрижка с торчащими волосами, которые он укладывал при помощи геля, мешковатые военные штаны с большим количеством карманов и черные футболки. Он ездил на автомобиле «Хонда», слушал немецкий индастриал. Ему нравилось запускать петарды, которые он покупал в штате Вайоминг. Он стремился жить по собственным правилам, придумал себе кличку Бунтарь, но всегда выполнял домашнюю работу и получал отличные оценки. Он снимал видеоклипы, которые выкладывал в закрытую сеть школы и которые сверстники считали прикольными. У него не возникало проблем с девушками. Он был популярным парнем. Он был популярней многих парней, игравших в школьной футбольной команде. Эрик умел очаровывать и, не стесняясь, знакомился с девушками в торговом центре. Когда он улыбался, на щеках появлялись милые ямочки, а сама его улыбка была неотразимой. Он подрабатывал в заведении под названием Blackjack Pizza и мог предложить понравившейся ему девушке бесплатный кусок пиццы, что часто и делал. Blackjack Pizza – эконом-вариант, гораздо дешевле сети Domino's. Заведение было расположено в торговом центре, находившемся поблизости от дома семьи Эрика. В основном эта небольшая торговая точка предлагала пиццу навынос или с курьерской доставкой, но в самом кафе вдоль стойки размещались ряд стульев и пара столов для неудачников, которые не нашли ничего лучше, как поесть в самой пиццерии. Эрик работал здесь вместе со своим приятелем Диланом. Ребята не были курьерами, а готовили пиццу, принимали заказы и убирались за покупателями, которые ели в заведении. Работа казалась им скучной.

Эрик вырос красивым парнем: выдающиеся скулы и ямочки на щеках. Черты его лица были пропорциональными. Он был опрятным, типичным белым американцем. Вот только профиль немного подкачал: длинный нос, подчеркивавший слабовольный подбородок, и покатым лоб. Прическа с торчащими и намазанными гелем волосами не особо ему шла, потому что не скрывала, а выделяла его угловатый профиль. Впрочем, ему нравился собственный имидж, который он умел красиво преподнести. Он умел пользоваться обаятельной улыбкой, которая в зависимости от ситуации могла казаться стеснительной или кокетливой. В общем, Эрик нравился девушкам. На бал в честь начала нового учебного года в предпоследнем классе, когда ему было семнадцать лет, он пришел с девушкой, которой исполнилось двадцать три. Он чертовски гордился тем, что привел ее на бал.

Тем не менее с приглашением пары на выпускной возникли проблемы. В тот момент с девушками что-то не складывалось. Непонятно почему – просто настал период невезения или всех девчонок уже расхватали. Эрику позарез нужна была подруга. Он пригласил одну, но у той, оказывается, имелся бойфренд. Попробовал позвать другую – и снова отказ. Эрик не постеснялся попросить друзей о помощи, все спрашивали и наводили справки, но безрезультатно.

Вот у лучшего приятеля Эрика по имени Дилан Клиболд была спутница на выпускной. Просто какая-то несправедливость! Дилан был слабаком, очень застенчивым и робким. Он с незнакомым человеком и двух слов связать не мог, не говоря уже о девушках. Дилан, пытаясь выглядеть незаметно и не привлекать к себе внимания, ходил за приятелем по пятам, пока тот разбивал сердца молодых посетительниц торгового центра. Эрик говорил девушкам ком-

плименты, а Дилан угощал печеньем одноклассниц, которые ему нравились. Приятели Дилана утверждали, что тот ни разу не был на свидании. Вполне возможно, что он вообще никогда не встречался с девушками, включая и ту особу, с которой шел на выпускной бал.

Дилан Клиболд тоже был неглупым парнем, но все же не таким умницей, как Эрик. Во всяком случае, сам Дилан считал, что приятель гораздо круче его самого. Дилан пытался копировать поведение Эрика, старался выглядеть и вести себя так же, как и друг, и всегда ждал одобрения или оценки Эриком своих действий. Дилан был гораздо выше товарища и, возможно, даже умнее, но далеко не таким привлекательным и красивым. Слишком крупные черты лица, которое было к тому же слегка перекошено на одну сторону, а также огромный нос, который очень не нравился его владельцу, не позволяли назвать парня красивым.

На лице Дилана, главным образом на подбородке, мелкими отдельными кустиками появились первые робкие волоски. Ему надо было побриться, чтобы выглядеть опрятнее, но он гордился неравномерной порослью и не сбрасывал ее, видимо, не отдавая себе отчета в том, как выглядит в глазах окружающих.

Впрочем, именно Дилан в качестве бунтаря выглядел более убедительно. У него были длинные кудрявые волосы до плеч. Он казался значительно выше сверстников. Ему еще не исполнилось 18 лет, но рост его уже составлял 190 сантиметров, и весил он 72 килограмма. Он мог бы ходить с гордо поднятой головой и не вспоминать о комплексах, но смертельно боялся оказаться на первом плане, поэтому сутулился, чтобы выглядеть ниже. Большинство приятелей Дилана тоже были высокими (выше 182 см), а вот его лучший друг Эрик дорос только до 175 сантиметров, и его глаза находились на уровне адамова яблока Дилана.

Эрик также не считал себя красавцем, но не позволял мыслям о том, как он выглядит, испортить ему жизнь. В раннем подростковом возрасте ему сделали операцию по исправлению воронкообразной деформации грудной клетки. До этого момента его уверенность в себе была невысока, а после операции он компенсировал недостатки своего внешнего вида подчеркнуто резким поведением мачо и бунтаря.

Как бы то ни было, но именно Дилану удалось найти спутницу на выпускной бал. Он взял в аренду смокинг и сложился с еще пятью другими парами на прокат лимузина. На балу Дилан проводил время с милой девушкой-христианкой, которая помогла парням купить три из четырех единиц огнестрельного оружия, имевшихся у них в день массового убийства. Девушка обожала Дилана и легко поверила в выдуманный Эриком предлог – мол, оружие нужно парням для охоты. Ее звали Робин Андерсон. Миниатюрная блондинка, лицо которой было частично скрыто волосами. Робин активно участвовала в работе молодежной группы своего церковного прихода. Непосредственно перед днем трагедии Робин находилась с членами этой группы в Вашингтоне и вернулась в школу буквально за несколько часов до начала выпускного бала. Робин училась на одни пятерки и спустя месяц должна была с отличием закончить школу «Колумбайн». Они с Диланом ходили в одну группу по математике, и Робин в свободное от уроков время с радостью с ним общалась. Дилану она нравилась, но он почему-то не видел ее в роли своей девушки.

Дилан, как и Эрик, был очень увлечен школьной жизнью и процессом получения образования. Они ходили на матчи футбольной команды, на танцы, на театральные постановки и вместе выпускали видеоматериалы под брендом Rebel News Network. Дилан очень любил театральные представления. Из-за своего стеснения он никогда не играл на сцене, но помогал в качестве звукоинженера. В начале того года он помог Рэйчел Скотт, которая очень ему нравилась в начальных классах, и вынул ее, когда пленку песни, которую она пела под фонограмму во время шоу «Молодые таланты», заело. Очень скоро после выпускного бала Эрик убьет Рэйчел.

Ни Эрик, ни Дилан не добились больших успехов в спорте, но оба были активными болельщиками. В детстве они играли в бейсбол и европейский футбол. Эрик продолжал играть

в футбол, а вот Дилан наблюдал матчи в качестве болельщика. Эрик болел за бейсбольную команду «Колорадо Рокиз», и ему нравился период весенних тренировок. Дилан болел за «Бостон Ред Сокс» и неизменно ходил в кепке с ее эмблемой. Дилан часто смотрел игры по ТВ, изучал статистику матчей и составлял собственные прогнозы о том, кого из спортсменов студенческих команд возьмут в профессиональные бейсбольные команды. Один из друзей Дилана собрал кружок подростков, которые старались предугадать, кто пойдет в большой спорт, и среди членов этой группы Дилану Клиболду не было равных. Дилан начинал анализировать игру спортсменов задолго до начала мартовского сумасшествия². Большинству надоело следить за матчами, но Дилан досиживал до самого конца. Даже в последнюю неделю проведения состязаний он мог добавить фамилию нового перспективного игрока. Он особенно пристально следил за соревнованиями в последние выходные перед понедельником, когда призыв официально заканчивался. «Он жил и дышал бейсболом», – говорил один из друзей Дилана.

Эрик считал себя нонконформистом, но, как и многие подростки, стремился добиться одобрения и уважения окружающих и переживал, когда этого не происходило. В классе Эрик часто поднимал руку, чтобы ответить на вопрос учителя, и практически всегда говорил правильно. За неделю до трагедии во время урока писательского мастерства Эрик сочинил стихотворение о том, что в мире больше не будет ненависти и настанет эра любви. Он очень любил цитировать Шекспира и Ницше, но не понимал иронии выбранной им самим клички Бунтарь, – именно так называлась школьная футбольная команда.

У Дилана тоже было прозвище – ВодКА (иногда он именно так писал это слово с вкраплением заглавных букв). Дилану нравился этот напиток. Он много пил и очень этим гордился. Поговаривали, что эту кличку он заслужил после того, как выпил целую бутылку водки. Эрик предпочитал Jack Daniel's и тщательно скрывал от родителей, что иногда пьет. Со стороны казалось, что из этих двоих пай-мальчиком был именно Эрик. Отец наказывал Эрика за любые проступки, ограничивая его свободу, которую тот не хотел терять, так как был человеком, маниакально стремившимся контролировать все вокруг. Поэтому Эрик хладнокровно рассчитывал, что может сделать, оставаясь при этом безнаказанным. Он умел льстить и подлизываться для того, чтобы добиться поставленной цели.

Владелец пиццерии Blackjack Pizza прекрасно знал, что Эрик – далеко не тот пай-мальчик, за которого себя выдает. Владельца звали Роберт Киргиз, и иногда после того, как закрывалось заведение, они втроем поднимались на крышу торгового центра, выпивали и запускали фейерверки. Несмотря на то что Роберту было двадцать девять, ему нравилось «тусить» с двумя подростками. Роберт считал, что нанятые им парни совсем не дураки и иногда рассуждают практически как взрослые. Эрик чутьем догадывался, когда можно повалить дурака, а когда не стоит. Если во время их пребывания на крыше неожиданно появлялся полицейский, убалтывать представителя власти предоставляли именно ему. Когда в пиццерии начинался цейтнот, все носились как угорелые, не хватало курьеров для доставки, то в эти минуты именно Эрик брал на себя руководство. Он прекрасно справлялся с психологическими перегрузками и стрессовыми ситуациями. Когда Эрик знал, чего хочет, его ничто не могло сбить с толку. Ему требовалась работа, так как он не был готов бросать дорогостоящее хобби. Когда Киргиз уезжал, то всегда оставлял Эрика за главного.

А вот Дилану никто так не доверял, потому что тот не был надежным человеком. На протяжении последнего года работы в пиццерии он несколько раз увольнялся. Однажды он направил хорошо составленное резюме в компьютерный магазин, в котором платили больше, чем в пиццерии. Владельцу его резюме понравилось, и тот нанял Дилана, но подросток так и не вышел на работу.

² Разговор идет о так называемом March draft, мартовском призыве в Главную бейсбольную лигу.

Одним из основных отличий парней было отношение каждого из них к проблемам с законом. Когда подобные моменты наступали, Дилан начинал волноваться и нервничать, а Эрик – хладнокровно искать выход из сложившихся обстоятельств. Рассудительность Эрика помогла приятелям избежать или выпутаться из нескольких потенциально неприятных ситуаций. Впрочем, в свое время они вступали в потасовки на школьной площадке. Им нравилось задираť ребят помладше. Однажды Дилана поймали, когда он царапал непристойности на дверке чужого ящика для личных вещей. Когда его вызвали к одному из руководителей курса декану Питеру Хорвату, Дилан буквально вышел из себя. Он начал материться, прыгать по комнате и вести себя как сумасшедший. Если бы за подобный проступок к руководству вызвали Эрика, тот в зависимости от ситуации и человека, с которым предстояло иметь дело, начал бы извиняться, уверять в том, что невиновен, или стал бы уклоняться от прямых ответов. Эрик умел точно оценивать людей и говорил то, что могло бы их убедить. Эрик был хладнокровным и спокойным, Дилан – несдержанным. Дилан даже не пытался убедить учителя в своем раскаянии, ему было все равно, что о нем думают. Подросток просто дал волю чувствам. Когда ему сообщили, что в школу для обсуждения поведения сына едет его отец, Дилан нисколько не успокоился, а продолжил беситься. Подросток не внимал голосу разума.

Оба парня обладали недюжинными аналитическими способностями, прекрасно разбирались в математике, технике и гаджетах. Они любили новые технологии: видеоигры, девайсы и гаджеты. Они создавали сайты, адаптировали под себя компьютерные игры, добавляя новых персонажей и новые уровни, а также снимали много видеоматериала. Сами писали сценарии коротких клипов, сами в них играли и сами их снимали. Занятно, что Дилан, который в жизни был крайне застенчивым, смотрится на видео талантливым и интересным актером. А спокойный и уравновешенный Эрик выглядит фальшиво и совершенно неубедительно. В жизни Эрик умел очаровывать, выглядел уверенно, но передать эти качества на видео ему не удавалось, и он производил впечатление скучного молодого человека, не способного проявить собственные чувства. Дилан же на видео был просто звездой. В жизни подросток казался неразговорчивым и с трудом сдерживал периодически появляющиеся порывы гнева. Когда Дилан на камеру показывал эмоции, то его глаза вылезали из орбит, голова тряслась, на щеках вокруг носа появлялись складки и выглядел он как настоящий сумасшедший.

Со стороны Эрик и Дилан казались обычными подростками, которые вскоре должны окончить школу. Они далеко не всегда хотели подчиняться букве закона, много думали о сексе, расстраивались, что приходится сталкиваться в жизни с огромным количеством глупости, и были о себе самого высокого мнения. В общем, парни выглядели совершенно обычными подростками.

Приблизительно в двадцати метрах от стен школы «Колумбайн» начинается покатый склон Ребел Хилл. Он возвышается на участке вокруг школы, и уже где-то на полпути до вершины неожиданно показываются Скалистые горы. С каждым шагом вверх открывается панорама на плато Великих равнин, за которым видны острые горные пики. Они возвышаются над плато на высоту от тысячи до полутора тысяч метров. Протянувшийся с севера на юг горный массив кажется неприступным и непреодолимым и теряется за горизонтом. Местные жители называют эти места предгорьями. Непосредственно за «Колумбайн» находится Передовой хребет, который выше самых больших гор в Аппалачах. У подножия хребта заканчиваются дороги и исчезает растительность. Горы начинаются в четырех с половиной километрах от школы, где они кажутся границей, за которой заканчивается земля.

На Ребел Хилл практически нет никакой растительности, потому что она покрыта рас- трескавшейся красной глиной, на которой лишь иногда встречаются невысокие сорняки. В отдалении под холмом расположен жилой район, состоящий из стоящих на приличном отдале-

нии друг от друга двухэтажных домов, переулков и тупиков, окруженных соснами. Здесь есть торговые центры, футбольные поля и много церквей.

Здание средней школы «Колумбайн» построено на большой поляне на границе огромного парка в тени Скалистых гор. Это просторное, современное здание общей площадью 125 000 квадратных метров, практичное и функциональное, без излишних украшений. Стены, в которых сделано не так много окон, сложены из светло-коричневого кирпича. Практически со всех сторон школа больше напоминает фабрику, чем учебное заведение. Это сугубо функциональное здание, как и практически все остальные муниципальные постройки в округе Джефферсон. Администрация не стала вкладываться в украшение здания, зато не поскупилась на приобретение оборудования для классов, химических лабораторий, компьютеров, техники для записи и монтажа аудио- и видеоматериалов, а также наняла опытных и компетентных преподавателей.

В пятницу, после общего собрания, возбужденные ученики заполнили коридоры школы. Они выходили из спортивного зала, смеялись, шутили, флиртовали и гонялись друг за другом. Со стороны северного входа начинается холм Ребел Хилл, а за ним Скалистые горы, то есть практически безлюдные и дикие места. Стоя у северного входа и глядя на двухэтажное здание школы с пристроенным к нему спортзалом, не складывается ощущение того, что вы находитесь поблизости от Денвера – города, занимающего в США двадцатое место по числу населения. Деловой центр Денвера расположен в пятнадцати километрах на северо-восток от школы, но зданий не видно из-за высоких деревьев. В теплые дни раздвижные окна в кабинетах труда открывали, и на улице слышалось, как ученики работают на токарных станках. Однако тот день, когда директор школы сказал ученикам, что любит их, выдался холодным, и температура была чуть выше нуля.

Но погода не остановила курильщиков. Место для курения располагалось за парковкой, то есть официально не на территории школы. Это был поросший травой четырехугольник размером 5 на 4 метра, по периметру которого лежали бревна, которые часто ставят в качестве телефонных столбов. В любой день и в любую погоду в «курилке» находилось несколько человек. Здесь было спокойно: никаких учителей, никаких правил, никакого стресса.

Эрик и Дилан часто сидели тут. Оба парня курили «Кэмел» с фильтром. Эрик выбрал эту марку, а Дилан последовал примеру друга.

В последнее время приятели парней обратили внимание на то, что те начали часто прогуливать и не выполнять домашнюю работу. Дилан периодически засыпал в классе. Казалось, Эрик был на что-то обижен или чем-то недоволен, но при этом не выказывал никаких чувств. Однажды, за несколько месяцев до трагедии, кто-то заснял, как Эрик сидит в школьной столовой вместе с другими парнями. Ребята обсуждали видеокамеры, а также сколько может стоять подержанная, но в хорошем состоянии «Мазда».

Во время разговора Эрик словно находился в трансе и крутил на столе мобильный телефон. Казалось, что он не обращает внимания на разговор товарищей, но при этом вид у него был такой, будто он прислушивается к каждому произнесенному слову.

Мимо них прошел какой-то мальчик. «Пошел ты! Я этого козла просто на дух не переношу!» – с негодованием произнес один из сидящих за столиком парней, когда подросток, появление которого тот комментировал, находился на достаточном расстоянии, чтобы не слышать грубые слова. С этим комментарием согласился один из сидящих за столиком. Эрик с отстраненным видом медленно повернулся в сторону прошедшего подростка. Он посмотрел ему вслед с гораздо меньшим интересом, чем проявлял к своему телефону. «А я практически всех ненавижу, – ровным тоном и без эмоций произнес Эрик. – О да. Я бы оторвал и съел его башку».

Как я уже отметил, Эрик говорил ровным тоном и без эмоций. В голосе не чувствовалось ни злобы, ни угрозы, ни даже интереса. Он просто высказал свои мысли. Во время произнесе-

ния фразы «О да...» он чуть поднял брови, чтобы показать, что сейчас все услышат какую-то умную мысль. После этого Эрик снова потерял интерес к происходящему.

Никто не отреагировал на комментарий Эрика и не счел его странным. Видимо, к подобным высказываниям все уже давно привыкли.

Ребята принялись обсуждать, как они гнобили одного парня, который был на год младше. Эрик попытался изобразить, как плохо и нечленораздельно говорит мальчик, который ходит в специальный класс для детей с проблемами в учебе. Тут мимо приятелей прошла грудастая ученица. Эрик помахал ей, и все начали ее «клеить».

3. Весна

Пришла весна. На деревьях появилась листва, трудолюбивые муравьи строили муравейники, а бурые поля покрылись свежей зеленой травой, которую пока не выжгли лучи палящего солнца. С кленов падали миллионы семян, мини-вертолетиков. Весна ощущалась и в классах: учителя старались побыстрее закончить программу обучения, ученики старших классов переживали по поводу приближающихся экзаменов, и все мечтали о лете. Выпускники думали также о том, куда пойдут учиться осенью. «Колумбайн» считалась одной из лучших школ штата, так как восемьдесят процентов окончивших ее учащихся продолжали свое образование. Все говорили главным образом о колледжах, о том, что конверты с отказом тонкие, а вот толстые письма означают, что абитуриента приняли, следовательно, направляют ему материалы о доступных курсах и программах. Школьники посещали выбранные колледжи, чтобы показаться администрации на глаза, а также уточнить некоторые важные подробности и детали. Настало время выбрать колледж или университет, выписать чек оплаты расходов на обработку вступительных заявлений и задуматься о том, какие предметы выбрать на первом курсе. Для учеников выпускного класса процесс получения среднего образования практически подошел к концу.

Но на склонах Скалистых гор все еще стояла зима. Снег таял медленно. Многие ребята просили родителей отвезти их в горы, чтобы в последний раз прокатиться на сноуборде. Ученица предпоследнего класса Кесси Бернал упростила родителей, христиан-евангелистов, отпустить ее с братом Крисом за день до проведения общего собрания, на котором выступил директор, покататься на склонах в Брекенридж. Ей и ее брату еще предстояло столкнуться с Эриком и Диланом в день трагедии.

Ученики любили перерыв на обед. Столовая представляла собой просторное застекленное помещение, выйти в которое можно было по широкому коридору, расположенному между южным входом и массивной каменной лестницей, поперек которой может встать более десятка человек. Многие ученики шутливо называли столовую «палатой общин». Стекланный купол поддерживался каркасом из белого металла и пересекающимися декоративными стальными кабелями. Каждый день в столовой собиралось много детей. Сперва на обед приходили шестьсот учеников младших классов. Некоторые не задерживались здесь надолго. Часть учеников заходила в столовую, чтобы пообщаться с друзьями или купить что-нибудь сладкое в дорогу домой. На протяжении пяти минут столовая была забита учениками, после чего люди начинали быстро расходиться. В столовой на пластиковых стульях за пластиковыми столами на 6–8 человек обедало от 300 до 400 человек.

Через два часа после выступления в спортзале мистер Ди появился в столовой. Это было самое любимое директором время рабочего дня. Большинство директоров школ не присутствует в столовой во время обедов, но ДиЭнджелес появлялся в ней каждый день. «Друзья надо мной смеются. Дежурство по столовой! Что за ужас ты себе придумал! Но мне это занятие очень нравится. Именно в это время можно спокойно поговорить с ребятами».

Мистер Ди ходил по «палате общин», вступал в разговор с сидящими за столами учениками и выслушивал все, что те хотели ему сказать. Он практически каждый день появлялся в столовой к началу обеденной перемены начальных классов. Директор выслушивал всех и помогал решать самые разные проблемы. Во время обеда он не поднимал и не обсуждал вопросы дисциплины. Правда, директор не мог сдержаться от замечаний, когда видел, что ученики не убирают за собой, оставляя подносы с остатками еды на столах. Директор считал, что в «Колумбайн» должно быть чисто и аккуратно, а для этого необходимо поддерживать порядок и не мусорить.

Директору настолько не нравилось такое безответственное поведение учеников в столовой, что он приказал установить четыре камеры наблюдения. Каждое утро, приблизительно в 11.05, смотритель вставлял в видеомэгнитофон очередную кассету, на которую и писалась картинка с четырех двигающихся в автоматическом режиме камер. В течение минуты на пленку с каждой камеры записывалось по 15 секунд. Переход изображения с одной камеры на другую также происходил автоматически. Каждый день на пленке записывались километры самых банальных сцен. Когда в столовой за четыре месяца до этого поставили камеры, никто и не подозревал, что им предстоит записать через некоторое время.

В то время Америка уже была знакома с новым страшным явлением – расстрелами учеников в школах. Американцы видели репортажи о бойнях в школах по ТВ и читали о них в газетах. Первый подобный инцидент произошел всего за два года до событий в «Колумбайн». В феврале 1997-го шестнадцатилетний ученик школы в поселении Бетел, в штате Аляска, принес в учебное заведение ружье, из которого открыл огонь. Он убил директора и ученика, а также ранил еще двух человек. В октябре того же года еще один подросток открыл огонь в городке Перл, штат Миссисипи. В результате этого инцидента погибло двое детей и семеро получили ранения. В декабре стрельбу в школе устроили в небольших городках Падука в Кентукки, и Стэмпис в Арканзасе. К концу года в результате стрельбы в школах в общей сложности погибло семь и было ранено шестнадцать человек.

В 1998 году в результате пяти инцидентов с огнестрельным оружием в школах погибло десять и было ранено тридцать пять человек. Чаще всего бойни в школах происходили к концу учебного года, поэтому СМИ начали называть окончание учебы «сезоном охоты». Во всех случаях убийцей оказывался белый подросток и происходил инцидент в небольшом городке, название которого никто не слышал. Большая часть убийц действовала в одиночку. Бойни начинались совершенно неожиданно, быстро подходили к концу, и ТВ-репортеры появлялись на месте происшествия только после того, как все заканчивалось. По ТВ показывали репортажи, в которых зрители видели школы, окруженные полицейскими машинами и каретами «Скорой помощи», а испуганных и истекающих кровью детей выносили на носилках.

В период окончания занятий в 1998 году во многих школах страны настроение было близко к паническому. Особенно волновались родители и ученики школ в небольших городах и пригородах. В крупных центрах уже приняли необходимые меры безопасности.

Граждане были сильно озабочены происходящим. Ни одна школа не была застрахована от того, что озлобившийся ученик принесет оружие и откроет стрельбу. Все говорили, что бойня может произойти практически в любом месте. Пресса попыталась успокоить американцев. Директор Института политики и правосудия Винсент Ширалди говорил газете Washington Post: «Подобные инциденты не происходят в каждой школе. Подобное случается крайне редко». В редакционной статье в New York Times соглашались с этим утверждением. Центр по контролю и профилактике заболеваний США опубликовал информацию о том, что шансы быть убитым в школе равны одному на миллион. СМИ стали писать о том, будто можно утверждать, что и частота появления в школах учеников-убийц пошла на убыль.

Тем не менее для большинства белых представителей среднего класса понятие бойни в школе было совершенно новым явлением. После сообщений об очередном расстреле родители озабоченно качали головами и думали о том, где подобный инцидент может произойти в следующий раз.

Неожиданно школьные расстрелы прекратились. На протяжении всего учебного года 1998/99 не произошло ни одного инцидента. Американцы стали забывать о случившемся и переключили внимание на события за рубежом. В то время происходил вооруженный конфликт в бывшей Югославии. В марте 1999 года, когда Эрик и Дилан решились сделать то, что планировали, и приняли окончательный план действий, самолеты НАТО начали бомбить

сербов. Американские ВВС проводили наиболее крупные и массированные бомбардировки со времен кампании во Вьетнаме. Эскадрильи самолетов F-15 наносили удары по Белграду. В Европе происходил крупный военный конфликт, в котором США принимали активное участие. Большинство американцев позабыли о боях в школах.

4. Rock'n'Bowl

Эрик и Дилан зачастую не обедали в столовой, поэтому во время перемены редко виделись с директором Ди. Территория школы не была огорожена, и на выезде с парковки не стоял КПП. Многие старшеклассники, имевшие права и машины, не ели в школьной столовой, а ездили в точки общепита наподобие Subway или Wendy's, которых в округе было много. Большинство родителей учеников оказались достаточно обеспеченными для того, чтобы купить своим чадам автомобили. У Эрика имелась черная «Хонда», а Дилан ездил на черном старом «БМВ», который отремонтировал и привел в порядок его отец. Машины ребят стояли рядом на парковке для старших классов. Во время обеда они вместе с друзьями загружались в один из автомобилей и уезжали.

В ту пятницу у мистера Ди была всего одна цель, а у Эрика Харриса – по крайней мере две. Мистер Ди желал показать ученикам важность правильного жизненного выбора. Директор мечтал, чтобы в следующий понедельник все ученики пришли в школу живыми и здоровыми. А Эрик хотел купить побольше патронов и найти себе спутницу на выпускной.

Эрик и Дилан знали, что вскоре будут мертвы, но в пятницу вечером планировали отработать последнюю смену в пиццерии. Работа в пиццерии дала Эрику финансовые средства: он смог купить оружие, приобрести все необходимое для изготовления бомб, а также провести эксперименты с легко воспламеняющимися жидкостями. Дилану платили чуть больше разрешенной законодательством минимальной почасовой оплаты труда. Дилан получал 6.50, а Эрик – 7.65 долларов в час. Эрик считал, что достоин более высокой оплаты. «Как только закончу школу, то тут же тоже уволюсь, – говорил он приятелю, который уволился за неделю до трагедии. – Но не сейчас. После окончания школы найду работу, с которой смогу связать свое будущее». Он врал. Он не собирался заканчивать школу.

Несмотря на то что Эрик был умным парнем с хорошим потенциалом, он не строил никаких планов на далекое будущее. Он вполне мог поступить в колледж. Но у него не было никаких целей, что очень печалило его родителей.

У Дилана была светлая голова, и он собирался поступать в колледж, где планировал обучаться на компьютерщика. Его приняли в несколько заведений. Незадолго до трагедии вместе с отцом они на четыре дня уезжали в Тусон, где подросток даже выбрал комнату в общежитии. Дилану понравилась пустыня. Его семья приняла окончательное решение, и мать на следующей неделе должна была отправить чек на оплату административных расходов по его приему в Аризонский университет.

За несколько недель до трагедии Эрик решил успокоить отца и встретился с вербовщиком в ряды морской пехоты. Конечно, Эрик не планировал становиться военным, но это был лучший способ успокоить родителя. Его отца звали Уэйн, он двадцать три года служил в ВВС США летчиком-испытателем и имел несколько наград. Он дослужился до звания майора и вышел на пенсию.

Как уже было сказано, работа в пиццерии давала парням деньги и дополнительные возможности общения со сверстниками. Здесь работали их общие друзья: Крис, Нейт и Зак, а также другие знакомые. Работа позволяла Эрику знакомиться с красивыми девушками. В течение нескольких месяцев до трагедии он пытался сойтись поближе с одной симпатичной девочкой по имени Сюзан, которая работала администратором на полставки в парикмахерской Great Clips, расположенной в том же торговом центре. Сюзан часто заходила в пиццерию для того, чтобы забрать заказы, сделанные коллегами. Кроме этого, Эрик видел Сюзан в школьной курилке. Там он обращался к ней по имени (замечу, что, по словам девушки, она не знала, как он узнал ее имя). Когда она заходила в кафе, Эрик пытался ее «склеить». Казалось, что

девушка проявляет благосклонность. Эрик не любил отказов, поэтому через подруг попытался выяснить, как она к нему относится. Подруги сказали, что в целом Сюзан воспринимает Эрика положительно, без негатива. В тот вечер в пятницу в пиццерии было мало клиентов из-за недавней снежной бури, которые в этих местах случаются и поздней весной. Когда девушка пришла забирать заказы, Эрик смог с ней спокойно поболтать. Он попросил Сюзан дать ее номер, и она это сделала.

Эрик был доволен тем, что получил телефон Сюзан. После этого новый владелец пиццерии сообщил важные новости. Дело в том, что за шесть недель до описываемых событий Киргиз продал пиццерию новому владельцу. Новый хозяин уволил часть персонала, но оставил Эрика и Дилана, которые до этого достаточно долго проработали в кафе. После прихода нового хозяина парни уже не могли подниматься на крышу, чтобы пить пиво и запускать фейерверки, как они делали раньше с Киргизом. Эрик произвел на нового босса хорошее впечатление. Когда Киргиз уезжал, он часто оставлял Эрика за главного, и в ту пятницу новый владелец сделал то же самое, еще и назначил его начальником смены. За четыре дня до трагедии Эрика повысили. Со стороны всем показалось, что он этому рад.

В тот вечер оба приятеля попросили, чтобы владелец пиццерии выдал им аванс. Эрик попросил 200, а Дилан 120 долларов. Парни намеревались получить деньги за уже отработанные часы, и владелец выплатил требуемые суммы наличкой.

После окончания работы друзья поехали в боулинг. Здесь каждый вечер в пятницу проходило соревнование под названием Rock'n'Bowl, на которое собиралась местная молодежь. Чаще всего приходили шестнадцать ребят, некоторые из них работали в пиццерии Blackjack, а некоторые были просто знакомыми. Ребята заняли четыре расположенных рядом друг с другом дорожки и начали играть. Эрик и Дилан каждый вечер по пятницам играли здесь в боулинг. Нельзя сказать, что они были очень хорошими игроками – Дилан в среднем набирал по 115, а Эрик по 108 очков. Тем не менее ребята получали удовольствие. Они даже занимались боулингом во время уроков физкультуры. Дилан ненавидел рано вставать, но каждую неделю с понедельника по среду просыпался и в темноте ехал в боулинг. Занятия начинались в 6.00 утра. Эрик и Дилан практически никогда их не пропускали и не опаздывали. Несмотря на то что они три раза в неделю играли в боулинг на физкультуре, друзья не могли дожидаться вечера пятницы, чтобы поиграть без присмотра взрослых. В пятницу можно было оттянуться и вести себя чуть по-другому, чем на уроках. В последнее время Эрик увлекся немцами. Он читал Ницше, Фрейда и Гитлера, слушал такие группы в стиле индастриал, как KMFDM и Rammstein. Начал носить майки с надписями по-немецки. Иногда, делая приятелям жест приветствия, он произносил «*Zig хайль*». Существуют противоречивые сведения о том, следовал ли Дилан примеру товарища. Робин Андерсон – девушка, пригласившая Дилана на выпускной, обычно забирала парней из пиццерии и отвозила в боулинг. Но в пятницу на той неделе вместе с группой церковной общины она все еще была в Вашингтоне.

В тот вечер они не стали долго задерживаться в боулинге, потому что Эрик обещал позвонить Сюзан после девяти. Он набрал ее, но ответила мама Сюзан. Женщина вспоминала, что по голосу Эрика составила о нем хорошее мнение. Она сказала, что Сюзан нет, так как та ночует у подруги. Эрик пришел в ярость. Мама Сюзан очень удивилась тому, что он так сильно завелся от сообщения о том, что дочь не может подойти к телефону. Эрик плохо переносил ситуации, в которых получал отказ, особенно в случае, если ему отказывали девушки. Во время телефонного разговора Эрик не смог сдержаться и разозлился не на шутку. Он рвал и метал. В его компьютере нашли длинный список девушек, которые его отвергли, так называемый Shit List. Сюзан в этот список не попала. Ее мать продиктовала Эрику пейджер Сюзан, и тот быстро отправил той сообщение.

Сюзан перезвонила, и Эрик снова стал паинькой. Они поболтали о школе, компьютерах и тех, кто «насолил» Эрику и его подвел. Они проговорили около полчаса, и потом Эрик

пригласил Сьюзан на выпускной, который должен был начаться в субботу вечером. Она не занята в это время? Нет. Отлично. Тогда он перезвонит ей днем в субботу. Наконец-то! Он нашел спутницу на бал.

5. Два «Колумбайна»

Вечер пятницы тренер Сандерс обычно проводил в баре под названием «Колумбайн лаундж». Это было незатейливое место с громкой и не самой профессиональной музыкальной программой. Она напоминала концерт группы Allman Brothers³ в каком-нибудь далеком захолустье. Бар посещали люди самых разных возрастов. В основном публика была простая: много реднеков⁴, мексиканцы, черные, панки и скейтбордисты. Все между собой прекрасно ладили. Лысеющие байкеры с косичками знакомились с немолодыми дамами в свитерах и пиджаках цветочной расцветки. Практически каждый вечер здесь предоставляли сцену всем музыкантам, желающим порадовать публику своим творчеством. Посетителей развлекали старые пьянчуги, запевавшие «Stairway to Heaven»⁵ или зачастую безуспешно пытавшиеся сыграть мелодию из заставки сериала «Остров Гиллигана».

Во время музыкальных номеров бармены накрывали бильярдные столы листами фанеры, чтобы никто не залил и не прожог сукно. Сцену освещали прикрепленные к потолочным балкам алюминиевые софиты. На сцене один на другом стояло несколько динамиков и звуковой пульт. На полу маленькой танцплощадки был расстелен длинный ковер. Чаще всего на танцпол выходили сорокалетние женщины, одетые под Дороти Хэмилл⁶. Женщины пытались вытащить на танец своих мужчин, но те редко выходили. Дейв Сандерс был исключением. Он обожал танцевать. Ему очень нравился танец Электрик слайд⁷. Он был прекрасным танцором. Тридцать лет он играл в баскетбол, и грация его движений не исчезла с годами. Во время спортивной карьеры он был очень хорошим разыгрывающим защитником.

Получилось так, что тренер Сандерс пережил большинство клиентов этого бара. Тренера мало волновали вопросы, связанные с принадлежностью к определенному социальному классу. Он ценил дружбу, честность и искренность. Этого в баре было достаточно. Дейв просто любил расслабиться и повеселиться. Он много смеялся вообще и в этом месте в частности.

Тренер Сандерс появился в «Колумбайн» в 1974 году и в то время был типичным представителем местного населения. Он вырос в расположенном в сельской местности небольшом и тихом городке Ведерсбурге в Индиане, который в те годы был похожим на местную общину. В школе он начал преподавать сразу после окончания колледжа. С тех пор прошло уже двадцать пять лет, а он не сменил работу, которая ему очень нравилась.

Бар был расположен достаточно близко от южного входа в школу. В 70-х гг. в него ходили многие учителя. Здесь тренер общался с бывшими учениками, их родителями, братьями и сестрами. В те времена за неделю через бар проходила добрая половина взрослого населения города. Коллеги, пришедшие в школу после тренера, не ходили в этот бар, но в любом случае они никогда бы и не стали его постоянными клиентами. В конце 70-х гг. в город прибыло много небедных новых жителей, и их дети начали посещать школу «Колумбайн». Недавно переехавшие в город предпочитали дорогие дизайнерские бары или сеть ресторанов с ирландской тематикой Bennigan's. Иногда они ходили на частные вечеринки, которые устраивали в особняках друг друга или огромных виллах, спроектированных архитекторами, которых, судя

³ The Allman Brothers Band – американская рок-группа, образованная в 1969 г. в Джексонвилле, Флорида, братьями Оллмэн. The Allman Brothers Band считаются «главными архитекторами Южного рока». Играли музыку в стилях хард-, кантри- и блюз-рок.

⁴ Реднеки – жаргонное название белых фермеров, жителей сельской глубинки.

⁵ Хит группы Led Zeppelin.

⁶ Американская фигуристка, бизнесвумен, писательница и актриса, выступавшая в одиночном фигурном катании, олимпийская чемпионка 1976 г.

⁷ Танец придуман для открытия в 1976 г. дискотеки Vamps Disco в Нью-Йорке. Его впервые показали под хит «Electric Boogie», спетый и написанный Маршей Гриффинс.

по всему, вдохновлял стиль точек общепита Макдоналдс. Семьи Кесси Бернал, Харрисов и Клиболдов были «новыми колумбайнцами». Мистер Ди поселился тут давно и формально принадлежал к старому поколению местных жителей, но постепенно превратился в «нового колумбайнца», коих очень быстро стало больше, чем приехавших сюда давно или родившихся здесь и считавших себя коренными жителями. Их оставалось немного, но они все же были. Многие семьи обитали в настоящих ранчо, построенных за полвека до этого на территориях небольших построек для лошадей. Когда возводили школу, эти ранчо и составляли большую часть территории города Колумбайн.

Среднюю школу «Колумбайн» построили в 1973 году. Тогда к ней вела грунтовая дорога, отходившая от другой, тоже грунтовой. В округе занимались главным образом разведением лошадей. Английское слово *columbine* переводится как водосбор, однако школу назвали в честь цветка, который часто встречается на склонах Скалистых гор. Тогда вокруг нового здания раскинулись луга, на которых лежал конский навоз и росли сосны. В те времена в городе было мало жителей, но власти округа готовились к тому, что в эти места переселится большое количество людей. Появилось автобусное сообщение с Денвером, и очень быстро в округе и в предгорьях стали появляться новые поселения белых американцев, переезжавших из Денвера и других городов.

Администрация заранее не знала, где именно осядут новые жители, и в разных местах возвела три временных здания, которые могли бы использоваться в качестве школ, в зависимости от того, где появятся поселенцы. Здания представляли собой совершенно одинаковые большие коробки, которые можно было превратить в заводы, не появившись поблизости жители и оказавшись школа в том районе излишней. Я уже упоминал, что в архитектурном смысле здание школы «Колумбайн» очень напоминает фабрику. Внутри поставили передвижные перегородки-гармошки, при помощи которых можно отделить одну классную комнату от другой. Звукоизоляция была очень плохой, но администрация округа сочла, что ученики и учителя не умрут от этого неудобства.

Строительные компании начали возводить один микрорайон за другим. Каждый новый дом оказывался дороже предыдущих. Администрация сохранила за собой все три конструкции, изначально созданные под школы. В 1995 году непосредственно перед началом учебы Эрика и Дилана, здание средней школы «Колумбайн» перестроили. Внутри установили стены для разграничения классов и добавили большое западное крыло, что в два раза увеличило общую площадь. К зданию присоединили стеклянный «пузырь» столовой, а на втором этаже пристройки оборудовали библиотеку.

К апрелю 1999 года большая часть протянувшейся до предгорий равнины была заполнена домами людей, недавно переселившихся в эти места. Однако жители не горели желанием объединяться в какое-либо поселение. Появление города означает другие налоги и правила. Получилось так, что 100 000 людей обитали в одном безымянном предместье, в котором не было городского центра, главной улицы, здания мэрии и библиотеки. У этого нового города даже не было названия. Южнее Денвера лежит тихий пригород Литтлтон, но никто не называет трагедию в «Колумбайн» трагедией в Литтлтоне. В этих местах существует местность под названием Колумбайн, но находится она в нескольких километрах западнее от самой школы «Колумбайн», на другой стороне реки Саут-Платт, в другом административном, полицейском и школьном округе. Почтовая служба использовала штамп «Литтлтон» на территории площадью более тысячи квадратных километров. Проживавшие в новых поселениях жители склонялись к тому, чтобы назвать город Колумбайн, как и школу, ставшую за неимением других административных зданий центром поселения, в котором проживало тридцать тысяч человек.

Дейв Сандерс работал не только тренером. Он преподавал машинопись, экономику и бизнес. Нельзя сказать, что он очень сильно любил эти предметы, ведь его страстью было тре-

нерство. В «Колумбайн» он тренировал учеников по нескольким видам спорта. Сперва он был тренером мальчиков, но потом понял, что больше толку будет, если тренировать девочек. «Он умел сделать так, что все чувствовали себя в полной безопасности», – вспоминает один из его друзей. Благодаря Сандерсу школьники хорошо и уверенно чувствовали себя на спортивной площадке.

Дейв никогда не кричал на девушек и не укорял их в том, что они не добиваются определенных результатов. Но он был настойчивым и строгим, просил еще и еще раз повторить определенное упражнение. Он спокойно наблюдал за тренировкой, а когда что-то говорил, то старался вдохновить девушек и анализировал их ошибки. В последний семестр того учебного года он стал тренером женской сборной школы по баскетболу. До этого она двенадцать лет подряд проигрывала все соревнования. Перед первой тренировкой он купил и раздал девушкам майки с надписью «Одна из двенадцати». Весной того же года женская команда школы оказалась в числе участников чемпионата штата.

Если Дейву Сандерсу что-то не нравилось, он смотрел на человека холодным и осуждающим взглядом. Однажды он смотрел так на двух девушек, которые часто болтали, когда учитель вел урок бизнеса. Заметив, что на них обратили внимание, девушки замолкали, но снова начинали болтать, как только учитель отводил от них взгляд. Он поставил стул прямо напротив болтушек и вел занятие с этого места, не отрывая глаз от этих особ до самого его конца.

По вечерам в будни Дейв часто бывал в спортзале, в котором периодически проводил время и по выходным. Летом он вел подготовительные классы при университете в Вайоминге. Дейв был практичным человеком. Он любил, чтобы все работало эффективно. Он начал приводить дочь Анжелу на тренировки в школе, когда она была еще совсем маленьким ребенком. Пока отец работал, дочь играла в игрушки в спортзале за пределами баскетбольной площадки. К концу тренировки игрушки были разбросаны по всему залу, включая трибуны для зрителей. Девушки с облегчением вздыхали, когда слышали, что тренер просит ребенка собрать игрушки, потому как понимали: тренировка скоро подойдет к концу.

Анжеле нравилось время, которое она проводила в спортзале. «Я выросла в “Колумбайн”», – вспоминает она. Ее отец был большим и сильным, как медведь, и когда он обнимал дочь, та чувствовала себя в безопасности.

Мать Анжелы, Кейти Сандерс, развелась с мужем, когда девочке было три года. Дейв переехал в дом поблизости от бывшей жены, чтобы быть рядом с дочерью. Потом Анжела перебралась в дом отца. Дейв женился, и его бывшая супруга Кейти даже подружилась с его новой спутницей по имени Линда Лу.

«Кейти – просто душа, и они с Дейвом очень хорошо ладят, – говорила Линда. – Однажды я спросила ее, почему они с Дейвом развелись, и она ответила, что его никогда не было дома, словно она была замужем за призраком».

Когда Линда вышла замуж за Дейва, Анжеле уже исполнилось семнадцать лет. У Линды остались две девочки-подростка от предыдущего брака. Она давно развелась и в течение многих лет работала и содержала дочерей. Постепенно Линда привыкла к Дейву и к тому, что от него зависит. Линда умела быть сильной, но ей больше нравилась ситуация, когда она может опереться на мужское плечо. Раньше она была независимой, но это время прошло.

Линда часто проводила время вместе с мужем в баре. Ей здесь нравилось не меньше, чем самому Дейву. Именно тут они и познакомились в 1991 году. Именно тут они собрали гостей на ужин после свадьбы, состоявшейся через два года после знакомства. Этот бар был для супружеской пары вторым домом.

Дейв стал для Линды идеальным мужчиной. Он заботился и защищал ее. Он любил романтические отношения. После знакомства он предложил поехать с ним в Лас-Вегас. Когда они шли по мосту к входу в казино Excalibur, он попросил показать ему кольцо от прошлого

брака, которое она все еще носила. Линда протянула руку, он снял кольцо, выбросил его в ров под мостом и сделал ей предложение руки и сердца, от которого она не смогла отказаться.

Вместе с дочерьми Синди и Конни Линда переехала в дом Дейва. Всех детей они воспитывали вместе. Дейв удочерил младшую дочь жены, Конни. Всех трех девочек он считал собственными детьми, и они называли его папой.

Постепенно Дейв набрал вес. Он отрастил бороду, которая потом поседела. Неизменными оставались только улыбка и блеск в глазах. Дейв начал походить на Санта-Клауса в молодости. Он продолжал работать тренером, любил смеяться и шутить, проводить время с внуками, в которых души не чаял. Он ездил на стареньком «Форде», носил тренировочные штаны из полиэстера и простые, неброские рубашки на пуговицах. Поредевшие волосы он зачесывал на левую сторону. На носу сидели большие очки в уже давно не модной оправе. Каждый вечер он смотрел ток-шоу ведущего Джони Карсона, попивая диетическую колу с Jack Daniel's. После того как Карсон вышел на пенсию, семья купила спутниковую тарелку, чтобы Дейв мог посмотреть какой-нибудь матч. Линда не смотрела спортивные трансляции, а ждала мужа в спальне на втором этаже.

Совершенно неожиданно за несколько недель до выпускного вечера Дейв решил изменить имидж. Ему уже было сорок семь лет, и он подумал, что настала пора поменять внешний вид. Он удивил Линду приобретением очков в тонкой металлической оправе, которую сам себе выбрал. До этого он уже много лет не покупал себе модных вещей. «Ого!» – воскликнула удивленная Линда, увидев мужа.

Дейв был ужасно горд новыми очками. «Наконец-то я выгляжу, как человек из 1999 года», – говорил он.

В новом образе он появился на встрече членов семьи на Пасху, на которой присутствовали и его внуки. Никто не обратил внимания на смену имиджа.

В тот вечер, оставшись с Анжелой наедине, Дейв признался, что ему было очень больно от того, что никто не обратил внимания на его очки.

Дейв понял, что жизнь надо менять. Он отказался от работы баскетбольным тренером в летнем лагере. Решил, что станет меньше тренировать и больше времени проводить с семьей.

Перед сном он начал пить диетическую колу с ромом.

В воскресенье, за неделю до выпускного бала, отмечали день рождения четырехлетнего сына Анжелы Остина. Дейв намазывал внукам бутерброды с арахисовым маслом и виноградным желе. Он обрезал корочки хлеба, потому что дети любили мякиш. Потом спрятал в сэндвичах лакрицу, чтобы удивить внуков.

Остин звонил дедушке во время выходных, в которые проходил выпускной, но не застал его на месте. Дейв тоже не дозвонился Анжеле и внуку и оставил сообщение на автоответчике. Анжела стерла это сообщение. На следующей неделе она будет горько плакать, сожалея о том, что сделала.

Выпускной бал должен был состояться 17 апреля, но для большинства приглашенных подготовка к мероприятию началась еще в середине зимы. Патрик Айрленд каждый вечер лежал на кровати в своей комнате и, подбрасывая одной рукой бейсбольный мяч, в другой держал телефонную трубку. Он разговаривал с лучшей подругой Лорой, пытаясь намекнуть, что хочет пойти с ней на выпускной. *Кого хочешь пригласить? Уже кого-нибудь позвала?* Она, в свою очередь, засыпала его точно такими же вопросами: *Кого ты пригласишь? Когда? Чего тянешь с приглашением?*

Вообще-то Патрик казался довольно решительным парнем. Он был членом баскетбольной и бейсбольной команд и получил первое место по катанию на водных лыжах. Он неплохо учился. Однажды, когда баскетбольная сборная школы в последние минуты игры проигрывала соперникам 5 очков, он промахнулся и не попал в кольцо, упал и почувствовал себя полным

лузером. Тогда он подумал: «Забудь про неудачи! Если хочешь выиграть, надо сконцентрироваться на следующей игре». А в отношениях с Лорой он ни на чем не мог сконцентрироваться.

Патрик был парнем скромным, но не лишенным уверенности в вопросах, в которых хорошо разбирался. Она была его первой любовью, он любил Лору с третьего класса. В какой-то момент они разругались и после этого целый год не разговаривали. Потом, в старших классах, они снова сошлись. Сперва это была дружба, но потом сердце начинало биться сильнее, когда он ее видел. Он думал, что ей не безразличен. Ему так казалось. А может, он все представлял и выдумывал? Может быть, она просто кокетничала?

Лора тоже очень волновалась по поводу бала. Выпускной – это не просто вечер. Это мероприятие, к которому надо долго готовиться, совершать покупки, бесконечно обсуждать и сделать так, чтобы не дай бог не оказаться без друзей и их поддержки. В общем, было о чем подумать и чем заняться.

Лору пригласил один парень. Она сказала, что подумает, и потом согласилась. Она знала, что очень ему нравится.

После этого Патрик пригласил Лору. Не в качестве девушки, а просто как приятельницу. Они решили, что пойдут на выпускной не как влюбленные, а как друзья. Так спокойнее. Будут просто веселиться.

Наконец, настал вечер выпускного бала. Мероприятие затянулось часов на двенадцать: групповые фотографии, роскошный ужин, танцы, афтепати. Группа подростков, в которой находился Патрик, ужинала в ресторане *Gabriel's*, расположенном в старинном викторианском особняке, превращенном в элегантный стейк-хаус и рыбный ресторан. К нему они подъехали на лимузине и отменно отужинали. Потом долго добирались в Денвер, где начинался бал. В качестве места проведения праздника выбрали денверский центр дизайна, известный в народе как «здание со странной желтой штукой». Под «штукой» надо понимать скульптуру «Говорящая стена», похожую на многометровую цепь ДНК, которая возвышается над бывшими складами, где разместились рестораны и магазины⁸.

Недостатком того, что выпускной решили провести в городе, стала нехватка места на танцполе. Парочки толкали друг друга. Патрику врезалось в память то, что звучала песня «Ice Ice Baby». На конкурсе талантов в третьем классе Патрик выступал с танцем под эту композицию и надолго запомнил слова. Каждый раз, когда он ее слышал, то вместе с приятелями исполнял смешной танец. Но самым приятным воспоминанием вечера было то, как он обнимал Лору на танцполе. Они станцевали «медляк». Он был счастлив.

У Кесси Бернал не было кавалера, поэтому на бал она не пошла. Она казалась симпатичной, но считала себя лузером. Подростки из молодежной церковной группы не обращали на нее внимания. А внимание ребят из школы имело исключительно сексуальный подтекст. Настоящих друзей было сложно найти. Кесси вместе с подругой Амандой разоделась, сделали прически и пошли на банкет, который мать Аманды устроила в гостинице «Марриот». Потом девушки поехали на афтепати, где присутствие кавалера было необязательным, и веселились до утра.

⁸ В настоящее время эта скульптура входит в коллекцию художественного музея Денвера.

6. Будущее

Группа подростков, с которой праздновал Дилан, арендовала лимузин. Днем в субботу за ним заехала Робин Андерсон. Они сделали несколько фотографий вместе с родителями, после чего встретились с еще пятью парами и двинулись в город. В тот вечер на Робин было темно-синее платье из сатина с длинными перчатками такого же цвета. Она завила светлые волосы, которые при движении пружинисто подпрыгивали над квадратным вырезом платья. Она выглядела как мадонна с картины художника-прерафаэлита.

Дилан пребывал в отличном настроении. Он был готов, весь чистый и наглаженный. Он вытянул из-под рукавов манжеты с запонками и поправил пиджак. Дилан взял в аренду черный смокинг. Бабочка сидела чуть наискосок. В петлице был бутон розовой розы, вокруг стебля которой висела нитка такого же цвета, как и платье его спутницы. Волосы он собрал в пучок на затылке. Он был гладко выбрит. Отец Дилана ходил за сыном по пятам с видеокамерой, снимая каждое его движение. Дилан сказал на камеру: «Пап, через двадцать лет мы будем смеяться над этими кадрами».

В город они поехали на лимузине с тонированными стеклами и зеркальным потолком. Вот это да! Дилан держал Робин за руку и хвалил за красивое платье. Они ели в модном месте Bella Ristorante, расположенном в центре. Во время ужина веселились, валяли дурака с ножами и спичками, делали вид, что хотят самих себя поджечь. Дилан съел большую тарелку салата, огромную закуску с креветками и десерт. Он говорил о предстоящей встрече мальчишек и девчонок из класса для одаренных детей, в который ходил в начальной школе. Ему было интересно узнать, как сложилась жизнь товарищей. Он обещал им несколько бесплатных пицц из Blackjack.

Ужин закончился довольно рано. Дилан вышел на улицу покурить и попросил Нейта Дайкмана выйти вместе с ним. На улице было прохладно, но хорошо. Приятно несколько минут побыть в тишине. Прекрасная еда, отличная компания, они оба впервые в жизни ехали на лимузине. «Все шло идеально, по плану», – рассказывал позднее Нейт.

Нейт был выше Дилана – его рост составлял 193 сантиметра. Кроме этого, он оказался гораздо красивее Дилана. У Нейта были классические черты лица, густые, темные брови и пронзительные глаза. Приятели еще немного поболтали на тему встреч бывших одноклассников. Все собирались в колледж. Они поговорили о том, что Дилан едет в Аризону, а Нейт – во Флориду. Нейт в будущем хотел попасть на работу в Microsoft. Интересно, чего каждый из них сумеет добиться к тому времени, когда им придется встретиться в будущем? Они порасуждали на эту тему. «Он даже и намеком не дал понять, будто что-то может пойти не так, – вспоминал потом Нейт. – Тогда мы просто веселились. Наслаждались вечером и получали удовольствие». После ужина они сели в лимузин и быстро доехали до центра дизайна. В салоне громко звучал рок, и ребята изображали, что играют на гитарах. Смеялись над пешеходами. Они видели всех, а их никто не видел. Просто песня.

Дилан был в прекрасном настроении. Он сказал ребятам, что в будущем надо будет поддерживать связь. Ему с ними так весело, что не хочется расставаться.

Эрик не торопился. Несмотря на то что он с ног сбился в поисках спутницы на выпускной, он позвонил ей только ранним вечером. Эрик был уверен в себе и своих силах. Он знал, что нравится девушкам. Эрик пригласил Сьюзан посмотреть кино у него дома. Она подъехала около семи. Родители Эрика только что ушли отмечать годовщину свадьбы. Эрик хотел показать Сьюзан картину «Сквозь горизонт» – о том, как космический корабль возвращается из ада. Он очень любил этот фильм. Они посмотрели кино и потом некоторое время сидели в его спальне, расположенной в подвале дома, и болтали.

Вернулись родители Эрика, и подростки вышли их поприветствовать. Во время общения с Сьюзан родители просто болтали, например, отец Эрика сообщил, что подстригся в парикмахерской Great Clips. Сьюзан подумала о том, что родители Эрика – дружелюбные и приятные люди. Все прекрасно находили общий язык друг с другом. Потом взрослые ушли, и Эрик поставил несколько своих любимых песен. Ей показалось, что это сплошной надрывный крик и звуки ударных, и Эрик нашел что-то более девичье, типа Енуа. Он один раз ее обнял, но не поцеловал. Он вел себя очень вежливо, даже предложил разогреть ее автомобиль перед тем, как она отправится домой. Девушка ушла в одиннадцать, хотя планировала уйти в 10.30. Эрик поцеловал ее в щеку и пожелал спокойной ночи.

Выпускной прошел достаточно стандартно. Выбрали королеву и короля бала, и мистер Ди выдохнул с облегчением, что все живы и здоровы. Дилан и Робин повеселились, но это было даже не главной целью мероприятия. Выпускной бал – это своеобразный пробный слепок будущей взрослой жизни. Все разделись, как на безвкусную свадьбу, пары держались за руки, словно влюбленные или женатые, хотя, может быть, никогда до этого у них не было ни одного свидания, а их поведение представляло собой что-то среднее между выходом в свет дебютантов былых времен и стилем жизни современных знаменитостей: красный ковер, лимузин и папарацци, роль которых исполняли родители, учителя и специально нанятые фотографы.

После самого бала полагалось афтепати, на котором можно было расслабиться, снять туфли на высоких каблуках, перестать позировать и по-настоящему повеселиться. Подросткам дали возможность поиграть в азартные игры. В школьном спортзале поставили столы для покера, блэкджека и крэпса. В качестве крупье выступали специально одетые для этого случая родители. Были и подвижные игры: соревнование по меткости бросания мяча, детский надувной замок, возможность банджи-джампинга. Выпускники веселились до рассвета. У афтепати имелась своя тема: Нью-Йорк. Кто-то из родителей построил огромный лабиринт, в котором надо было добраться до школы. У входа в него стояли муляжи Эмпайр-стейт-билдинг и Статуи Свободы. Во время афтепати некоторые из парней практически не видели девушек, с которыми пришли на бал. У других вообще не было спутника или спутницы. Эрик присоединился к группе Дилана. Несколько часов они провели в казино, проигрывая не настоящие, а бумажные деньги-фантики. Патрик Айрленд сидел близко от их компании. Но они так и не встретились. Дилан все время говорил о том, что ждет не дождется того, как попадет в колледж.

7. Церковь в огне

Эта церковь в огне. Не будем забывать, что в этих местах очень много христиан-евангелистов. Приблизительно в километре от школы «Колумбайн» в переделанном здании магазина располагается христианский центр «Троица». Когда утром в спортзале школы закрывали казино, верующие были на службе. Они вышли в проходы между рядами, бормотали, кричали в экстазе и звали Господа. Двести рук вздымались к небу. Пел хор, и слова гимна доводили верующих до исступления.

Эта церковь в огне...
Все мы желаем лишь одного...

Одной из самых религиозных девушек этой общины была ученица старших классов, которая часто ходила на службу в платье с узором из орхидей. Она закидывала голову назад и зажмуривалась, беззвучно произнося губами слова гимнов во время звучания инструментальных аранжировок.

Начиная с тех лет, когда в этих краях появились первые белые поселенцы, а также с периода «второго великого пробуждения»⁹ штат Колорадо стал местом сосредоточения большого количества евангелистских групп. В конце прошлого века Колорадо-Спрингс многие называли Ватиканом евангелистов. Денвер считается светским городом, не подверженным религиозному влиянию, хотя в его западных пригородах достаточно самых разных общин. Одна из них собиралась в христианском центре «Троица», где у прихожан была задача – спасти душу и победить сатану.

Любой местный евангелист-проповедник скажет вам, что в округе Джефферсон точно есть сатана. Задолго до бойни, организованной Эриком и Диланом, десятки тысяч евангелистов готовились к приходу черного принца. Евангелисты называют сатану «врагом». Сатана никогда не дремлет.

Школа «Колумбайн» находится в четырех с половиной километрах от подножия гор. Чем ближе к горам, тем больше стоимость земельных участков и тем богаче оформлены и обставлены церкви евангелистов. Центр «Троица» считается бедным приходом по сравнению с общиной «Библейская церковь в предгорьях». Пастора зовут Билл Оудемолен, и выглядит он как типичный телевизионный евангелист: уложенные феном волосы смотрятся, как каска, а галстук и костюм Armani приглушенных, земляных тонов, дополняют образ. Но как только Билл открывает рот, становится понятно, что внешний вид бывает обманчивым. Он искренний, умный и большой интеллектual. Он выступает против священников, которые говорят пастве, что чем больше денег вы мне дадите, тем быстрее я вас спасу.

Еще одна община под названием «Церковь Вест-Боулз» находится как бы посередине между двумя упомянутыми приходами в географическом, интеллектуальном и социально-экономическом смысле. Точно так же, как и Оудемолен, местный пастор Джордж Кирстен был сторонником буквального толкования Библии. Он презирал проповедников, которые видели лишь любящего Господа. Кирстен считал, что Христос умеет мстить. Он придерживался мнения о том, что любовь – это лишь часть веры. «Я этого не приемлю, – говорил он, проповедуя строгий моральный кодекс, четкий, как хорошая черно-белая фотография. – Люди видят мир, в котором слишком много серого. В Библии все преподносится совсем не так».

⁹ Великое пробуждение – это религиозно-политическое евангелистское движение, развернувшееся в 30-40-е гг. XVIII в. против политической и духовной монополии теократической олигархии пуритан в США. Вторым великим пробуждением в США называют движения евангелистов 1790–1840 гг.

Для этих людей религия стала чем-то гораздо более важным, чем занятие, которому отдаешь час по воскресеньям. В общинах были организованы кружки по изучению Писания, молодежные группы, поездки на стажировки. Утро люди начинали с цитаты из Библии, и все молились перед сном. Дети прихожан из общины Вест-Боулз ходили в «Колумбайн» с браслетами на руках, на которых значилось «А что бы сделал Иисус?» и обменивались дисками с христианской рок-музыкой. Иногда они говорили о Боге с атеистами или спорили с протестантами. В школе «Колумбайн» был организован кружок по изучению Библии, члены которого встречались раз в неделю. Основными вопросами обсуждения были: как бороться с искушением и соблазном, как стать достойным исполнителем воли Господа и как внедрить в жизнь более высокие стандарты. Члены кружка внимательно следили за тем, не появился ли сатана.

Пасторы Кирстен и Оудемолен часто говорили в своих проповедях о сатане. Оудемолен использовал слово «сатана», а Кирстен – враг. Для этих людей и их паствы сатана был не просто библейским символом. Он являлся совершенно конкретным, телесным существом, которое стремилось захватить души.

И сатана иногда завоевывал души людей, которые, казалось, были вне всякого подозрения. Например, Кесси Бернал. Я говорю об ангельского вида блондинке, ходившей в предвыпускной класс, которая с радостью нарядилась на выпускной и провела его в гостинице «Марриот». Во вторник Кесси должна была выступать на встрече членов молодежной группы своего прихода. Дом ее родителей находился в непосредственной близости от территории школы, в которую она перевелась всего двумя годами ранее из Школы христианского братства. Она сама умоляла родителей перевести ее в «Колумбайн». Господь дал ей знамение. Он хотел, чтобы она перешла туда и увидела неверующих в «Колумбайн».

Понедельник прошел без каких-либо происшествий. Много невыспавшихся подростков, много рассказов о том, кто чем занимался. Все воспитанники мистера Ди вернулись в школу живыми и здоровыми. Несколько учеников заглянуло в его кабинет. «Просто хотели показать вам свои радостные лица», – заявляли они.

Специальный агент Дуэйн Фузилер в тот понедельник немного нервничал. Он возглавлял денверскую секцию ФБР по борьбе с внутренним терроризмом. 19 апреля с точки зрения религии был особенным днем. За шесть лет до описываемых событий произошла самая страшная катастрофа в истории ФБР, и ровно через два года после этого случился акт мщения. 19 апреля 1993 года ФБР штурмовало здание секты «Ветвь Давидова» на ранчо в 14 км от города Уэйко, в Техасе. В здании начался пожар, и восемьдесят его обитателей, включая детей, сгорели заживо.

Фузилер считался одним из наиболее успешных агентов, умевших вести переговоры с преступниками, захватившими заложников. Он шесть недель вел переговоры с представителями секты. Фузилер был против штурма фермы, но тогда его никто слушать не стал. Непосредственно перед штурмом ФБР решило дать сектантам последний шанс, и агент был последним человеком, который говорил с их главой Дэвидом Корешем. Агент видел, как горело ранчо.

Мнения о роли, которую сыграло в этом инциденте ФБР, разнились. После этой трагедии в отставку чуть было не ушел генеральный прокурор страны Джанет Рено. Уэйко активизировал антиправительственное партизанское сопротивление, и 19 апреля стало символом борьбы с существующей властью. В отместку за действия ФБР 19 апреля 1995 года Тимоти МакВей взорвал здание в Оклахома-Сити. Погибло 168 человек. На тот момент это была самая знаменитая террористическая операция, стоившая максимально большого количества жизней.

8. Максимальная концентрация людей

Скорее всего, Эрик и Дилан, как и вся страна, наблюдали по ТВ, как горела ферма в Уэйко, а также последствия взрыва в Оклахома-Сити. Именно в этих районах страны подобные трагедии вызвали наибольший резонанс. МакВея судили в Денвере в то время, когда ребята уже ходили в «Колумбайн» неподалеку. По ТВ многократно повторяли сцены пожара и разрушения. В своем дневнике Эрик писал о том, что хочет убить больше людей, чем удалось МакВею. МакВей просто заложил бомбу, включил часовой механизм и ушел. Он не видел взрыва. А вот Эрик хотел увидеть результаты своего труда.

Это должен был быть Судный день. «Колумбайн» должен был взорваться и охватиться пламенем. Эрик изготовил по меньшей мере семь бомб, инструкции к которым нашел в скачанной из сети «Поваренной книге анархиста». Он выбрал так называемый «шашлычный дизайн»: стандартный газовый баллон с пропаном, крупный, круглый и белый, в высоту почти 55 сантиметров и в диаметре около полуметра. В баллоне закачано десять килограммов взрывоопасного газа. На первой бомбе в качестве детонатора были установлены банки аэрозоля, каждая из которых соединена со старомодным будильником со звоночками над циферблатом. Он хотел установить бомбу в четырех с половиной километрах от школы, в парке около дома. Бомба могла бы убить десятки людей, но она должна была взорваться в парке, чтобы отвлечь полицию. Потому что каждая свободная минута очень важна. Ребята собирались побить рекорд МакВея в три или четыре раза. Количество жертв они оценивали в «сотни», «несколько сотен», «по крайней мере четыреста», что, в общем-то, является совершенно реальным, учитывая арсенал, который они хотели задействовать.

Возможно, у Эрика были и другие причины, по которым он хотел использовать отвлекающий план. Он очень хорошо понимал людей и видел, что Дилан колеблется. Отвлекающий взрыв, от которого никто не пострадает, мог помочь Дилану принять окончательное решение.

Самое главное действие должно было разворачиваться в трех актах, как в кино. В первую очередь должен был произойти мощный взрыв в столовой. Через две минуты после звонка там появлялось шестьсот учеников, большинство из которых должно было погибнуть. В первом акте две бомбы. Каждая состояла из банки с бензином и небольшого баллона с пропаном, обложена гвоздями и пулями для духового ружья и соединена с часами, подобными тем, о которых уже упоминалось. Бомбы были упакованы в матерчатую сумку. Каждый из парней должен был занести по сумке с бомбами в столовую во время перемены, когда в коридорах оставалось много детей. Это должно было помочь Дилану «войти во вкус» убийства. Для активации заряда надо всего лишь включить таймер, то есть совершить действие, которое само по себе является бескровным. Во время установки бомб в столовой не будет ни крови, ни криков. Большинство жертв Дилана должны были погибнуть без необходимости в них стрелять.

Взрывы могли уничтожить большую часть детей в столовой и начать пожар в здании школы. Эрик рисовал подробные диаграммы. Бомбы должны были лежать не рядом, а на расстоянии друг от друга, чтобы увеличить радиус взрыва и расположить их надо было поблизости от двух колонн, поддерживающих второй этаж. Потом полиция сделала компьютерное моделирование и провела несколько тестов, после чего установила, что взрыв расположенных подобным образом зарядов с большой вероятностью привел бы к обрушению второго этажа. Судя по всему, Эрик рассчитывал на то, что станет свидетелем этого разрушения, под обломками которого погибли бы все, кто находился внизу.

После включения часовых механизмов убийцы должны были быстро выйти из здания и на парковке перед входом в школу разойтись под углом в 90 градусов. Каждый из них собирался вернуться к своей машине, которые были припаркованы приблизительно в пятидесяти метрах друг от друга. Машины и находящийся в них груз должны были сыграть ключевую роль

в событиях второго акта трагедии. Парни хотели занять позицию, предоставляющую оптимальный угол ведения огня. Они много раз тренировались на скорость надевания на себя снаряжения. Бомбы должны были взорваться в 11.17 и обрушить второй этаж. После обрушения и начала пожара Эрик и Дилан должны были взять полуавтоматическое оружие на изготовку, чтобы стрелять в выбегающих из здания учеников.

Во втором акте трагедии должно было быть много стрельбы. Это должно было стать наиболее «веселым» пунктом всего действия, от которого убийцы рассчитывали получить максимальное удовольствие. Дилан был вооружен 9-миллиметровым автоматическим пистолетом Intratec TEC-9 и ружьем. У Эрика было ружье и 9-миллиметровый карабин. Парни отпилили стволы ружей, сделав обрезы, чтобы их было легче спрятать под одеждой. В общей сложности у них имелось восемьдесят небольших бомб, изготовленных из обрезков труб, с диоксидом углерода в качестве взрывчатого вещества, которые Эрик называл «букашками», несколько бутылок с коктейлем Молотова, а также ножи, которые могли бы пригодиться в случае рукопашной. Парни надели на себя сетку для ношения пехотинцами дополнительного боекомплекта, в которую и должны были сложить патроны и бомбы. У каждого из них была еще и большая сумка, в которой также находились заряды и патроны. К запястью они хотели приклеить клейкой лентой полоски со спичечных коробков для быстрого зажигания бомб. И только потом каждый из них должен был надеть сверху длинный черный плащ-пыльник для того, чтобы скрыть оружие и патроны, а также устрашающе выглядеть (потом в репортажах СМИ эти плащи превратились то в пальто, то в полушinelи).

Они планировали вернуться к зданию сразу после взрыва. Они хотели подойти максимально близко к школе и стоять так, чтобы видеть друг друга. Парни заранее продумали жесты руками, при помощи которых могли общаться. Распланировали каждую деталь, среди которых расположение каждого из стреляющих имело огромное значение. Общая площадь строения составляла 500 000 квадратных метров, и в нем было двадцать пять выходов, из которых должны были появиться те, кто выжил. Парням следовало стоять так, чтобы видеть друг друга и иметь возможность обстреливать две стороны здания, на которых расположились три основных входа. Их линии огня пересекались на главном входе для учащихся, рядом со столовой и буквально в паре десятков метров от мест, где должны были быть заложены бомбы.

Правильное расположение относительно противника во время ведения по нему огня является одним из базовых навыков любого пехотинца, который проходит обучение на военной базе Форт-Беннинг. Наиболее эффективным признан перекрестный огонь, потому что во время него обстрел цели происходит одновременно с двух сторон, но при этом стреляющие не захватывают огнем союзников. Даже когда стрелок поворачивается, чтобы поразить огнем убегающего противника, он не может случайно попасть в своих. Находясь на такой позиции, Эрик и Дилан имели угол обстрела в 90 градусов и могли спокойно стрелять, не боясь попасть друг в друга. В таком положении если один из стрелков продвинется вперед, то все равно не попадет на линию огня второго. Перекрестный огонь – это наиболее эффективный способ ведения боевых действий.

Эрик и Дилан с упоением ждали наступления именно этой фазы бойни. Именно тогда оба парня рассчитывали найти свою смерть. Они не надеялись на то, что застанут живыми третий и последний акт этой трагедии. Через сорок пять минут после взрыва в столовой все должно было закончиться. Полиция обязана была «купировать» инцидент, раненых должны были начать загружать в машины «Скорой помощи», а репортеры передавать ужасную новость с места событий. И тогда взорвались бы «Хонда» Эрика и «БМВ» Дилана, унося с собой жизни журналистов и медицинского персонала. В каждой машине должно было находиться по два баллона с пропаном и двадцать галлонов бензина в оранжевых бутылках и контейнерах. Убийцы намеревались запарковать автомобили так, чтобы уничтожить максимальное количество людей. Машины должны были стоять достаточно близко к главному входу в здание, то

есть рядом с транспортом полиции, медиков и журналистов. Максимальное количество людей, которое могло бы погибнуть во время катастрофы: около 2000 учеников, 150 учителей и обслуживающего персонала школы, плюс неопределенное количество полицейских, медиков и журналистов.

Эрик и Дилан начали обдумывать план по крайней мере за полтора года до его осуществления. Они договорились о времени и месте проведения бойни – апрель, в столовой. По мере приближения Судного дня они приняли решение о точной дате – понедельник, 19 апреля. На аудиозаписи, сделанной в последние 10 дней до наступления 19 апреля, они два раза спокойно упомянули эту дату. Они не объяснили, почему выбрали именно этот день, хотя Эрик стремился побить рекорд жертв теракта в Оклахома-Сити, поэтому их бойня, возможно, и была связана с годовщиной теракта Тима МакВея, который, в свою очередь, связывал ее с годовщиной штурма ранчо сектантов в Уэйко.

Крайне важно было выбрать правильное время начала бойни. Ученики любили обедать пораньше, поэтому обеденный перерыв для младших классов пользовался популярностью. Наибольшая концентрация учеников за весь день в одном месте наблюдалась именно в 11.17. Эрик был уверен в своем расчете, потому что наблюдал за учениками. В период с 10.30 до 10.50 в столовой он насчитал от 60 до 80 детей. В период между 10.56 и 10.58 – «сотрудники столовой выносят нам хавчик», писал он. Потом открывали вторую дверь, и начинался «поток людей в столовую». Эрик точно знал, когда именно открывается каждая дверь, и считал количество людей. В 11.10 звенел звонок, заканчивался четвертый урок, и учащиеся заполняли коридоры школы. Через пару минут они оказывались в столовой. Каждую минуту в столовую прибывало 50 человек, вот их уже 300, 350, 400, 450 и более 500 к 11.15. После смерти Эрика и Дилана нашли несколько написанных ими планов, согласно которым бомбы должны были взорваться в промежутке между 11.16 и 11.18. На последнем составленном плане есть несколько «шутливых» приписок: «Ха-ха-ха» и «Веселитесь!».

Эрик и Дилан были уверены в том, что общественность содрогнется от устроенной ими бойни, будет задавать массу вопросов, и поэтому оставили много материалов, которые могли бы объяснить их мотивы. Полиция конфисковала карты, графики, сметы, рисунки, справочную информацию, а также нашла записи в дневниках, тетрадях и на сайтах. Ребята сняли несколько видео, в которых объясняли свои мотивы. Последние материалы получили название «подвальные пленки», так как большую их часть сняли в подвале дома Эрика. Сохранился дневник Эрика на двадцати страницах, в котором он пишет, почему решился на преступление. Информации было достаточно, но она оказалась удивительно противоречивой. Шериф округа принял решение не показывать общественности «подвальные пленки» и даже в течение нескольких месяцев отрицал их существование. Потом на протяжении многих лет мотивы и логика убийц оставались неизвестными широкой публике.

По мнению Эрика, решение о конкретном дне бойни во многом зависело от количества патронов, которое могли достать парни. В понедельник у них было около 700 патронов для имевшихся четырех стволов огнестрельного оружия. Эрик считал, что этого недостаточно. Незадолго до Судного дня ему исполнилось восемнадцать лет, и, в принципе, он мог бы сам приобрести необходимое количество боеприпасов, но почему-то этого не сделал. Патроны он доставал через третьих лиц, в данном случае через некоего Марка Мейнса. Этот Мейнс был драгдилером, который иногда перепродавал оружие. Именно через него убийцы приобрели в январе ТЕС-9, но вот с патронами к нему наркодилер тормозил. В четверг вечером Эрик начал названивать Мейнсу с просьбой купить патронов. Прошло четыре дня, а боеприпасы так и не появились.

Убийцы могли бы начать операцию с существующим у них количеством патронов, но они хотели иметь максимальный боекомплект. Ружья не являются скорострельным оружием.

В ТЕС-9 можно заправить магазин на двадцать или тридцать патронов. Нажатием пальца отсоединить магазин и быстрым движением вставить новый. Надо сказать, что любители огнестрельного оружия не считают ТЕС-9 удачной моделью. Слишком громоздкая и не очень надежная. Многие называют эту модель «Uzi для бедных». Специалисты говорят, что у автомата плохой дизайн, он часто заедает, снабжен плохим прицелом, который очень легко сбить, а потом трудно правильно поставить. «Плохая конструкция и низкая надежность» – так оценивают это оружие на одном из известных сайтов по торговле оружием. Тем не менее этот автомат можно было легко купить, что ребята и сделали.

Для Эрика и Дилана понедельник прошел без особых происшествий. Оба встали до рассвета и поехали на тренировку в боулинг, которая начиналась в 6.00 утра. Они не присутствовали на четвертом уроке, так как решили поехать на обед в Blackjack, но были на всех остальных занятиях. Вечером в понедельник появился Мейнс – он купил патроны. Парень сказал, что приобрел две коробки по пятьдесят единиц и Эрик должен ему двадцать пять долларов.

Эрик съездил к Мейнсу и забрал патроны. У Мейнса сложилось впечатление, что Эрику очень хотелось побыстрее их получить. Драгдилер спросил, собирается ли он стрелять в тот вечер.

– Может, завтра, – ответил Эрик.

9. Отцы

Дейв Сандерс никогда не упоминал, что сожалеет о чем-то в своей жизни. По крайней мере, Фрэнку ДиЭндрелесу он никогда ничего подобного не говорил. Оба преподавателя работали вместе почти двадцать лет, и Фрэнк не припомнит ни одного случая, когда Дейв жаловался, что о чем-то жалеет.

Этот разговор случился совершенно неожиданно днем в понедельник. Фрэнк пришел в спортзал, чтобы посмотреть, как мужская сборная по баскетболу играет с командой из школы Чэтфилд. Фрэнк был тренером по баскетболу до того, как стал директором, и много лет знал Дейва Сандерса. Фрэнк увидел, что старый друг сидит на трибунах и смотрит матч. Сандерсу надо было ждать еще два часа до приезда на тренировку по баскетболу его дочерей. Несмотря на то что официально занятия уже закончились, он готовил дочерей к наступлению нового баскетбольного сезона. Дейв мог бы, конечно, сидеть проверять контрольные работы и домашние задания, но хотел посмотреть матч.

Мистер Ди поприветствовал учеников, которые были рады его видеть, и сел рядом с Дейвом. Они проговорили два часа. Они говорили обо всем. О жизни и о тренерстве. Они познакомились в 1979 году, когда Фрэнк начал работать в «Колумбайн». Несмотря на то что Дейв был далеко не самым высоким парнем, директор школы нанял его в качестве учителя по баскетболу.

«Школе нужен был тренер команды, и мне предложили контракт на год, – вспоминает Фрэнк. – Директор сказал: “Окажи услугу, я тебе реально буду должен”. Ну и что в этом случае я мог ему ответить? “Конечно, сэр, я буду тренировать баскетбольную команду”».

Они долго говорили на приятные и легкие темы, но потом беседа стала серьезной.

– Ты скучаешь по тренерской работе? – спросил Дейв.

– Особо нет. – Этот ответ директора удивил мужчину. Тут Фрэнк объяснил, что, став директором, он просто расширил круг учеников, с которыми работает.

– Ты так считаешь? – переспросил Дейв.

– Ну да, – ответил Фрэнк.

Учитель не в состоянии научить подростка. Он может только показать, как надо что-то делать, и мотивировать его учиться. Сейчас Фрэнк словно стал тренером остальных учителей и вдохновляет их на то, чтобы они помогали ученикам.

– Ну а ты сам? Ты лично сожалеешь о чем-нибудь в этой жизни? – спросил Фрэнк.

– Да. Слишком много тренерской работы.

Они рассмеялись.

– Нет, я серьезно, – добавил Дейв. – Получается, что семья у меня на втором месте.

На этот раз Фрэнк не стал смеяться. Его сыну Брайану уже исполнилось девятнадцать. Фрэнк был уверен в том, что стал хорошим отцом, но все равно не посвящал сыну столько времени, сколько хотелось. Об этом неоднократно говорила и его жена, которая незадолго до описываемых событий спросила мужа: «Когда же ты перестанешь воспитывать чужих детей и начнешь заниматься собственным сыном?»

Фрэнку было сложно поделиться этими мыслями с другими людьми, но, как ему показалось, Дейв должен был его понять. И Дейв понял. Они благополучно достигли средних лет, и оба ничего не стали бы менять в прошлом, даже если бы и могли. И тут возникал вопрос – может быть, они что-то недодали собственным детям? Сын Фрэнка уже вырос, и дочери Дейва тоже. Возможно, отцы уже ничем не могли помочь своим чадам, может быть, время ушло. Дочери Дейва были молодыми женщинами, у которых родились свои дети. Дейв стал пятикратным дедушкой и надеялся, что внуков и внучек будет еще больше. Дейв пока не сказал другим тренерам, что хочет уменьшить рабочую нагрузку. Он еще никому не сообщил о том,

что впервые за много лет не собирается работать в летнем лагере. Обо всем этом Дейв заявил лишь Фрэнку.

«Потрясающий человек», – подумал о собеседнике Фрэнк. Он даже хотел его обнять, но почему-то этого не сделал.

Матч еще не закончился, но Дейв встал на ноги.

– Девочки ждут, – сказал он. – У меня открытый урок в спортзале.

Фрэнк смотрел, как Дейв медленно уходит.

У тренера Сандерса были и другие заботы. Первую встречу с членами новой команды он провел в прошлую пятницу, и капитан команды Лиз Карлстон на ней не появилась. Тренер предполагал, что должен увидеть ее сегодня. Он знал, что предстоит серьезный разговор с ней, а также с остальными участниками команды.

Сандерс попросил девушек присесть в центре площадки и начал разговор о верности и преданности коллективу. Как отнесутся ученики младших классов к тому, что капитан команды старшеклассников произносит пустые обещания, а сама не приходит на тренировку? Тренер ожидает от членов команды стопроцентной посещаемости на всех тренировках и во время остальных встреч спортсменов.

После этих слов тренер приказом поднял игроков на ноги и начал тренировку. Во время занятия он сидел на раскладном стуле, смотрел и анализировал игру.

В конце тренировки появилась Лиз. Она набралась храбрости и решила поговорить с тренером. Она чувствовала себя, словно язык проглотила. Она ощущала стыд, страх и горечь. Она надеялась на то, что тренер не снимет ее с позиции капитана. Девушка не понимала, почему он не попросил объяснить причину, по которой она отсутствовала на тренировке.

Лиз подошла к линии разметки площадки и сменила одни кеды на другие. Тренер Сандерс был рядом. Она могла бы с ним поговорить.

Но она этого не сделала. Она ушла, даже не попрощавшись.

Когда Дейв тем вечером вернулся домой, Линда Лу уже спала. Он нежно ее поцеловал. Она проснулась и улыбнулась ему.

В руке Дейв держал толстую пачку денег, в которой было семьдесят долларов купюрами по одному доллару. Дейв бросил пачку на одеяло. Жена любила сюрпризы, но не очень понимала, что задумал муж на этот раз. Дейв объяснил, что это подарок ее матери, которой 20 апреля исполняется семьдесят лет. Та любила играть в казино. Вот пусть на эти деньги и поиграет.

В тот вечер Дейв много шутил. Она очень удивилась веселости мужа, когда узнала, что он пережил непростой вечер.

– Как быстро человек может переключаться с одного на другое, – говорила она потом. – Как только закончилась тренировка, он тут же начал думать о моей матери.

Дейв спустился вниз, чтобы налить ром с колой. Включил спортивную трансляцию. Линда уснула с улыбкой на губах.

Утро было не таким приятным, как вечер. Будильник прозвенел в 6.30, и Дейв с Линдой еле-еле вскочили. Линда должна была забрать воздушные шары для юбилея матери, а Дейв отвезти пуделя жены на стрижку.

Времени на завтрак у Дейва не было, и он прихватил в машину энергетический батончик и банан. Он понимал, что если повезет собаку на стрижку, то опоздает на работу, и спросил жену, сможет ли она сама заняться этим.

– Нет, не могу. Сегодня нет времени, – ответила она.

– Я опоздаю на работу, – пробормотал он.

Он бросился к автомобилю и понял, что забыл поцеловать жену. Они всегда целовались на прощанье.

Тогда он, стоя у машины, отправил ей воздушный поцелуй.

10. Судный день

Утром во вторник убийцы, как обычно, проснулись рано. На улице было темно, но уже тепло. В тот день температура могла подняться до 27–28 градусов. На небе ни облачка. Погода идеальная для пожара, который ребята готовили в тот день.

Дилан вышел из дома в 5.30. Его родители все еще спали. Он крикнул в коридор: «Пока!» – и закрыл за собой входную дверь.

В то утро они не поехали на боулинг, а взялись за работу. Дилан написал в ежедневнике Эрика фразу: «Сегодня будет особенный день». Эрик нарисовал рядом изрыгающее пламя дуло ружья.

Сначала они заехали в продуктовый магазин и купили шесть баллонов с пропаном: два для бомб в столовой, по одному в каждую машину и два для заряда, предназначенного для отвлечения внимания полиции. Бомбы играли ключевую роль в осуществлении их плана. Эрик разработал и сконструировал бомбы за несколько месяцев до Судного дня, но приобретение газовых баллонов откладывал до последнего. Практически все оружие и оборудование парни хранили в кладовке в спальне Эрика, и пару раз родители чуть было не обнаружили весь арсенал. Эрик не хотел держать там баллоны, это слишком опасно.

В 7.00 они вернулись к Эрику, после чего расстались. Эрик наполнил баллоны газом, а Дилан купил бензин. На сборку бомб и укладку их в машины они отвели тридцать минут. Еще час был отведен на последние приготовления, повторение плана действий, одевание и отдых перед последним рывком. Они немного поели. Судя по всему, Дилан съел обжаренную в масле картофельную стружку.

Некоторые из их друзей заметили: что-то не так. Робин Андерсон с удивлением обнаружила, что Дилан прогулял урок математики. Вечером в понедельник она разговаривала с ним по телефону, и Дилан говорил совершенно естественно и не был болен. Потом кто-то из знакомых сообщил, что Эрик не появился на третьем уроке. Ребята иногда прогуливали вместе отдельные занятия, но никогда не позволяли себе отсутствовать целое утро. Робин подумала о том, что Дилан, возможно, приболел, и решила позвонить ему домой после школы.

У Брукса Брауна возникли более серьезные подозрения. Эрик пропустил тест по психологии. Это что еще за ерунда?

Период отдыха подошел к концу. Вполне возможно, что они задержались дома чуть дольше, чем планировали. За несколько минут до того, как часы пробили 11 утра, они на машинах выдвинулись к школе. На Дилане была черная майка с надписью «Ярость», свободные штаны с большими карманами на ногах и бейсболка с эмблемой «Ред Сокс», надетая козырьком назад. Карманы брюк оказались такие глубокие, что обреза в одном из них было практически не видно. Чтобы скрыть оружие и боеприпасы, поверх одежды Дилан надел плащ. На майке Эрика красовалась надпись «Естественный отбор». У парней были черные армейские ботинки и одна пара перчаток на двоих: правая у Эрика, левая у Дилана. За домом Эрика они оставили две небольшие бомбы и шесть бомб за домом Дилана. Эрик положил на кухонном столе микрокассету, на которой были записаны его последние мысли. Кроме этого, они приготовили все «подвальные пленки» и записали прощальное слово.

Потом, каждый на своем автомобиле, они подъехали к парку около дома Эрика, где оставили бомбу, которая должна была отвлечь полицию, и поставили таймер на 11.14. Операция началась, время пошло.

Затем они запрыгнули в автомобили и двинулись в сторону школы. Пришлось торопиться. За последующие несколько минут надо было многое успеть. Они не могли установить

бомбы до начала обеденного перерыва. Четвертый урок заканчивался в 11.10. После звонка у них оставалось семь минут на то, чтобы пройти вместе с толпой в столовую, поставить бомбы около несущих столбов, вернуться в машины, укрыться от взрыва, а также подготовиться к стрельбе.

Эрик заехал на парковку в 11.10. Он на несколько минут отставал от графика. Пара девушек, идущих на обед, заметили парня и помахали ему. Эрик нравился этим девушкам. Тот махнул в ответ и улыбнулся. За машиной Эрика ехал автомобиль Дилана. Ему никто не улыбался и никто его не приветствовал.

Дилан поставил «БМВ» на обычном месте на парковке для старшеклассников, прямо напротив столовой. Когда они откроют огонь, Дилан будет простреливать всю юго-западную сторону здания – длинный изгиб стекол с зеленоватым отливом, закрывавший второй этаж столовой и библиотеки.

Эрик поехал на меньшую парковку для всех остальных учеников и припарковался в идеальном месте: прямо напротив входа в школу, откуда, судя по его расчетам, будут выбегать оставшиеся в живых. С этой точки он мог простреливать всю юго-восточную часть здания. По левую руку находилась зона Дилана.

Брукс Браун вышел на улицу, чтобы выкурить сигарету, и увидел, что Эрик запарковался не там, где положено. Брукс решил сказать, что тот пропустил тест по психологии, и когда подошел к машине, то увидел, как Эрик вынимает из нее большую холщовую сумку.

– Ты где гулял?! – закричал Брукс. – У нас же был тест по психологии!

Эрик казался совершенно спокойным, голос его звучал настойчиво.

– Это уже не имеет никакого значения, – ответил он и добавил: – Слушай, Брукс, ты мне нравишься. Уходи отсюда. Езжай домой.

Бруксу ответ Эрика показался странным. Он покачал головой и пошел в курилку.

Нейт Дайкман тоже видел Эрика сразу после его приезда. Поведение парня показалось ему странным.

Эрик шел с набитой чем-то сумкой. По плану в 11.12 он с Диланом должны были бы уже сидеть в машинах и готовиться к взрыву, а потом к бойне. В 11.14 камера наблюдения показывала, что Эрик еще не вошел в столовую. У убийц оставалось всего три минуты на то, чтобы поставить бомбы и вернуться к машинам. Часовой механизм был заведен на 11.17. Так как они опаздывали, то вряд ли бы успели установить заряды и вернуться к машинам до взрыва.

Они могли бы перевести часовой механизм и взорвать меньше людей, чем рассчитывали. Для этого надо было договориться, но запарковались они достаточно далеко друг от друга, и переставлять часовые механизмы бомб пришлось бы точно не в столовой, а в машинах. Они, в принципе, могли бы отложить задуманное, но отвлекающая бомба должна была вот-вот взорваться.

Практически сразу после 11.14 они вошли в столовую. Двигались они не слишком резко, выглядели достаточно незаметно и не выделялись из толпы. Никто из 500 находившихся в столовой человек не обратил на них внимания, хотя у них были очень объемные сумки. Одну из них потом нашли рядом со столом, заставленным подносами с едой.

Потом они вышли из здания и взяли оружие на изготовку. Все было как во время тренировки, только на этот раз парни стояли не вместе, а каждый по отдельности. Они находились на расстоянии, на котором могли обмениваться сигналами, но не слышать друг друга. Они собрали арсенал и сверху надели плащи. Времени оставалось мало, поэтому обрезы они не стали вынимать из сумок. У каждого парня было на изготовку полуавтоматическое оружие, обрез в сумке, а также много мелких «букашек» и трубчатых бомб. Скорее всего, именно в этот момент они включили часовые механизмы на бомбах в машинах. Вот-вот грохнет, и сотни детей умрут. Насколько они могли отдавать себе отчет: назад дороги уже нет, и вскоре они ста-

нут свидетелями массового убийства. Часовые механизмы тикали. Оставалось только сидеть и ждать.

Установленные в столовой камеры наблюдения должны были зафиксировать то, как убийцы заложили бомбы. И точно бы зафиксировали, если бы убийцы или сотрудник школы, менявший видеокассеты, уложились в график. Каждый день охранник менял кассеты в магнитофоне за несколько минут до начала обеда для младших классов. Он вынимал уже записанную кассету, чтобы отсмотреть ее позднее. Потом вставлял в аппарат старую, уже отсмотренную кассету, перематывал пленку на начало и нажимал кнопку «запись». На перематку кассеты уходило до пяти минут, поэтому на пленке возникало «белое пятно». В эти минуты ученики могли сколько угодно безнаказанно оставлять после себя подносы и еду. Но в то время детей в столовой еще не было.

В тот вторник охранник опоздал. Он включил запись в 11.14. До этого на записи не было видно ни бомб, ни Эрика с Диланом. Пока пленка перематывалась, охраннику позвонили. Он говорил по телефону, поэтому прошло некоторое время: кассета перематывалась, но ничего не фиксировала. Началась запись в 11.22, оставив без наблюдения восьмиминутный промежуток времени. На первом кадре видео четко видна большая сумка и дети, которые стоят рядом с окнами. Внимание всех присутствующих в столовой сосредоточено на странных событиях, происходящих снаружи здания.

Ученики и учителя «Колумбайн» жили по звонку и расписанию. Но в то утро еще несколько человек выбились из графика. Патрик Айрленд, ученик предвыпускного класса, который пригласил Лору на бал, любил разнообразить свою жизнь. Иногда он проводил обеденный перерыв в библиотеке, а иногда шел в столовую. Прошлым вечером он опять допоздна разговаривал с Лорой по телефону и не закончил домашнюю работу по статистике. Поэтому Патрик отправился в библиотеку вместе с четырьмя приятелями. В это время Эрик с Диланом поставили сумки с бомбами в столовой. Патрик сел за стол в библиотеке, расположенный прямо над одной из бомб.

Кесси Бернал – девушка из религиозной семьи, та самая, которая перевелась в «Колумбайн» после видения о том, что должна раскрыть глаза неверующим, пододвинула стул к окну. В это время она очень редко бывала в библиотеке. Кесси тоже не успела закончить задание – сочинение по «Макбету». Впрочем, девушка была довольна тем, что подготовила презентацию, с которой выступит вечером на встрече молодежной группы своего прихода.

Странно, что мистера Ди в те минуты в столовой не оказалось. Его секретарша назначила на это время собеседование, поэтому директор сидел в главном коридоре и ждал появления молодого преподавателя. Мистер Ди собирался предложить ему постоянный контракт.

Помощник шерифа Нил Гарднер работал в местном департаменте и был приписан к «Колумбайн» на постоянной основе. Обычно он ел в столовой во время обеда для младших классов, но не тогда. Он носил форму с рубашкой ярко-желтого цвета, поэтому его было очень легко заметить. В тот вторник Гарднер решил поступить не так, как обычно. Его нисколько не привлекало заявленное в меню столовой терияки, и вместе с начальником безопасности школы, охранником без оружия, он направился в Subway, чтобы купить что-нибудь на вынос. Погода выдалась прекрасная, и они решили посмотреть, что делают курильщики. Они ели сэндвичи в полицейской машине Гарднера, стоявшей напротив площадки для курения.

Поблизости от них в автомобиле сидела Робин Андерсон. Она выехала с парковки для старшеклассников в то время, когда Эрик с Диланом заносили в здание бомбы, но их не видела. Она повернула за угол школы, чтобы забрать двух подруг. Она торопилась, так как обеденная перемена не была бесконечной. Робин ждала приятельниц, которые никак не появлялись. Она прождала их пять, а может, и десять минут. Наконец, девушки пришли. Она наорала на них

за опоздание, и они поехали. В это время с противоположной стороны школы уже раздавались выстрелы.

Дэнни Рорбоф, который незадолго до этого перевелся в «Колумбайн», зашел в столовую, чтобы встретиться с двумя товарищами. Через несколько минут после встречи они решили выйти покурить. Если бы бомбы сработали и взорвались, парни могли бы спастись. Они могли бы выйти из здания непосредственно перед взрывом. Но они вышли на улицу из бокового входа к парковке для старшеклассников в самой неподходящий момент.

Убийцы одну или две минуты провели в своих автомобилях. Они знали, что бомба для отвлечения внимания полиции уже должна была взорваться южнее от школы, приблизительно в четырех с половиной километрах. Но она не взорвалась, а просто немного покоптила. В том районе работал землемер, который нашел заряд и передвинул его. В результате громко взорвалась одна из прикрепленных к нему маленьких трубчатых бомб и банка спрея, после чего загорелась трава. Но сам газовый баллон, то есть основное взрывное устройство, так и остался лежать на опаленной земле. Большая бомба, сделанная Эриком для отвлечения полиции, оказалась единственной, которая хоть как-то сработала. Власти узнали об этом микровзрыве тогда, когда парни открыли стрельбу – за четыре минуты до первого тревожного звонка из школы. Бомба не отвлекла внимания полиции.

Эрик и Дилан не знали, что заряд в парке не сработал, но решили действовать по плану.

Они думали, что в парк направляются все силы полиции. Сидя в машинах, они ждали взрыва в столовой и надеялись на то, что увидят, как умирают одноклассники и горит школа.

11. Есть пострадавшие

В 11.18 взрыва не случилось, и здание школы не пострадало. Ученики выходили на улицу, рассаживались на траве и перекусывали. Ничего из ряда вон выходящего не происходило. Часовые механизмы на бомбах не были точными. Это же не устройства из кинофильмов – электронные таймеры с быстро меняющимися светящимися цифрами. В качестве часов ребята использовали старомодные будильники с третьей маленькой стрелкой для установки сигнала. В любом случае взрыв уже должен был прогреметь.

Сотни учеников выходили из школы. Они садились в автомобили и уезжали. Надо было приступать к выполнению запасного плана. Но проблема в том, что такого плана не оказалось. Эрик был абсолютно уверен в себе. Нет никаких свидетельств, указывающих на то, что у него имелся другой план. А Дилан вообще ничего не планировал.

Получалось, что надо было переходить ко второму акту и начинать расстреливать учеников, выходящих из здания. Скорее всего, даже в этом случае они могли бы убить больше людей, чем МакВей. Но они и этого не сделали. Судя по всему, то, что бомбы не взорвались, сильно повлияло на одного из парней.

Никто не видел, что происходило потом. Возможно, Дилан запаниковал, но Эрик вел себя решительно, зная, что назад пути уже нет. Он понимал, нужно действовать, чтобы не потерять соучастника преступления.

Неизвестно, как они обменивались информацией. Возможно, при помощи жестов, но точно установлено, что Эрик покинул удобную для ведения огня позицию и оказался рядом с Диланом. Эрик понял, что бомбы не взорвались, схватил сумку и добежал до машины Дилана. Вдвоем они бросились к зданию и воспользовались лестницей западного входа. Именно там их впервые заметили в 11.19.

Парни стояли на самом высоком месте школы с видом на обе парковки. Однако этот маневр увел их от главной цели – основного входа, откуда в то время выходило много людей. Получилось, что они оказались вместе и не могли вести перекрестный огонь.

В 11.19, стоя на верхней площадке лестницы, они расстегнули сумки, вынули обрезы и повесили их на шею. Они зарядили полуавтоматическое оружие. Один из них прокричал: «Давай, давай!» – и кто-то, скорее всего, Эрик, открыл огонь.

Он развернулся и стал стрелять во всех, кого видел. Дилан подбадривал его криками. Парни стреляли по пешеходам, по обедающим на траве, а также по ученикам, идущим по лестнице восточного входа. Они бросали трубчатые бомбы на лестницу, крышу и в траву, громко кричали и смеялись. Ну и веселье!

Первыми жертвами стали сидевшие на траве Рэйчел Скотт и ее приятель Ричард Кастальдо. Они обедали. Эрик выстрелил Ричарду в руку и в торс, Рэйчел – в грудь и голову. Она умерла мгновенно. Ричард сделал вид, что он убит, Эрик поверил и не стал его добивать.

Дэнни Рорбоф и его курильщики-приятели Лэнс Кирклин и Шон Грейвс шли по тропинке в сторону лестницы. Они видели людей с оружием наверху лестницы, но сочли, что старшеклассники играют в пейнтбол. Они ускорили шаг, чтобы побыстрее дойти до парней с «ружьями для пейнтбола». Дэнни был впереди и добрался до середины лестницы, но Эрик развернулся и выстрелил в него из карабина. Первая пуля пробила левое колено Дэнни, он споткнулся и начал падать. Эрик снова выстрелил ему в грудь и в живот. От попадания последней пули сердце Дэнни перестало биться. Пуля, угодившая в живот, повредила, кроме прочего, печень и застряла в теле.

Лэнс попытался поймать Дэнни, но понял, что сам ранен несколько раз: в грудь, ногу, колено и ступню.

Дэнни ударился лицом о тротуар и мгновенно умер.

Лэнс упал на траву. Он потерял сознание, но продолжал дышать.

Шон рассмеялся. Он все еще считал, что это игра в пейнтбол. Все, что он видел, было игрой, в которой они оказались невольными участниками.

Потом Шон почувствовал укол, а следом – холод в шее. Ему показалось, что его несколько раз укололи. словно иголкой, когда берут кровь. Он сперва даже не понял, что ранен. Он посмотрел на лежащих приятелей. Наконец Шон почувствовал боль. Будто кто-то сильно пнул его в спину. Он ринулся к двери, из которой вышел из здания школы вместе с приятелями, и практически добежал до нее, но боль стала слишком сильной, ноги подкосились, и он упал. Шон не понимал, что произошло. Казалось, в него выстрелили транквилизатором для диких животных.

Эрик повернулся в другую сторону и увидел пять учеников, которые сидели на траве под соснами. Он выстрелил в них, и те бросились врассыпную. Один из ребят упал. Эрик попал и во второго, но тот продолжал бежать. Оставшиеся три ученика улизнули.

Эрик и Дилан спустились с лестницы. Лэнс пришел в сознание. Он почувствовал, что кто-то над ним стоит. Он поднял руку в сторону этого человека, потянул его за штанину и попросил о помощи.

– Сейчас помогу, – ответил один из убийц.

Лэнсу показалось, что прошла вечность. Потом мальчик вспоминал об этих событиях так: он почувствовал звуковую волну, которая чуть не снесла ему лицо. Он почувствовал, как куски плоти разлетаются в разные стороны. Он дышал неровно и со свистом, изо рта шла кровь. Он снова потерял сознание.

Дилан шел по пригорку в сторону Шона, которого увидели люди в столовой. Несколько ребят выбежали за ним, схватили Шона и потащили внутрь, но один из взрослых их остановил, сказав, что не стоит перемещать раненого. В результате Шона прислонили спиной к двери в столовую. Кто-то на него наступил и произнес: «Ой, прости, чувак».

Уборщик подошел к Шону и сказал, все будет хорошо. Он держал мальчика за руку и говорил, что должен помочь остальным детям спрятаться, а потом вернется за Шоном. Уборщик посоветовал Шону сделать вид, что он мертв. Шон именно так и поступил.

Дилан и на этот раз поверил тому, что Шон мертв, или сделал вид, что поверил. Он остановился над Шоном и только потом вошел в столовую.

Там творилась полная неразбериха. Учащиеся паниковали. Большая часть детей спряталась под столами, некоторые побежали вверх по лестнице. Тренер Сандерс, в то время находившийся в учительской, услышал шум и направился в столовую.

– Я не думаю, что он понимал опасность происходящего, – говорит его дочь Анжела. – Он инстинктивно бросился спасать детей.

Дейв ворвался в столовую и попытался взять на себя руководство. Ему помогали двое сотрудников из обслуживающего персонала. Сандерс приказал детям лечь на пол. Потом передумал и закричал: «Бегите!»

Сандерс осмотрелся по сторонам. В столовой было три выхода, но они почему-то показались ему неподходящими. Тренер подумал о том, что дети окажутся в безопасности, если поднимутся по широкой лестнице в библиотеку. Он не знал, что творится в библиотеке, но решил: на втором этаже будет лучше. Размахивая руками, чтобы привлечь внимание, он пробежал по столовой, начал подниматься по лестнице и призывал всех следовать наверх. Столы, под которыми прятались дети, не подходили для защиты, хотя ученики и могли чувствовать себя под ними в большей безопасности, чем на открытом пространстве. Все боялись встать в полный рост. Но дети поверили Сандерсу.

Вслед за тренером по лестнице бросилась толпа. За ним в библиотеку последовала большая часть из 488 находившихся на тот момент в столовой детей. Сандерс поднялся на второй этаж и развернулся для того, чтобы давать указания, куда бежать. «Влево, влево!» – он направ-

лял детей в коридор, ведущий в сторону, где находился выход на парковку для старшеклассников.

– Он спасал людей, – вспоминает один из переживших эти события учеников. – Он схватил меня и толкнул в комнату.

Некоторые ученики останавливались для того, чтобы предупредить других, некоторые просто бежали. Слышались крики: «В здании перестрелка!»

Часть учеников спряталась, часть разбежалась. В научном кабинете № 3 ученики писали контрольную работу по химии. Они слышали звуки, словно кто-то кидает камни в окна, но преподаватель сказал, что дети валяют дурака. Он попросил всех занять свои места и сконцентрироваться на выполнении заданий.

...Дейв Сандерс оставался в коридоре до тех пор, пока дети не пробежали мимо него. Когда практически все уже поднялись по лестнице, в столовую вошел Дилан.

Лестница состояла из двадцати четырех ступеней. Когда Дилан вошел в столовую, на лестнице находилось приблизительно сто детей. Они были рассредоточены по всей длине и ширине лестницы. В таком положении все они оказались совершенно беззащитными. Спрятаться им было негде, и все они являлись прекрасной мишенью для стрелка. Они даже не могли присесть, потому что в этом случае их бы задавили бегущие сзади. Ширина столовой составляла приблизительно пятьдесят метров. Дилан находился в непосредственной близости от детей. Он мог бы дать очередь из ТЕС-9 или бросить пару трубчатых бомб. Дилан сделал несколько шагов по направлению к лестнице и навел дуло автомата на толпу.

Дилан уже во второй раз после того, как не сработали бомбы, оказался один, без Эрика. И на этот раз, судя по всему, он почувствовал неуверенность. Наблюдая, как учащиеся поднимаются по лестнице, он повел дулом автомата, но не сделал ни одного выстрела. Вообще за все время трагедии он стрелял всего несколько раз.

Дилан осмотрелся, потом повернулся и вышел из столовой, сильно ударив дверью лежащего в проеме Шона. После этого Дилан пошел к Эрику, который находился в то время на лестнице.

Совершенно непонятно, зачем Дилан заходил в столовую. Многие считают, что он хотел посмотреть, почему не взорвались бомбы. Но он даже не приближался к ним. Он не пытался переставить часовой механизм. Дилан не проявил никакой инициативы. Скорее всего, Эрик отправил напарника в столовую, чтобы оценить ситуацию и расстрелять находящихся в зале детей.

Пока Дилан бездействовал, Эрик стоял на верхнем пролете лестницы и веселился от всей души. Он стрелял, смеялся и бросал трубчатые бомбы. Он заметил ученицу Анну-Марию Хокхальтер, которая поднялась с земли и побежала. Эрик выстрелил и попал в нее из 9-миллиметрового оружия, но она продолжала бежать. Тогда Эрик выстрелил в нее еще раз, и только тогда девушка упала. Кто-то схватил ее тело и оттащил ближе к зданию, туда, где Эрик не мог видеть. Человек, оттащивший Анну-Марию, оставил девушку и спрятался за одной из машин, стоявших на парковке для старшеклассников. Сразу после этого на месте, где упала Анна-Мария, взорвалась трубчатая бомба.

– Вот это класс! – послышался голос одного из убийц.

К тому времени, когда Дилан вернулся к Эрику, парни расстреляли или распугали всех учеников вокруг. Все находившиеся на улице разбежались и спрятались. На газонах находилось всего несколько человек. Впрочем, убийцы видели одну небольшую группку детей. Эти ребята пересекли парковку для старшеклассников, перелезли через забор из металлической сетки и побежали по футбольному полю, находившемуся в основании Ребел Хилл. Эрик сделал по ним несколько выстрелов, но они находились слишком далеко. В принципе, в них можно было попасть, но только хорошему стрелку. Дилан тоже выстрелил в сторону этой группы.

Пока в общей сложности он сделал пять выстрелов. Это произошло в 11.23. Убийцы провели четыре головокружительных минуты бойни.

Помощник шерифа Гарднер был первым представителем стражей порядка, узнавшим о стрельбе. Служащий, менявший кассеты камер видеонаблюдения, позвонил ему, как только увидел на мониторах, что дети собрались у окон столовой. Голос этого человека звучал испуганно. В это же время прозвучал первый звонок в полицию по номеру 911. Кто-то сообщил, что на парковке для старшекласников есть раненая девушка. «Кажется, ее парализовало», – сказал звонивший. В 11.23 было отправлено сообщение полицейским округа: «Есть пострадавшие». В это время Гарднер ехал на машине и поворачивал за угол, подъезжая к столовой. В ту минуту Дилан вернулся к стоявшему на лестнице Эрику.

Гарднер увидел поднимавшийся к небу дым и бегущих в разные стороны детей. Он уловил звуки выстрелов и прослушал сообщение на полицейской волне. Он пока еще не понял, где находится эпицентр всех этих неприятных событий.

Первые четыре минуты бойни большинство учащихся и учителей не понимали, что происходит. Сотни детей в панике бежали, однако еще большее количество учащихся находилось в классах. Многие из них слышали громкие звуки выстрелов, но очень немногие считали, что находятся в опасности. Большинство просто раздражал шум. Получалось, что немалая часть учащихся продолжала спокойно заниматься. В то время, пока Дейв Сандерс подгонял учеников, поднимающихся по лестнице на второй этаж из столовой, работавшая на полставки учительница рисования Патти Нильсон ходила над ним по коридору, в котором вела дежурство. Сандерс отправил толпу детей в ее сторону, но не по тому коридору, в котором дежурила она, а по параллельному. Около 500 учеников пробежали по коридору в другой конец здания, но Нильсон не видела их. Однако она уловила шум на улице, за пределами здания. К ней подошли дети и сказали, что слышали на улице выстрелы. Нильсон решила, что кто-то шутит или снимает видео. Она посмотрела в дальний конец коридора и за двойными стеклянными дверями заметила мальчика, который, стоя к ней спиной, стрелял по территории парковки для старшекласников. Учительница решила, что в руках у мальчика не ружье, а муляж, который, правда, стрелял очень громко. Она быстрым шагом пошла в его сторону с намерением сказать хулигану, чтобы он завязывал с идиотскими шутками. Парень из предпоследнего класса по имени Брайан отправился с ней.

Преподаватель и ученик подошли к двойным стеклянным дверям в коридоре. Они открыли первую дверь, вошли в тамбур и уже собирались открыть вторую. Тут их заметил Эрик. Он вскинул к плечу ружье, прицелился в преподавателя, улыбнулся и нажал на спусковой крючок. Он промазал, и пуля пробила стекло. Нильсон все еще считала, что у ученика-хулигана в руках пневматика, но увидела дырку от пули и поняла, как глубоко ошибалась.

– О боже! – закричала она. – О боже! Господи!

Она повернулась и бросилась бежать. Эрик выстрелил еще раз. Он снова промазал, но осколки стекла попали учительнице в спину и плечо. Она ощущала боль в этих частях тела. Брайан тоже развернулся. Учительница услышала, как Брайан застонал, и увидела, что он наклонился и упал лицом вниз, выгнув спину и разведя в стороны руки. Казалось, он ранен, но парень на четвереньках начал двигаться вперед. Его задело осколками стекла и дерева, точно так же, как и преподавательницу.

Учительница и ученик поползли в сторону второй двери, частично открыли ее и выбрались с противоположной стороны. Оказавшись за дверью, они вскочили на ноги и бросились бежать.

Нильсон хотела позвонить в полицию и решила добраться до библиотеки, которая была буквально за углом. Через стеклянные стены библиотеки она видела, что внутри находится

много детей, которые могут стать жертвами убийцы, бежавшего, как ей казалось, за ней следом. Она ни разу не обернулась, чтобы удостовериться, так ли это.

Она вбежала в библиотеку и закричала: «Там ученик стреляет!»

Учителей внутри не оказалось, что несколько удивило Нильсон. Незадолго до этого туда заглянула преподавательница Рич Лонг, прокричала, чтобы все быстрее уходили, и отправилась предупреждать об опасности других учащихся. Патти Нильсон решила, что надо не убежать, а прятаться.

Потом она схватила висевшую на стене телефонную трубку и набрала 9 (для выхода из школьной телефонной сети в город) 911. Она помнила о том, что для выхода в городскую телефонную сеть надо набрать дополнительную цифру 9. *Главное, не терять ни секунды!*

Нильсон думала, что стрелок вот-вот появится. Но Эрик отвлекся. На парковку въехала полицейская машина Гарднера с включенной сиреной и мигалкой. Гарднер вышел из нее и не очень хорошо представлял себе, что происходит. Эрик сделал по мужчине десять выстрелов и ни разу не попал. Дилан не стрелял.

Гарднер укрывшись за машиной. Эрик даже не смог попасть в автомобиль. Потом его обрез заклинило. Эрик пытался отправить патрон в ствол. Дилан ушел в глубь школы.

Гарднер использовал эту паузу. Оперев руки о крышу машины, он четыре раза выстрелил в Эрика из пистолета. Эрик дернулся, словно в него попала пуля. Гарднер подумал, что нейтрализовал стрелка.

Но уже через несколько секунд Эрик возобновил огонь. Он сделал несколько выстрелов, после чего отошел в глубь здания.

11.24. Стрельба продолжалась уже пять минут. В основном стрелял Эрик. Он успел сделать сорок семь выстрелов из 9-миллиметрового обреза и пока еще ни разу не использовал пистолет. Дилан произвел три выстрела из ТЕС-9 и два из обреза.

Вдвоем парни двинулись по коридору в сторону библиотеки.

Дейв Сандерс услышал стрельбу, которую Эрик открыл по Нильсон. Тренер бросился в сторону, из которой доносились выстрелы. Он вбежал в библиотеку чуть позже Нильсон. Мгновением позже тренер увидел убийцу в противоположном конце коридора, развернулся и забежал за угол.

Из двери кабинета музыки выглянул мальчик и заметил Сандерса, который не только спасался сам, но и пытался уберечь учеников криком: «Ложись!».

12. Периметр

Через двадцать восемь минут после начала трагедии появились первые сообщения о событиях в «Колумбайн». Телеканалы реагировали быстро. Говорилось о происшествии в школе неподалеку от Денвера. Сперва прошла информация о перестрелке в спальных районах под Денвером. О количестве жертв или раненых молчали, но сообщали о стрельбе и приблизительно девяти взрывах. О том, что стреляют из автоматического оружия, и взрывают, по всей видимости, гранаты. Говорили и о пожаре. Сообщалось также о том, что на место происшествия выдвигается ударная группа, оснащенная специальными видами оружия.

CNN передавало о событиях в Косово. Самолеты НАТО атаковали цели там, в Европе дело шло к ночи, и американские самолеты вскоре должны были возобновить бомбардировку Белграда. В 11.54 утра по денверскому времени CNN прекратило передавать информацию о военных действиях и весь день рассказывало только о событиях в «Колумбайн». Остальные каналы начали прерывать состоящий из мыльных опер дневной эфир экстренными сообщениями о случившемся в школе. Никто не понимал, что там происходит. Или все еще происходило? Возможно, что да. Когда началась прямая трансляция с места событий, взрывы и стрельба раздавались уже внутри школы. У здания творилась полная неразбериха: в небе кружили вертолеты, а перед школой стояли толпы пожарных, полицейских, родителей и репортеров. Внутрь никто не заходил. Каждую минуту прибывали новые подразделения полиции, но пока они только увеличивали толпу вокруг. Периодически из школы выбегали редкие учащиеся. Местные журналисты бросились в больницы, но раненых пока не подвезли. Один корреспондент сообщил, что, по его сведениям, в одной из больниц ожидают из школы пациента с травмой в области колена. Операторы, работающие в местном отделении экстренной помощи получали массу звонков. Сотни учеников находились внутри здания. Многие из них звонили по номеру 911 и оставляли противоречащие друг другу сообщения. Сотни родителей звонили в службу спасения и хотели узнать, что произошло с их детьми. Часть учеников звонили не в 911, а напрямую на телевидение. Ведущие местных новостных программ проводили с ними интервью в прямом эфире, которые потом ретранслировали на федеральных каналах.

Очевидцы подтверждали наличие раненых. Одна ученица сказала, что видела, как застрелили «типа троих ребят».

– Скажи, у тебя возникло ощущение, что стреляли в каких-то конкретных детей? – спросил ее комментатор.

– Нет, просто стреляли. Им было совершенно все равно, в кого. Сначала стреляли, а потом бросили гранату или то, что взорвалось.

«Очевидцев» событий оказалось огромное количество, хотя большинство из них видело только паникующих детей, а не причину паники. Один ученик выпускного класса говорил: «Так вот, я сижу на математике, поднимаю голову и слышу, как толпа бежит по коридору. Открываем дверь класса, раздается громкий взрыв или выстрел, и потом какой-то ученик кричит: «Ядрена вошь, да там парень с ружьем!» Все начинают сходить с ума, мои приятели подходят к двери класса и говорят, что в коридоре кто-то стоит. Все мы сбиваемся в угол класса, и наша учительница не знает, что делать, так как тоже испугана».

Судя по сообщениям, выходило, что стрельбу в «Колумбайн» начали несколько подростков: они были белыми мальчиками и учились в этой школе. Кто-то стрелял на парковке, кто-то – в столовой, кто-то – на лестнице и в коридорах. Один из стрелков даже забрался на крышу. Часть убийц была в длинных черных плащах, а часть в черных майках. Убийцы действовали парами: один в плаще, другой в майке. На некоторых шляпы, а другие скрывали лица за горнолыжными балаклавами.

Частично эту неразбериху можно объяснить тем, что такое происходит практически во всех подобных ситуациях. Свидетельства очевидцев являются противоречивыми, и полагаться на них трудно, особенно если эти очевидцы находились в стрессовом состоянии. Люди путаются в показаниях и выдумывают самые разные невообразимые детали, даже не подозревая, что предоставляют ложную информацию. Впрочем, некоторые противоречивые свидетельства можно объяснить. Эрик скинул с себя плащ практически сразу после того, как открыл огонь с лестницы. Дилан снял пыльник только в библиотеке. Изменение внешнего вида нападающих сразу увеличивало их количество. Школа расположена на пригорке, поэтому, когда Эрик с Диланом стояли на верхнем пролете лестницы, их наблюдали ученики сверху и снизу одновременно (поблизости было еще два выхода). У ребят имелось достаточно крупнокалиберное оружие, чтобы звуки выстрелов разносились на большое расстояние. Однако находившиеся в отдалении очевидцы слышали звук, но не понимали, откуда. Люди только понимали, что находятся в опасности. Некоторые очевидцы были более внимательными, по звуку определив, где именно стреляют, но их сбивали с толку бомбы, в особенности взрывавшиеся на крыше. Некоторые очевидцы были совершенно уверены в том, что стрельба раздается на крыше: там стоял человек, которого приняли за убийцу.

О трагедии узнали очень быстро. Как только ученики оказывались в безопасности (или там, где думали, что находятся в безопасности), они звонили родителям. Приблизительно пятьсот человек не были в школе: они отправились на обед или вообще не присутствовали в тот день на занятиях. Возвращающиеся с перерыва ученики увидели перегородившие дорогу ряды полицейских машин. Вокруг школы собралось огромное, просто невиданное количество полицейских.

Нейт Дайкман возвращался в школу. Он каждый день обедал дома. Выходя из школы, он заметил, что Эрик входит в здание с парковки, на которой, по идее, не должен парковаться, еще и с большим опозданием к началу занятий. Вообще-то в это время Эрик должен был идти на обед. Нейт обратил внимание и на то, что утром на занятиях не было ни Эрика, ни Дилана. Нейт решил, ребята наверняка что-то задумали. Странно, что они его не предупредили и не рассказали о своих планах. Возможно, Эрик и не был близким товарищем Нейта, но вот Дилана парень считал настоящим другом. Дилан должен был бы ему позвонить.

Нейт подумал о том, что в последнее время эта парочка ведет себя как-то странно. Он услышал, что в школе гремят выстрелы и взрываются бомбы, и сильно занервничал. Когда ему сообщили о том, что убийцы одеты в плащи, он сразу начал подозревать Эрика и Дилана.

В голове у него крутилась мысль: этого просто не может быть.

Стоя на перекрестке, он заметил свою девушку, которая тоже прекрасно знала Эрика. Она возвращалась на машине в школу. Нейт начал делать то, что в это время делали большинство учеников, – он принялся звонить друзьям, чтобы удостовериться, что с ними все в порядке. Он хотел позвонить Дилану домой, но что-то удержало его от этого. Он подумал, что обязательно наберет Дилана, но позже. Не сейчас. Сперва надо узнать о судьбе остальных друзей.

Помощник шерифа Гарднер стрелял в Эрика и думал о том, что подмога уже в пути. Сообщение о пострадавших возымело свое действие, и полицейские мчались в сторону школы. В округе была объявлена тревога, и к школе неслись пожарные и машины «Скорой помощи». Полицейская волна гудела от голосов, и Гарднер не смог сразу сообщить, что уже находится на месте происшествия. После перестрелки с Эриком полицейский сел в машину, поговорил с диспетчером и попросил о подмоге. Следуя инструкциям, Гарднер не стал преследовать Эрика и входить в здание.

Когда на полицейской волне прошло сообщение о стрельбе в школе, помощник шерифа Пол Смоукер находился около Клемент-Парка и выписывал нарушителю штраф за превышение скорости. Он ответил диспетчеру, что выезжает на место происшествия, и завел мотор своего мотоцикла. На высокой скорости он срезал путь через футбольное и бейсбольное поля и оказался около северной стороны здания школы в тот момент, когда Гарднер перестреливался с Эриком. Смоукер поставил мотоцикл за сараем с садовым инвентарем. Там сидел раненый ученик. После этого к сараю одна за другой подъехали несколько полицейских машин. Полицейские не видели Гарднера, который находился за углом здания. Раненый сообщил полиции, что в него стрелял «Нед Харрис». У полицейских под рукой не оказалось бумаги, поэтому один из них написал имя преступника на капоте патрульной машины.

Потом полицейские заметили, что недалеко от них в траве лежит еще один ученик. Двигаясь в сторону раненого, полицейские увидели за углом здания Гарднера. Помощник шерифа за две минуты до этого вел перестрелку с Эриком и в тот момент стоял за своей машиной с пистолетом в руке. Смоукер и Гарднер увидели друг друга, но в этот момент в одном из выходов с западной стороны здания появился Эрик.

– Вот он! – закричал Гарднер и открыл огонь.

Эрик моментально спрятался за дверным косяком и начал отстреливаться. В этот момент на улице пробегала пара учеников, и Эрик стал стрелять в них. Смоукер понимал, куда целится Гарднер, однако не видел самого Эрика, укрывшегося за косяком. Смоукер переместился так, чтобы увидеть стрелка, и сделал три выстрела. Эрик исчез. Потом Смоукер услышал звуки стрельбы внутри самого здания. Из школы выбежало еще несколько детей. Смоукер принял решение не преследовать стрелка.

На место преступления прибывали полицейские. Они занимались ранеными, успокаивали испуганных учеников, пытались оценить противника и понять, с кем имеют дело. Ученики издали видели полицейские машины, подходили к стражам порядка и рассказывали то, что знают. Среди них были раненые. Дети укрывались за полицейскими машинами.

Ученики предоставили много подробной и точной информации. На полицейской волне передавали зачастую противоречивые сведения, однако то, что говорили ученики непосредственно стражам порядка, почти всегда оказывалось правдивым и соответствующим действительности. Ребята описывали двух убийц в длинных плащах или пальто, которые стреляли из автоматов и обрезов, а также бросали самодельные гранаты. По описаниям очевидцев, по крайней мере один из нападавших был парнем школьного возраста, и некоторые ученики даже ранее встречали этого парня в школе.

Детей около полицейских машин становилось все больше. Автомобили – далеко не лучшая защита от пуль, а толпа всегда является хорошей мишенью. Полицейские приняли решение, что детей необходимо эвакуировать в безопасное место. Пока продумывался план маневра, они попросили ребят порвать на бинты свои рубашки, чтобы перевязать раненых. Потом полицейские решили передвинуть машины так, чтобы загородить учеников от пуль и вывести их по безопасному коридору подальше от здания.

Полицейских обучают тому, как вести себя в подобных критических ситуациях. Согласно инструкциям, стражи порядка не стали входить в здание, а решили окружить и изолировать убийц. Они разбились на группы и принялись наблюдать. На тот момент полицейских было не так много, поэтому они могли следить только за частью выходов из школы. Кроме этого, полицейские должны были отводить учеников на безопасное расстояние от здания. Выражаясь профессиональным языком, надо было «установить наблюдение по периметру». В тот день слово «периметр» будут произносить очень часто.

Команды медиков поставили свои машины чуть дальше от школы, и полицейские доставляли туда раненых. Каждый раз, когда новая группа детей отходила от здания, полиция открывала заградительный огонь, не давая возможности Эрику обстреливать детей. На самом деле

полицейские не знали, есть ли в здании убийцы или уже нет. Некоторое время внутри было тихо, и полицейские никого не видели ни в окнах, ни у дверей.

Прибыло подкрепление, и вскоре копы установили наблюдение за всеми выходами из школы. После короткой паузы в школе снова раздались выстрелы и послышались взрывы. В столовой и библиотеке даже тряслись стены. Помощник шерифа Гарднер говорил, что от наиболее сильных взрывов вибрировали стекла. После одного из таких взрывов из здания выбежали несколько учеников и бросились к полицейским, наблюдавшим за южной стороной здания.

– Мы все умрем? – спросила полицейского одна из девочек. Ей ответили «нет». Девочка повторила вопрос. Ей снова ответили, что она не умрет, но ученица продолжала задавать этот вопрос.

Полицейские предполагали, что убийцы могут покинуть здание, пересечь поле, перелезть через ограду из железной сетки и скрыться.

– Мы не представляли себе, кто именно является преступниками, но вскоре поняли, что они хорошо вооружены, – рассказывал позднее Гарднер. – У них были бомбы и мощное огнестрельное оружие. Мы понятия не имели, кто это. Мы знали лишь то, что они убивают детей.

К тому моменту, когда, приблизительно в полдень, телеканалы начали прямую трансляцию с места событий, вокруг школы находилось уже несколько сотен полицейских. В операции участвовали сотрудники тридцати пяти полицейских участков. Копы приехали на самых разных видах автомобилей, среди которых оказалась даже бронированная машина компании Loomis Fargo¹⁰, находившаяся поблизости. Один из возвращавшихся домой учеников говорил, что на отрезке в полтора километра навстречу ему в сторону школы пронеслось тридцать пять машин полиции. «Полицейские автомобили и кареты «Скорой помощи» мчались по разделительной полосе. Движение регулировали несколько мотоциклистов, которых чуть не сбили с дороги», – вспоминал он.

Каждую минуту к школе подъезжало пять-шесть полицейских машин. У операции не было ни одного начальника, который бы давал четкие и связные указания, и не существовало конкретного плана действий. Некоторые стражи правопорядка склонялись к необходимости штурмовать здание, что противоречило инструкциям поведения в подобной ситуации.

Поэтому полиция ограничилась «установлением наблюдения по периметру».

Эрик вел перестрелку с полицейскими в 11.24 и 11.26, то есть через пять и семь минут после начала бойни. Полицейские же открыли ответный огонь по убийцам только после полудня.

¹⁰ Инкассаторская компания.

13. «Я истекаю кровью»

Периметр вокруг здания обозначили желтой полицейской лентой. Никто не выходил из школы, но многие хотели подойти к заграждению как можно ближе. Появились родители, журналисты и просто зеваки. Несмотря на то что прибывающие люди не особо мешали полицейским, они подвергали свою жизнь опасности. Мисти Бернал приехала к школе достаточно быстро. Она не знала, что в начале всех этих событий ее дочь Кесси находилась в библиотеке. Она знала лишь то, что дочери, а также сына Криса нет среди вышедших из здания учеников.

Участок с домом семьи Бернал выходил на школьное футбольное поле, на котором Эрик пытался расстреливать бегущих по нему учеников, однако Мисти приехала к школе не оттуда. Мисти была на работе, поэтому не слышала выстрелов Эрика. В доме находился ее муж Брэд. Он заболел и утром вернулся с работы. Он слышал пару хлопков, но не придал им никакого значения. Семья жила рядом со школой, поэтому ее члены привыкли к тому, что в учебном заведении и вокруг него бывает шумно. Брэд решил, кто-то взрывает петарды, и даже не вышел на улицу посмотреть, что там случилось.

Приблизительно через полчаса после начала стрельбы Мисти обедала вместе с коллегой, которой по телефону сообщили о том, что в школе раздаются выстрелы. Мисти позвонила мужу и попросила посмотреть, что происходит около школы. Тот подошел к забору и увидел столпотворение. Кругом были одни полицейские.

Мисти Бернал была высокой и привлекательной женщиной приблизительно 45 лет. Она говорила громким голосом и вела себя уверенно. Ее дочь Кесси очень похожа на нее не только чертами лица, но и светлыми кудрявыми волосами, а также прической, которая у матери чуть короче. Волосы Мисти доходили до плеч. Ее можно было легко принять за старшую сестру Кесси. Брэд ростом выше жены. У него были темные волосы, красивые черты лица и мягкий голос. Муж и жена являлись глубоко верующими людьми, поэтому тут же начали молиться Господу о спасении своих детей.

Они решили, что Брэд будет ждать у телефона, а Мисти отправится к школе.

У границы полицейского кордона топталось много родителей. Журналисты вещали о том, как родителям сложно удержаться и не подходить ближе к школе. С каждой минутой отцов и матерей у кордона становилось все больше.

Мисти решила, что ждать у школы бессмысленно. К тому времени полиция объявила о том, что существуют два места, где родители могут найти своих детей. Одним из них была публичная библиотека на другой стороне Клемент-Парка. Мисти поехала туда, но там оказалось очень мало детей. Где же все те, кто успел выбежать из здания?

После того как ученики выбирались из здания, они могли расходиться по двум направлениям. Можно было пойти в микрорайон на Пирс-стрит или уйти в открытые поля Клемент-Парка. Практически никто не шел в парк. Большинство учеников стали осаждать дома на Пирс-стрит. Они стучали в двери, но в то время многие были на работе. В домах оставались только неработающие домохозяйки, готовые временно приютить учеников. «Ребята толпами заходили в дома, – рассказывал один из учеников. – В один набилось сто пятьдесят или двести детей».

Вторым пунктом сбора полиция назначила начальную школу «Леавуд». Она находится в центре микрорайона, и большинство учеников уходило именно туда. В актовом зале сидели родители, а учеников выводили на сцену, чтобы их могли увидеть и узнать. Родители плакали от радости и обнимали детей. Ученики, родственники которых еще не появились, тихо рыдали за сценой. Детей было сложно удержать на одном месте, поэтому вывешивались списки, на которых ученики писали свое имя, чтобы родители могли узнать их почерк и успокоиться.

В публичной библиотеке на другой стороне Клемент-Парка детей со сцены не демонстрировали. Мисти не знала, что делать. До «Леавуда» можно было добраться только пешком, потому что все дороги перекрыли. Но можно же разминуться со своими детьми. Находившийся в библиотеке священник местного прихода встал на стул и прокричал родителям: «Пожалуйста, оставайтесь здесь!» Он сообщил, что вскоре придет факс из «Леавуд» со списком детей, которые там оказались. Священник советовал не торопиться и подождать. Факс должен быть ксерокопией списка, в который учащиеся сами себя вписывали. Мисти решила дожидаться известий.

Атмосфера была напряженной, но все вели себя сдержанно. Время от времени люди вскрикивали и начинали быстро говорить. «С Полом все в порядке! – громко заявила одна женщина и подняла над головой мобильный телефон. – Он в «Леавуде»!» К ней подбежал муж, они обнялись и расплакались. Люди редко плакали от страха, слезы радости лились тогда, когда родители получали хорошие новости. Время от времени появлялись группки учеников. Детей тут же начинали расспрашивать матери, которые еще не нашли своих отпрысков. Очень часто звучал один и тот же вопрос: «Как вы выбрались из здания?»

Все хотели надеяться на то, что из школы можно каким-то образом выбраться.

– Я понятия не имела, что делать, – рассказывала одна девочка. – Послышались звуки выстрелов, учительница заплакала и показала на выход из класса. Все стали кричать и побежали, а потом послышался взрыв. Наверное, это была бомба. Я не видела взрыва, а потом раздался еще выстрел, и все побежали еще быстрее. Я не могла понять, что происходит. Потом снова раздался выстрел, и всех охватила паника. Все толкались, кто-то съезжал на лифтах, толкотня была ужасная, ребята бежали со всех ног...

Собственно говоря, большинство историй звучало приблизительно таким образом. Ученики описывали охватившую всех панику. Дети выпаливали свою историю на одном дыхании. Миловидная ученица предпоследнего класса, на которой была спортивная форма, так как во время начала теракта она была в спортзале, рассказала о том, как ей удалось убежать из школы, более спокойно и взвешенно. В коридоре она увидела человека с оружием. Она уверена в том, что один из убийц, стреляя, пробежал мимо нее. Но вокруг стояла такая суматоха и было так много дыма, поэтому девушка не поняла, что и где именно происходило. Пули ricochetили от стен. Разбивались оконные стекла, и огромные куски штукатурки падали на пол.

Мамы в ужасе охали и ахали. Кто-то спросил девушку, боялась ли она, что ее убьют. «На самом деле нет, – ответила она. – Потому что с нами был директор школы». Она произнесла это совершенно спокойным и уверенным голосом. Словно это была ситуация, когда ребенок говорит, что не боится, так как рядом папа.

Несмотря на то что дети рассказывали страшные вещи, их слова давали матерям надежду. Самое главное – это результат, ведь им удалось сбежать из этой мясорубки, и все остальное уже не имеет значения. Количество живых и невредимых учеников давало надежду.

Мисти задавала вопросы о своих детях каждому появившемуся ученику. С криками «Кесси! Крис!» она обходила толпу, но так никого и не нашла.

Через какое-то время главой операции около школы назначили недавно выбранного шерифа округа Джона Стоуна, которому пока еще в его новом качестве не приходилось сталкиваться с убийствами и их расследованием. Полицейские из Денвера с презрением отозвались об этой новости. Очень многие открыто говорили о том, что это совершенно неправильный выбор.

Полицейские из Денвера и пригородов относились к шерифу округа и его помощникам как к охранникам в магазине. Шериф и его люди обычно отвозили обвиняемых в суд из тюрьмы и обратно. Они охраняли порядок в суде, пока сами полицейские выступали в качестве свидетелей или расследовали преступления.

Недовольство полиции стало еще более громогласным, когда все лично увидели шерифа округа. Джон Стоун внешним видом напоминал героя фильмов о Диком Западе. У него были густые седые усы, огромный живот, морщинистое лицо и уставшие глаза. Несмотря на то что Стоун был в форме и с пистолетом в кобуре, он казался окружающим профессиональным поли-тиком. На протяжении двенадцати лет он работал в администрации округа. В ноябре 1998 года он выдвинул свою кандидатуру на выборную должность шерифа округа, победил конкурентов и принял присягу в январе. Своим заместителем Стоун назначил Джона Данавея.

Шериф и его помощники удерживали периметр вокруг школы, из которой периодически слышались выстрелы и взрывы. Прибывшая на место происшествия группа SWAT рвалась в бой и ждала сигнала к началу штурма.

Данавей назначил лейтенанта Дэвида Волчера ответственным за управление операциями на месте инцидента. Волчер был профессиональным полицейским. Шериф, его заместитель и лейтенант устроили командный пункт в стоящем в Клемент-Парке трейлере, расположенном на расстоянии чуть менее километра к северу от школы.

Сразу после полудня SWAT начала приближаться к зданию «Колумбайн». В качестве щита использовали пожарную машину. Около входа бойцы разделились на две группы по шесть человек в каждой. Команда под началом лейтенанта Терри Манваринга открыла отвлекающий огонь, а потом вошла в здание через другой вход. Первая группа попала в здание приблизительно в 12.06. На место трагедии продолжали прибывать новые отряды SWAT.

Первая группа бойцов рассчитывала на то, что вошла в здание в непосредственной близости от столовой. Лейтенант Манваринг неоднократно бывал в «Колумбайн», но не знал, что в школе провели перепланировку, после которой столовую перенесли в другое место. Эта новость очень удивила лейтенанта.

В здании звенел сигнал пожарной тревоги, поэтому бойцам приходилось общаться при помощи жестов. Каждое подсобное помещение и каждая комната воспринимались как место, где могут прятаться преступники. Многие двери оказались закрытыми, и бойцы стреляли в замки, чтобы попасть внутрь. Во многих классах прятались дети, которые, слыша приближающуюся стрельбу, думали о самом плохом. Ученики были уверены, что смерть неизбежна и произойдет в ближайшие минуты. Стоящие на улице полицейские, родители и репортеры считали, что это стреляют убийцы. Бойцы методично зачищали комнату за комнатой, постепенно приближаясь к преступникам, тела которых найдут через три часа после начала штурма.

Убийцы активизировались в западной части школы, где пожарные решили вытащить несколько человек, лежавших на траве напротив столовой. Часть этих людей была ранена и подавала признаки жизни. Анна-Мария, Шон и Лэнс уже сорок минут истекали кровью. Полицейские подошли ближе к зданию, чтобы обеспечить отвлекающий и заградительный огонь медперсоналу и пожарным.

Эрик из окна второго этажа открыл стрельбу по спасателям. Двое шерифов сделали несколько выстрелов. Полицейские тоже открыли заградительный огонь. Медики вытащили трех учащихся. Дэнни был мертв, и его на время оставили.

Эрик исчез.

Группа SWAT под командованием лейтенанта Манваринга медленно продвигалась вдоль школы под прикрытием пожарной машины. Через полчаса после начала движения группа вышла к противоположной стороне здания. Приблизительно в 12.35, то есть через 1 час и 15 минут после ранения, бойцы вынесли с газона Ричарда Кастальдо. Потом была найдена Рэйчел Скотт. Поняв, что девушка мертва, ее тело оставили на траве. После этого вынесли Дэнни Рорбофа и положили на тротуаре.

В 13.15 вторая группа бойцов SWAT проникла в здание со стороны парковки для старшеклассников. Бойцы разбили окно в учительской и влезли внутрь. Они вошли в расположенную поблизости от этого места столовую, и с первого взгляда им показалось, что в ней никого

нет. Еда лежала на столах и подносах. Сработала автоматическая система тушения пожара, и на полу набралось 12–13 сантиметров воды, в которой плавали книги, рюкзаки и разный мусор. Произошло возгорание, в результате которого оплавилось несколько пластиковых стульев. Бойцы не заметили две большие матерчатые сумки, одна из которых слегка обгорела. В ней лежал баллон с пропаном, но на фоне общей захлапленности бойцы его не заметили. Было видно, что ученики покидали столовую в панике. Тем не менее не было следов крови, а также с первого взгляда казалось, что в помещении нет ни тел, ни выживших.

Однако, присмотревшись, бойцы обнаружили в столовой достаточно большое количество невредимых людей. В зале находилось несколько десятков учеников и обслуживающего персонала. Люди прятались в служебных и подсобных помещениях, под потолочными панелями или просто сидели под столами. Преподавателю, забравшемуся под потолок, чтобы незаметно пробраться в безопасное место и предупредить полицию, требовалась медицинская помощь, так как конструкция не выдержала и он упал. Двое бедолаг залезли в морозильную комнату, и они там так заколенили, что когда их оттуда вывели, они едва могли двигаться.

Группа SWAT нашла всех прятавшихся в столовой людей и вывела их через окно, благодаря которому проникла в здание. По мере продвижения в глубь школы все большее и большее количество бойцов оставались защищать тыл. Пришлось запрашивать дополнительные части для охраны уже проверенных комнат.

В небе кружило несколько вертолетов.

Робин Андерсон наблюдала за скоплением людей и вертолетами с парковки. Вместе с подругами она ездила в кафе и вернулась к школе, когда вокруг нее были полицейские. В это время все еще можно было въехать на парковку для старшеклассников, что Робин и сделала. Она остановилась на привычном месте. К ее машине подошел полицейский с пистолетом в руке и сказал, чтобы она и ее подруги оставались в машине. Уезжать было поздно, и Робин с подругами провели в машине два с половиной часа. Робин заметила в окне школы Эрика и пригнулась. На самом деле она его не узнала, потому что он был слишком далеко. Она увидела парня в белой майке, стрелявшего в кого-то из ружья.

– *Какому идиоту придет в голову такое устроить?* – говорила Робин подругам. – *Кому все это вообще нужно?*

Робин посмотрела на близлежащую территорию парковки. Рядом с ее машиной располагались одно за другим места Эрика, Дилана и Зака. Машина Зака была здесь, а вот автомобили Эрика и Дилана отсутствовали.

Нейт Дайкман с ужасом думал о том, кто является зачинщиком этой трагедии. Он уже связался практически со всеми друзьями, за исключением Эрика и Дилана. Хотя он и надеялся, что они сами ему позвонят, но, если честно, не очень сильно рассчитывал на это. Нейт боялся, что правда о Дилане может оказаться очень горькой. Они дружили много лет. Нейт кучу времени проводил в доме семьи Клиболдов, и родители Дилана, Том и Сью, ему очень помогали. Дело в том, что у Нейта были проблемы в семье, поэтому дом Клиболдов стал для него практически родным.

Дилан не звонил. Приблизительно в районе полудня Нейт набрал стационарный номер семьи Дилана. Его отец Том Клиболд работал дома. Нейт надеялся, что Дилан тоже там.

Телефонную трубку поднял Том. Нет, Дилан отсутствует. Он в школе, сообщил отец.

Дилан прогулял занятия, ответил ему Нейт. Его не было на уроках. Нейт добавил, что в школе идет перестрелка. Он слышал описания внешнего вида нападавших, которые были одеты в плащи. Нейт знал нескольких ребят, у которых имелись пыльники, и пытался установить личности нападавших методом исключения. Он сказал, что ему очень неприятно сообщать такие ужасные новости, но у него есть подозрение, что Дилан мог оказаться одним из убийц.

Том пошел в спальню сына и проверил шкаф.

– О боже! – произнес Том. – Пыльника нет!

Как Нейт рассказывал позднее полицейским, по голосу мужчины парень понял, что это известие стало шоком для отца Дилана. «Мне казалось, что он выронит трубку, – говорил Нейт. – Он не мог поверить в то, что его сын может быть замешан в этом».

– Пожалуйста, держи меня в курсе, – попросил Том. – Что бы ты ни услышал.

Том повесил трубку и включил телевизор. Информацию о событиях в «Колумбайн» транслировали по всем каналам.

Том позвонил жене Сью и старшему сыну Байрону. В свое время родители выгнали Байрона из дома за употребление наркотиков. Но тогда Тому было совершенно не до того, принимает Байрон наркотики или нет. Все стало гораздо серьезней.

Судя по всему, Том не сказал Байрону, что Дилан может быть замешан в убийствах. Байрон сообщил коллегам, что его младшего брата могли взять в заложники и тот все еще находится в школе. Кроме этого, Байрон знал многих ребят из «Колумбайн» и волновался за них. «Я должен понять, все ли в порядке», – говорил он.

Среди окружения Байрона оказалось много тех, кто близко знал учеников школы, и они тоже поехали домой.

Том Клиболд позвонил по номеру экстренной помощи 911 и сообщил, что его сын, возможно, имеет отношение к убийствам в «Колумбайн». А потом он связался с адвокатом.

То, что показывали по ТВ, от получаса до часа отставало от реального хода событий. Репортеры и ведущие настойчиво повторяли, что полиция держит оцепление. А чем еще занималось множество находящихся вокруг школы вооруженных людей? Складывалось ощущение, что они бездействуют. Репортеры стали муссировать этот вопрос перед телезрителями. К счастью, серьезных ранений ни у кого пока не наблюдалось.

Приблизительно в 12.30, когда журналисты пришли в пункт оказания неотложной медицинской помощи, в новостях появились первые сообщения о раненых. Говорилось о большом количестве раненых детей, настолько окровавленных, что это мешало определить серьезность ранения. Детей загружали в машины «Скорой помощи», а местные больницы известили о чрезвычайной ситуации.

Над школой кружило пять или шесть вертолетов, но то, что снимали сверху, в эфир не шло. Прямая трансляция с воздуха длилась всего несколько минут, после чего шериф запретил использовать эти кадры, потому что в каждом классе стоял телевизор, который убийцы могли включить и узнать планы полиции. На кадрах, снятых с вертолетов, очень четко просматривались движение групп SWAT, а также расположение раненых, которых надо было переместить в безопасное место. На ТВ не упоминали о жертвах. Репортеры на вертолетах видели, что врачи осмотрели Дэнни и оставили его на месте. Телезрителям не сообщили о том, что мальчик, судя по всему, мертв.

С вертолетов заметили еще кое-что, происходившее на втором этаже, в окне кабинета точных наук № 3. Сверху было сложно понять всю ситуацию, но стало ясно, что в кабинете много людей. Кто-то подтащил к окну белую доску, на которой черным фломастером большими печатными буквами была выведена фраза: «Я ИСТЕКАЮ КРОВЬЮ».

14. Заложники

Приблизительно в 13.00 до журналистов и репортеров дошло известие о том, что в здании есть дети, которых, скорее всего, захватили в заложники. Ситуация стала еще более серьезной. Кто знает, что задумали преступники? И где они находились? Многие склонялись к мнению, что учеников держат в столовой, но уверенности не было.

Информация о появлении раненых и возможном взятии заложников дошла до родителей в публичной библиотеке и «Леавуд». Атмосфера стала еще более напряженной, люди переговаривались, обменивались новостями и передавали друг другу мобильные телефоны. В 1999 году сотовые еще не были повсеместно распространены, но у большинства обеспеченных граждан этих средств связи хватало. Родители звонили по мобильным, расспрашивали соседей, сообщали последние события родственникам и оставляли голосовые сообщения на всех автоответчиках, у которых могли бы оказаться их дети. Некоторые нажимали кнопку повторного вызова и звонили домой, одновременно говоря с кем-нибудь в зале. Мисти периодически звонила мужу. Пока ей так и не удалось найти Криса и Кесси.

До родителей дошла информация о том, что двадцать, тридцать, а может, и сорок учеников все еще находились в школе. Их не взяли в заложники. Они забаррикадировали дверь кабинета музыки, в котором прятались. Родители заохали. Как воспринимать эту новость? Как хорошую или плохую? Получалось, что еще несколько десятков детей живы, если, конечно, можно верить слухам, которых они уже слышали немало.

На самом деле в те минуты в школе пряталось от 200 до 300 учеников. Они затаились в классах, подсобных помещениях, под столами и партами. Кто-то попытался забаррикадировать вход в помещение, а кто-то прятался так, что его или ее было хорошо видно. Все боялись сдвинуться с места. Многие шептали в мобильные телефоны. Другие смотрели новости на стоящих в классах ТВ. Все слышали вой пожарной тревоги. По CNN в прямом включении транслировали разговор ведущего программы с сидящим под столом учеником. Что он слышит? Да то же самое, что и вы, ответил ученик: «У меня здесь есть небольшой телевизор, и я смотрю ваш канал». В течение четырех часов самые разные слухи и домыслы сменяли друг друга не переставая.

Полицейские были в ярости от вмешательства СМИ. Журналисты не знали, что в здании школы находятся сотни детей, и не представляли, какие последствия могут иметь разговоры с ними в прямом эфире. Полицейские уверяли, что в школе осталось еще много учеников, потому что опрашивали всех вышедших из здания. Однако оказалось очень непросто остановить поток информации. Не будем забывать, что это был первый крупный случай взятия заложников в эпоху мобильных телефонов, и с подобной ситуацией полиция еще никогда не сталкивалась. Власти опасались, что передаваемая в эфир информация дойдет до убийц. Надо сказать, что откровения детей зачастую пугали и самих телеведущих. Один мальчик рассказывал о том, что слышит звуки, очень похожие на стрельбу.

– Я слышу, словно кто-то что-то бросает, – говорил он. – Я сижу под партой. Понятия не имею, знают ли они, где я прячусь. Я сейчас на втором этаже и надеюсь, что никто не придет...

– Не надо говорить, где ты находишься! – поспешно прервал его ведущий.

Мальчик принялся рассказывать о том, что происходит поблизости.

– Снаружи плачут несколько человек. Они внизу, я их слышу. Раздается звук падения чего-то тяжелого. Ого!

– Что это было?

– Сложно сказать.

Ведущих этой программы было двое, и они, наконец, поняли, что зашли в своих вопросах слишком далеко. Один из них посоветовал мальчику закончить звонок, сидеть тихо и набрать номер экстренной помощи 911. «Звони 911, хорошо?» – попросил он.

Полицейские умоляли представителей СМИ закончить прямые включения с находящимися в здании детьми. Полиция попросила также пустить сообщение о том, чтобы ученики не звонили напрямую на каналы, а также выключили ТВ.

Каналы передали пожелания полиции, но не перестали общаться с детьми внутри школы в прямом эфире. «Ребята, если вы это смотрите, то выключите ТВ. Или, по крайней мере, сделайте звук тише», – попросил один из ведущих.

Многие граждане по всей стране смотрели трансляцию о происходящем в «Колумбайн». До этого ни одно из массовых убийств в школах не попадало в прямой эфир. Собственно говоря, эта была первая крупная трагедия на американской земле, которую показали в прямом эфире. Она создавала у зрителей иллюзию присутствия на месте происшествия. Несмотря на то что события в «Колумбайн» развивались в течение нескольких часов, ТВ приехало на место событий слишком поздно. Эрик и Дилан всего пять минут находились вне здания, после чего вошли внутрь. Репортеры пропустили стрельбу на улице и по понятным соображениям не смогли попасть в школу, пока там шла перестрелка. Но показанного по ТВ оказалось вполне достаточно, чтобы зрители почувствовали, что являются свидетелями происходящих событий. Однако за кадром остался ужас неизвестности всего того, что происходило внутри здания. Американцы узнают правду о «Колумбайн», но не в день трагедии.

ТВ-камеры показали лишь маленькую крупицу происходящего. Зачастую информация оказывалась сбивчивой и неточной. Вокруг школы собралось огромное количество полицейских, это наводило на мысли о том, что и преступников должно быть много. Находящиеся на грани истерики очевидцы событий говорили в интервью о разных людях, занимающихся плановым убийством. Звонки из школы подтверждали предположение о том, что убийцы продолжали свое дело. Оставшиеся около здания люди слышали внутри звуки выстрелов. Однако их выводы оказались неправильными – они слышали выстрелы бойцов SWAT, методично расстреливающих замки закрытых дверей во время зачистки помещения.

Все показанное по ТВ было совершенно не похоже на то, что планировали убийцы. Пройдут месяцы, пока следователи по крупицам воссоздадут картину событий. На выяснение мотивов преступления уйдет много времени. Только через несколько лет следователи объяснят, почему мальчики решили стать убийцами.

Однако ни общественность, ни СМИ не хотели ждать так долго. Поэтому появилась масса теорий и предположений.

15. Первые предположения

Группу следователей собрали еще до полудня. Во главе этой группы поставили Кейт Баттан. Кейт к тому времени уже знала имена подозреваемых. Большинство учеников были крайне удивлены тем, что в школе началась стрельба, но некоторые узнали преступников. Полицейским раз за разом повторяли имена двух учеников. Находившаяся в командном пункте в Клемент-Парке Баттан начала собирать личное дело на каждого из подозреваемых. В 13.15 (то есть тогда, когда бойцы SWAT врываются в здание через окно в учительской) полицейские прибыли в дом семьи Харрис. Родители Эрика уже знали о происходящей трагедии и были дома. Они не обрадовались появлению полиции в их доме и не пускали стражей порядка внутрь. Полицейские проявили настойчивость. Кэти Харрис очень испугалась, когда полиция двинулась в подвал. «Не хочу, чтобы вы туда заходили!» – сказала она. Полицейские ответили, что должны провести обыск и вывести всех из здания. Уэйн сомневался в том, что Эрик может быть причастен к трагедии, но был готов помочь полиции, если у нее есть подозрения. С Кэти оставалась ее сестра-двойняшка, которая объяснила, что Харрисы боялись мести родителей убитых или пострадавших детей.

Полицейские почувствовали запах газа, связались с обслуживающей компанией, после чего продолжили обыск. В спальне Эрика на книжной полке они нашли отпиленный ствол ружья, патроны на кровати, на полу отрезанные кончики перчаток. На столе, в комод, на подоконнике и даже в стене обнаружились материалы для изготовления бомб. Кроме этого, нашли страницу из «Поваренной книги анархиста», упаковку газового баллона, растолченное и битое стекло на камне в саду. В тот вечер в дом прибыл специалист по взрывным устройствам и провел там четыре часа, закончив работу в час ночи.

Семья Клиболдов оказалась куда более сговорчивой. В полицейском рапорте написано, что отец Дилана Том был «очень общительным». Он подробно описал жизнь сына и назвал всех друзей парня. По его словам, Дилан был в отличном расположении духа. Сю добавила, что сын казался счастливым. Том был сторонником запрета огнестрельного оружия, и в этом вопросе Дилан его поддерживал. Том убеждал всех в том, что в его доме полиция не найдет оружия или взрывных устройств. Полицейские обнаружили трубчатые бомбы, и это шокировало Тома. Тем не менее отец продолжал утверждать, что с сыном все в порядке. Они с Диланом были очень близки. Он бы точно знал, если бы его ребенок задумал что-нибудь плохое.

Первым прибывшим на место трагедии агентом ФБР оказался старший специальный агент Дуэйн Фузилер. Он родился в Луизиане и успел избавиться от акцента, за исключением произношения собственной фамилии. «Фу-зи-а-лэй» – вот как Фузилер произносил свою фамилию, которую все на слух, естественно, путали. Фузилер был опытным сотрудником ФБР, психологом, а также одним из наиболее известных профессионалов, специализирующихся на проведении переговоров с преступниками во время захвата заложников. Однако причина, по которой он оказался в «Колумбайн», была совсем иной. Ему позвонила жена и сообщила о трагедии потому, что в этой школе учился их сын.

Когда Фузилер ответил супруге, он находился в Денвере, в кафетерии, приблизительно в получасе езды от «Колумбайн». Перед агентом стояла тарелка довольно жидкого супа с пониженным содержанием соли, от употребления которой он стремился отказаться в связи с перегрузками и стрессом на работе. Агент не доел суп, вышел из здания, сел в автомобиль, пошарил рукой под сиденьем и извлек полицейскую мигалку, которой не пользовался уже много лет.

Фузилер поехал в «Колумбайн». Он планировал предложить свою помощь полиции в качестве специалиста по ведению переговоров с лицами, взявшими заложников, или в каком угодно другом качестве. Ему было сложно предположить, как полиция отнесется к его инициативе.

Полицейские, занимающиеся кризисной ситуацией наподобие той, которая сложилась в «Колумбайн», скорее всего, были бы рады помощи специалиста по ведению переговоров, несмотря на то что они сами недолюбливали сотрудников ФБР. Мало кто любит агентов ФБР, и Фузилер никого не винил за такое отношение. Агенты ФБР часто бывают людьми высокомерными и не скрывают этого от окружающих. Впрочем, Фузилер не походил на обычного агента ФБР. По образованию он был психиатром, который работал в качестве переговорщика во время захвата заложников, и только после этого стал агентом ФБР. На заднем сиденье его автомобиля лежал том избранных произведений Шекспира. Он никогда не говорил так быстро, словно стрелял из пулемета, не подтрунивал над полицейскими, не высмеивал их и не закатывал глаза во время разговора. Он не ходил вразвалочку, как человек, который ставит себя выше всех остальных. Он был в некотором смысле стойким. Он стеснялся обнимать на людях сыновей, но легко обнимал вырвавшихся из здания учеников, когда чувствовал, что им нужна его поддержка. Он часто улыбался и шутил над собой. Он искренне уважал полицейских и высоко ценил то, что они делают. Фузилер произвел на стоящих вокруг «Колумбайн» полицейских хорошее впечатление.

То, что около «Колумбайн» оказался специалист по борьбе с террористами, было крайне полезно для следствия и решения конфликта. Фузилер возглавил небольшую группу, в которой работал один из высокопоставленных полицейских округа. Фузилер позвонил ему, и тот обрадовался, что на место происшествия выдвигается агент ФБР, и предложил представить его руководству.

Коп, с которым Фузилер говорил по телефону по дороге в «Колумбайн», информировал агента о развитии событий и сообщил, что в школе находится шесть или восемь вооруженных людей в черных масках, которые расстреливают всех, кого видят. Можно было сделать вывод о том, что полиция имеет дело с террористами.

Не просто уговорить агрессивного человека, у которого в руках оружие. Агент Фузилер говорил мягким и ровным тоном и умел успокаивать людей. Вооруженный человек мог вести себя нелогично и нервно, но Фузилер неизменно сохранял спокойствие. Он предлагал террористам выход из ситуации, в которой те находились. Он обучал других людей ведению переговоров, быстро оценивать человека и понимать главные мотивы его поступков. В чем мотив действий террориста – злость, страх или сожаление? Зачем он устроил теракт – для того, чтобы прославиться, или, быть может, человек сам стал заложником каких-либо обстоятельств? Если террорист тебя слушает, то возможно в конце концов сложит оружие. Первое, чему учил Фузилер будущих специалистов по переговорам, было правильное понимание обстоятельств. Это захват заложников или нет? Со стороны любая ситуация, в которой безоружные люди оказываются под прицелом, может показаться взятием заложников. Однако это далеко не всегда так.

ФБР выпустило брошюру, в которой есть ссылки на проведенные агентом исследования. Фузилер писал о том, что любая ситуация с захватом заложников создается только для того, чтобы добиться осуществления каких-либо требований. «Главная задача, – гласила брошюра, – добиться того, чтобы никто не пострадал. Люди, взявшие заложников, понимают: только живые пленники дают шанс, что их требования могут удовлетворить». Такие террористы всегда поступают и ведут себя рационально. Но есть преступники, которые не стремятся к захвату заложников, жизнь которых для них равным счетом ничего не значит. «Такие злоумышленники ведут себя эмоционально, их поступки бессмысленны, а последствия их действий являются крайне деструктивными. Они ничего не требуют. У них уже есть все, что нужно, а именно жертва. В этом случае результатом теракта очень часто является смерть заложников».

Полицейские пришли к выводу, что в «Колумбайн» произошел захват заложников. Именно эту мысль и транслировали все СМИ. Но вот Фузилер придерживался совершенно другого мнения. Он считал, что ситуация гораздо серьезней, чем все думают.

Материалы ФБР, касающиеся решения ситуаций, в которых не происходит взятие заложников, рекомендуют диаметрально другой подход, чем в ситуации с захватом людей. В случае заложников ФБР рекомендует переговорщикам всегда находиться на виду, заставлять террористов платить за все, что те получают, и повторять, что полиция контролирует ситуацию и является главным игроком в конфликте. В ситуациях отсутствия захвата пленных переговорщики лишний раз не высовываются, «дают минимум, не рассчитывая получить что-либо взамен» (например, предлагают сигареты для того, чтобы наладить контакт с террористами), и не подвергают сомнению то, что главным игроком в данных обстоятельствах являются сами преступники. Главной задачей в ситуации захвата заложников является постепенное снижение ожиданий преступников, а в случае, когда захват заложников не произошел, главная цель – это погасить эмоции и чувства правонарушителей.

Сразу после прибытия в «Колумбайн» Фузильтер набрал группу людей, которые будут вести переговоры. Около школы обнаружилось несколько полицейских, которых он в свое время лично обучал. Кроме этого, поблизости было несколько сотрудников ФБР, также специализировавшихся на работе с захватом заложников. Им выделили пространство в трейлере, в котором находилась часть людей, осуществлявших руководство операцией (трейлер принадлежал властям соседнего округа и уже стоял около школы). Работников 911 попросили соединять всех звонящих из школы детей с членами группы Фузильтера. Все, что полицейские могли узнать об убийцах, могло помочь следствию. Собранную информацию передавали бойцам, прочесывающим здание. Члены команды Фузильтера были уверены в том, что смогут уговорить и успокоить убийц. Главное – найти их.

Фузильтер метался между трейлером со своими людьми и трейлером, где находился шериф округа. В свободные минуты он общался с учениками, незадолго до этого выбравшимися из здания. Потом он шел в отдел, занимавшийся сортировкой и обработкой информации, и просматривал сделанные в журналах записи. Там содержались записи о сотнях опрошенных детей. Фузильтер искал фамилии тех ребят, которых знал по футбольной команде сына. Всех знакомых ему детей уже «опросили и отпустили». В свободные минуты агент звонил их родителям и сообщал о том, что их дети живы.

Фузильтер не нашел в записях фамилию сына и был благодарен тому, что у него нет времени на переживания о его судьбе. Позже он рассказывал так: «У меня имелось много дел. Я думал и анализировал. Работа давала возможность не думать о Брайане». Агенту периодически звонила жена Мими, которая приехала в «Леавуд» и расспрашивала людей о судьбе сына. Никто его не видел, и никто о нем ничего не знал.

Все выглядело настолько серьезно, что полицейские предполагали, что преступников должно быть много. Одним из первых сообщивших свои подозрения о личностях преступников на номер экстренной помощи 911, оказался общий друг Эрика и Дилана Крис Моррис. Он сидел дома с приятелем, играл в приставку, включил телевизор и узнал о трагедии в школе. Крис заволновался по поводу своей девушки, которая в тот день была на занятиях. А его учитель переживал за отца, который работал в «Колумбайн» преподавателем.

Парни сели в автомобиль и начали разыскивать подругу Криса, но постоянно натывались на поставленные полицейскими ограждения. По пути они узнали о происходящем в «Колумбайн» чуть больше, и Крис услышал о том, что убийцы одеты в плащи. Крис знал, что у Эрика и Дилана они есть. Он также знал, что у них есть оружие, и слышал о том, что они собирали трубчатые бомбы. Крис не на шутку испугался. Так, значит, вот что они хотели устроить...

Крис набрал номер 911, но линия сорвалась. Он дозвонился до оператора не с первого раза и высказал догадки о личностях убийц. Оператор сообщил, что к нему направлен наряд полиции. Наряд приехал, задал Крису несколько вопросов, после чего все решили отвезти парня в штаб в Клемент-Парке. Там царил суматоха, и один из следователей подумал, что

привезли «Криса Харриса». Вскоре Криса окружила толпа полицейских. Заметив это, к ним стали подбегать телевизионщики.

Криса приняли за одного из убийц. Парень разволновался, у него были неприметные черты лица и вид ботаника: розовые щеки, очки в металлической оправе, длинноватые светло-каштановые волосы. На него надели наручники и посадили в полицейскую машину.

К тому времени многие из приятелей Эрика и Дилана уже подозревали, что это именно они устроили бойню. Это было явно не самое лучшее время для того, чтобы называть себя другом Эрика или Дилана.

С самого начала трагедии, еще до того, как установили имена Эрика и Дилана, СМИ говорили о нападавших во множественном числе. «Они одиночки? – спрашивали репортеры вышедших из школы очевидцев. – Изгои, не принятые обществом?» Об убийцах всегда говорили во множественном числе. Представители СМИ пытались подогнать Эрика и Дилана под стереотип ученика, открывающего стрельбу в школе, то есть образ во многом мифический, надуманный и неправильный. Дети практически всегда соглашались с предположениями журналистов. Некоторые на самом деле были знакомы с Эриком и Диланом, но сами эту информацию не сообщали, и об этом напрямую их никто не спрашивал. *Ну да, конечно, изгои, аутсайдеры. Я слышал, что именно так их и называли.*

Из информации о нескольких преступниках Фузильер сделал вывод о том, что к каждому из них потребуется индивидуальный подход. Он не мог позволить себе даже тень надежды. Если полиции удастся уговорить одного из злоумышленников, это может очень не понравиться остальным членам группы. Массовые убийцы чаще всего работают в одиночку, но, если они и находят себе напарников, те, скорее всего, не являются их точной копией. Фузильер подозревал, что в здании орудует парочка полностью противоположных по характеру людей. Вполне возможно, что у каждого из убийц имелись собственные мотивы преступления, то есть Эрик взял в руки оружие по одной причине, а Дилан – по другой.

Репортеры и журналисты вскоре придумали группе убийц название – «мафия в плащах». Сообщения по радио и ТВ стали звучать все более странно. Первые два часа CNN описывало преступников как готов, геев, изгоев и членов уличных банд. Один из выпускников школы описывал злодеев так: «Они часто пользуются косметикой и красят черным лаком ногти. Ну в общем, они типа готов, это такое молодежное движение, связанное со смертью и насилием».

Все эти догадки оказались полной ерундой. Ученик, которого я процитировал выше, не знал Эрика и Дилана. Тем не менее слухи росли как снежный ком.

16. Мальчик в окне

Второй жертвой парней стал Дэнни Рорбоф. Пока Эрик целился в лежащего на тротуаре Дэнни, его сводная сестра в этот момент двигалась в сторону брата. Ее звали Николь Петрон. В то время, когда Эрик с Диланом закладывали в столовой бомбы, она переодевалась в спортивную форму. Погода стояла прекрасная, и ее класс должен был играть на улице в бейсбол. Когда Эрик закончил перестрелку с заместителем шерифа Гарднером, идущие впереди девушки-одноклассницы поворачивали за угол и должны были оказаться прямо в зоне обстрела.

Мистер Ди появился в коридоре с противоположной стороны от преступников. Ему только что сообщили о стрельбе, и он выбежал посмотреть, в чем дело. Девушек никто не предупредил. Мистер Ди заметил Эрика и Дилана у западного входа и понял, что в сторону убийц движется целый класс.

– Они смеялись и хихикали. Они вот-вот должны были войти в сектор обстрела, – вспоминал мистер Ди.

Убийцы сделали несколько выстрелов, но в девушек не попали. Одна из пуль разбила стекло стоящего за мистером Ди шкафа со спортивными кубками и наградами.

– Я уже думал, что мне пришел конец, – рассказывал директор школы.

Он выбежал прямо перед девушками, крича, что они должны немедленно уходить. После этого он завел их в коридор, заканчивающийся дверью в спортзал. Та оказалась заперта.

У директора в кармане лежали ключи от всех помещений школы. Однако ключей было много, и он не знал, какой именно подходит для замка, перед которым они стояли. «Я тогда подумал: вот он повернет за угол, и всем нам крышка, – вспоминал ДиЭндрелес. – Если я не смогу открыть дверь, то все мы умрем». В тот момент он вспомнил увиденные когда-то кадры из фильма, в котором охранник концлагеря стреляет в спину убегающим узникам. *Как только он повернет за угол, то тут же начнет стрелять.* Он достал связку ключей, всунул в замочную скважину первый попавшийся, и, о чудо, тот подошел.

ДиЭндрелес быстро завел девушек в спортзал и начал искать место для укрытия. Издалека слышались выстрелы и взрывы, и они с ужасом думали о том, что там происходит. В дальней стене он увидел незаметную дверь. Это подсобка для хранения спортивного инвентаря. Директор открыл дверь и завел девушек внутрь.

– Здесь вы будете в безопасности, – сказал он. – Я не допущу, чтобы с вами случилось несчастье. Вам надо спрятаться. Я закрою за вами дверь, и вы ее никому не открывайте.

Потом он решил, что надо придумать какой-нибудь пароль. Кто-то предложил слово «апельсин», другая девушка произнесла «бунтари». Кто-то не соглашался с этим выбором. Все начали спорить. Мистер Ди просто не верил своим ушам и рассмеялся. Девушки захихикали. На мгновение напряжение спало.

Он запер их в кладовке, пересек спортивный зал и выглянул из двери наружу. «Я увидел учеников и учителей, – рассказывал директор. – Потом заметил машину департамента шерифа округа. Она буквально перелетела через бровку тротуара. Я сказал учителям, что должен вернуться к детям. То же самое я объяснил помощнику шерифа, и тот просто ответил: «Иди».

Мистер Ди вывел девушек из спортзала и подумал о том, что в здании еще осталось много учеников.

– Мне надо обратно, – сказал он полицейскому.

– Внутрь больше никто не заходит, – ответил тот.

Поэтому мистер Ди повел класс Николь через поле. Они перелезли через заграждение из металлической сетки.

– Давайте, девушки, – подбадривал их директор. – Перелезаем.

После того как последняя из учениц перелезла через забор, они побежали по полю. Мистер Ди зашел в полицейский штаб и нарисовал несколько картинок с изображением внутреннего расположения классов и комнат в здании для бойцов SWAT. Он описал полицейским то, что видел внутри. Он запомнил, что на убийце была бейсболка, повернутая козырьком назад. «Все говорили, что убийцы одеты в длинные пальто, а я повторял, что это не так. Один из убийц был в бейсболке, козырьком назад».

Потом директор школы отправился в «Леавуд», где и встретился со своей женой, братом и другом. Все, за исключением самого Фрэнка, плакали. То, что директор школы не плакал, может показаться странным. Фрэнк вообще всегда был человеком очень эмоциональным. Однако не стоит забывать о первом симптоме посттравматического стресса. Он сводится к тому, что человек ничего не ощущает. Именно это и произошло с Фрэнком.

«Я чувствовал себя, словно зомби», – вспоминал он.

Джон и Кейти Айрленд знали, что Патрик ездит на обед в город. Джон пошел искать автомобиль Патрика на парковке. Он помнил, где останавливается сын. Если машины нет, то Патрик должен быть в безопасности. Но полицейский не дал Джону пройти на парковку. «Пожалуйста! – умолял Джон. Он говорил полицейскому о том, что не собирается подходить близко к школе. – Мне просто надо найти одну машину...» Но его не пропустили. Джон решил пройти на парковку с другой стороны, но и там его остановили полицейские. Тогда Джон вернулся в «Леавуд».

В «Леавуд» прибывали группы детей. В зале главным образом были родители. Детей, которые еще не нашли родственников, оставалось немного. Дети плакали, и Джон поговорил с некоторыми из них, чтобы подбодрить.

Джон и Кейти радовались, когда видели, что семьи находят друг друга. Однако каждый раз, когда они смотрели на счастье окружающих, что с грустью понимали, что пока еще не нашли своего сына. Однако они не теряли надежды и отгоняли недобрые предчувствия. «Я не хотела думать о том, что с Патриком что-то случилось, – вспоминала потом Кейти. – Я была совершенно уверена в том, что он не пострадал. Я не хотела думать о плохом и тратить энергию на негативные мысли. Я просто понимала, что должна его искать».

Джон встретил в «Леавуд» несколько друзей Патрика, но те ничего не знали о его судьбе. Они не помнили, где он был во время теракта. Почему друзья, с которыми он общался, не связались с его родителями?

Как мы помним, Патрик поднялся в библиотеку, чтобы закончить домашнее задание по статистике. Вместе с ним было четверо приятелей. Никто из них не связался с родителями Патрика, потому что все они были ранены или убиты.

Агент ФБР Фузильер также не мог найти сына. Его жена Мими ушла из публичной библиотеки в «Леавуд». Там было много детей, но никто из них не видел Брайана.

Фузильер попросил полицейских узнавать о судьбе Брайана у выходящих из школы детей, но пока никто ничего конкретного не сообщил. Фузильер понимал, что в здании находится много живых и здоровых учеников. Выясняя подробности об убийцах, он лично разговаривал со многими выбравшимися детьми. Агент оказался одним из немногих родителей, в полной мере осознававших опасность, в которой оказались оставшиеся в здании люди. Он знал, что тела двух учеников уже несколько часов лежат на траве рядом со столовой. Он не знал только, что это тела Дэнни Рорбофа и Рэйчел Скотт, но его информировали о том, что они находятся без движения. Лишь потом он услышал сообщение с подтверждением, что эти двое мертвы. Многие полицейские обсуждали раненного в кабинете № 3, написавшего плакат «Я истекаю кровью».

Мими находилась в «Леавуде» и смотрела на сцену, куда выводили детей. В «Леавуде» никто не говорил о смерти. Мими следила за списком фамилий, который периодически обновлялся, и расспрашивала выбравшихся из школы учеников. Дуэйн каждые пятнадцать минут звонил ей, но не упоминал о том, что уже есть жертвы. А она об этом не спрашивала.

В течение полутора часов всем казалось, что в здании бродит множество убийц. Потом звуки выстрелов стали не такими частыми. Внутри все еще раздавалась стрельба, но никто не пытался стрелять в детей на траве и в полицию на улице. В больницы доставили первых жертв. Час ушел на то, чтобы вынести раненых во временный медицинский пункт, осмотреть и только потом погрузить в машины «Скорой помощи». В промежутке между 13.00 и 14.30 СМИ сообщали о том, что количество раненых колеблется и их число увеличивается. Представитель шерифа заявил прессе, что бойцы SWAT обнаружили пока неопределенное количество раненых учеников в здании.

В 13.44 полиция осуществила задержание. «Три человека с поднятыми руками окружены полицией, – сообщили по CNN. – Они подняли руки и сдаются». Полиция арестовала эту троицу.

В библиотеке узнали о задержании. «Они сдались! – ликовали родители. – Наконец-то все закончилось!»

Однако радость оказалась недолгой.

Приблизительно в 14.30 полицейский, находившийся на борту вертолета одной из ТВ-компаний, заметил, что в библиотеке кто-то двигается. Стекла в окнах были выбиты, и через подоконник одного из них свешивался вниз человек. Судя по всему, он собирался прыгать вниз.

Полицейский в вертолете связался с группой SWAT, и те незамедлительно выдвинулись к этому месту под прикрытием бронированного автомобиля инкассаторов.

– Держись, парень! – прокричал один из бойцов. – Мы тебя снимем!

Человеком, собиравшимся выброситься из окна, оказался Патрик Айрленд. Он услышал этот крик, но никого не видел и не понимал, откуда раздавался голос. У него кружилась голова. Он плохо видел и не понимал, что кровь заливает глаза. Внутренний голос подсказывал только одно: *Скорее убирайся отсюда!*

Внимание Патрика привлекли какие-то невнятные крики. Он удивился тому, что голоса звучат так странно и люди говорят так медленно. У него возникло ощущение, что он слышит звуки, как будто находится под водой. Где он? Непонятно. Произошло что-то ужасное. В него стреляли? *Надо скорее убираться отсюда!*

За несколько часов до этих событий Патрик Айрленд и его друзья спрятались под столами. С ним были Макай и Дэн, а также незнакомая девушка. Кори и Остин ушли на разведку, но так и не вернулись. Патрик опустил голову и зажмурился. В библиотеке послышались звуки выстрелов, и тут Патрик различил стон Макай. Патрик открыл глаза и увидел окровавленное колено друга. Патрик сдал руками ногу товарища, чтобы остановить кровотечение. Он приподнялся, и в этот момент его голова оказалась чуть выше поверхности стола. Дилан увидел Патрика и выстрелил. Патрик потерял сознание.

Несколько дробинок застряло в черепе Патрика. Кроме этого, в голову попали кусочки дерева от пробитого выстрелом стола. Но одна дробишка вошла в голову с левой стороны приблизительно в том месте, где начинают расти волосы, и застряла в мозгу ближе к затылку. В результате этого ранения был поврежден оптический нерв и затронуты области, ответственные за речь. После того как Патрик пришел в сознание, ему было сложно говорить и понимать речь. У Патрика возникли проблемы с восприятием происходящего, и он не отдавал себе отчета в том, что говорит. Левое полушарие контролирует правую часть тела, и угодившая в мозг

дробинка нарушила эту связь. Правая половина тела оказалась парализованной. Кость правой ноги была раздроблена. Из раны текла кровь, но Патрик ничего не чувствовал. Эта часть его тела словно онемела.

Он периодически терял сознание и приходил в себя. В то время, когда убийцы выходили из библиотеки, он находился в полусознательном состоянии. Дети, находившиеся в библиотеке, убегали через запасной выход. Макай и Дэн пытались привлечь внимание Патрика, но его глаза были совершенно пустыми.

– Давай, чувак, – произнес один из приятелей. – Надо сматываться!

Патрик не ответил. Друзья пытались его тащить, но оба были ранены в ноги, поэтому у них ничего не получилось. Они боялись, что убийцы вернуться, поэтому бросили друга и ушли.

Через некоторое время Патрик пришел в сознание. Он лежал на полу. *Надо уходить!* Однако тело отказывалось повиноваться. Патрик не мог стоять, он даже не был в состоянии нормально ползти. Он хватался за что-нибудь левой рукой и подтягивался вперед. Вскоре силы иссякли, и он снова потерял сознание.

Он неоднократно приходил в сознание и снова отключался. Кровавый след на полу показывал траекторию его движения. Патрик находился на расстоянии всего двух столов от окна, но пополз в совершенно другую сторону. На его пути оказалось много препятствий: тела людей, а также ножки столов и стульев. Что-то ему пришлось обогнуть, что-то он оттолкнул. Он упорно двигался в сторону, в которой видел свет. Он понимал, что надо добраться до окна. Там его могут заметить, а если нет, то он может выпрыгнуть.

До окна он добирался три часа. Рядом стоял стул. Он показался Патрику достаточно прочным и устойчивым. Он не упадет, если опереться на него, а если вернуться убийцы, то за стулом можно будет спрятаться. Патрик прислонился спиной к стене и, опираясь на стул, медленно поднялся на ноги. Потом он стоял между двумя большими окнами, отдыхая и собираясь с силами.

Но тут возникли очередные сложности. Патрик не мог подпрыгнуть. Оконные рамы начались на уровне пояса. Единственное, что ему оставалось, это наклониться вперед и выпасть головой на тротуар. Стекло было выбито выстрелами, но из рамы торчали осколки. Стоя на одной ноге и прислонившись плечом к стене, Патрик вынул осколки из нижней части оконной рамы. Он потратил на это много времени и сделал все очень аккуратно. Он не хотел порезаться.

Потом он услышал раздающиеся словно издалека голоса:

– Не прыгай! Мы тебя снимем!

Это кричали бойцы SWAT, которые к тому времени подошли под прикрытием бронированного автомобиля к месту, где стоял Патрик. Позади этих бойцов расположились другие правоохранители, готовые стрелять, если в окнах появится убийца. Еще дальше залегли снайперы, также готовые уничтожить преступников, если те помешают проведению операции по спасению раненого ученика.

Патрик не ждал, ему только казалось, что он ждал. Потом ему показалось, что он услышал голоса: «Прыгай! Мы тебя поймем!» На самом деле все было немного по-другому. Операцию спасения снимали на видеокамеру, и в тот момент бойцы только занимали свои позиции под окном.

Патрик рухнул вперед. Его тело застряло на раме, и он повис головой вниз. Бойцы еще не были готовы его поймать, но парень ничего не слушал или не слышал. Он всем телом подался вперед, но находящиеся в комнате ноги не дали ему выпасть из окна.

Видя такое развитие ситуации, один из полицейских бросил автомат и вскарабкался на крышу автомобиля. За товарищем поднялся еще один. Когда первый боец уже стоял на крыше бронев автомобиля, Патрик оттолкнулся слушавшейся его ногой от пола, а руки он протянул к тротуару. Он почти уже выпал из окна.

Бойцы на крыше автомобиля подхватили его с двух сторон. Патрик снова взбрыкнул одной ногой и наконец вылетел из рамы. Тело Патрика перевернулось в воздухе, как делает переворот гимнаст на турнике, и потом его ноги с силой ударились о крышу бронеавтомобиля. Бойцы опустили мальчика на крышу. Патрик извивался, словно хотел убежать. С крыши бойцы передали его на руки стоявшим внизу. Сопротивляясь, Патрик бил ногой и рукой.

На земле Патрика поставили на ноги, и он тут же попытался забраться в кабину автомобиля. Бойцы SWAT не могли взять в толк, что происходит. Они исходили из того, что Патрик осознает свое ранение. Но Патрик считал, что надо побыстрее убираться отсюда. Рядом с ним стоял автомобиль, и он собирался на нем уехать.

Его доставили во временный медицинский пункт и оттуда сразу в машину «Скорой помощи». По пути в больницу Св. Антония врачи разрезали на Патрике окровавленную одежду. Они сняли с его шеи золотую цепочку с медальоном в виде водных лыж. В бумажнике лежало шесть долларов, а на ногах не было обуви. Врачи констатировали ранения в правую ногу и левую сторону головы, не считая мелких ран и порезов. Сильные порезы были и на локте. Врачи пытались удерживать Патрика в сознании и установить, насколько сильно повреждены функции головного мозга. *Ты знаешь, где ты? Как тебя зовут? Когда ты родился?* Патрик медленно и с трудом отвечал на эти вопросы. Ему было сложно подобрать правильные слова. Большая часть мозга не пострадала, но связь между полушариями была нарушена. Мозг Патрика с большим трудом обрабатывал воспоминания. Патрик знал, что в него стрелял человек в черной накидке. Это описание соответствовало действительности, но Патрик также говорил, что на убийце была маска, а это неправильно. Он утверждал, что в него стреляли в больнице, в покое оказания неотложной помощи.

У него имелись и проблемы с речью. Он был частично парализован, и поэтому двигалась только половина рта. Патрику было сложно вспомнить самую простую информацию. Например, он правильно продиктовал врачам номер домашнего телефона, но с трудом мог вспомнить собственное имя. Паааа... Пааа... Он так и не смог произнести второй слог. Через некоторое время ему все же удалось произнести «рик». *Отлично. Значит, ты Рик Айрленд*, решили врачи. Его настоящее имя узнали только потом.

Непосредственно перед спасением Патрика по ТВ к американцам обратился президент Клинтон. Он попросил молиться за учеников и учителей «Колумбайн». Сразу после его выступления по CNN возобновили трансляцию из школы, ведущий заметил стоящего в окне окровавленного Патрика и воскликнул: «Смотрите, окровавленный ученик около окна!»

Спасение Патрика показывали в прямом эфире. Патрик был весь в крови, и ученица седьмого класса, его родная сестра Мэгги не узнала брата.

Несмотря на то что кадры спасения Патрика были впечатляющими, на пунктах сбора детей и родителей их никто не видел. Большинство родителей, включая Джона и Кейти, тогда не узнали о том, что ученики выбрасываются из окон школы.

Близкие Патрика могли бы его еще долго искать, но Кейти попросила соседку зайти к ним домой и проверить автоответчик. Та прослушала массу сообщений от самой Кейти и услышала послание из больницы Св. Антония со словами: «Ваш сын находится у нас. Пожалуйста, свяжитесь с больницей».

Кейти была ужасно рада, что Патрик жив, но не знала, насколько серьезно он ранен. «Я очень испугалась, – вспоминала она позднее».

Кейти поговорила по телефону с медсестрой, которая сообщила, что у Патрика ранение в голову. Сестра сказала, что Патрик находится в сознании и сам сообщил свое имя и телефонный номер. «Слава богу, что у него назвал рана, – подумала Кейти. – Я тогда решила, что, если он может говорить, то просто задет скальп».

Однако у Джона было предчувствие, что состояние сына является гораздо более серьезным. «Я подумал о том, что выстрел в голову не может закончиться легкой царапиной», – рассказывает он.

Вместе с женой они поехали в больницу. Джон работал программистом и считал, что умеет прекрасно читать карты и ориентироваться на местности, но ему с трудом удалось найти дорогу. Он знал, где находится больница Св. Антония и то, что добраться туда можно по улице Вадсворт, но совершенно растерялся.

Родители Патрика сидели в машине и считали, что одинаково воспринимают ситуацию. Однако через семь лет выяснилось, что каждый из них оценивал ее по-своему.

Джон укорял себя за то, что не смог защитить сына. «Наверняка я мог бы сделать больше, чтобы уберечь его от беды», – говорил он. Даже через много лет после этих событий Джон страдал от того, что не сумел сделать для сына большего.

Кейти думала только о сложившейся ситуации и размышляла, чем она может помочь Патрику сейчас. Врачи пока не говорили о серьезности травм. Медперсонал перезванивал им с сообщениями о том, что готовится операция и какие могут быть последствия. Врачи говорили о том, что клетки мозга не восстанавливаются, но иногда в мозговой ткани взамен поврежденных связей возникают новые. Никто до конца не понимает, как создаются нейронные сети, и пока медицина бессильна как-либо серьезно повлиять на их восстановление, но отчаиваться не стоит.

Попавшее в мозг постороннее тело грозит следующими осложнениями. Во-первых, пораженная ткань может никогда не восстановиться. Человек рискует ослепнуть, или сильно пострадает логическое мышление. Во-вторых, вероятны и другие серьезные осложнения, а именно кровоизлияние в мозг, которое убивает клетки. Врачи опасались, что кровоизлияние произошло тогда, когда Патрик лежал на полу библиотеки.

В общем, врачам было совершенно очевидно, что у Патрика Айрленда серьезная травма головы. Вопрос заключался лишь в одном – сможет ли его организм побороть последствия ранения, а его мозг начать работать нормально.

Планировалось, что операция займет один час, но она продолжалась более трех. Только после 19.00 хирург вышел из операционной и сообщил родителям Патрика результаты. Он вынул все неглубоко засевшие в голове фрагменты дроби, но одна дробишка ушла глубоко внутрь мозга. Пока было сложно говорить о последствиях. Оставалось лишь ждать, появится ли опухоль. Прогнозы врача не были утешительными.

Пока бойцы одного подразделения SWAT спасали Патрика, их коллеги дошли до кабинета музыки. У полиции была информация о том, что здесь забаррикадировалось шестьдесят учеников. Практически сразу после того, как открыли двери аудитории, еще шестьдесят учеников обнаружили в кабинетах точных наук. Бойцы SWAT вывели учеников по коридорам, вниз по лестнице и через столовую.

В 14.47, то есть через два с половиной часа после начала трагедии, большая группа детей вышла из здания школы через двери столовой и тут же попала в объективы установленных на вертолетах камер. Телеведущие и зрители удивлялись: откуда взялась такая толпа детей?

Учеников выводили цепью. Они изо всех сил бежали по склону холма, держа руки за головой и выставив локти в стороны. Казалось, что черед этих детей не будет конца. Они бежали сначала от школы, а потом опять к школе, к углу, где в здании не было окон и стояли полицейские машины и кареты «Скорой помощи». Там дети присели, сбившись в кучку, плача и обнимая друг друга. Полицейские сначала обыскивали каждого ученика, а потом обнимали. Позже группами по пять детей их рассадили в машины и отвезли к медицинскому пункту. По пути из школы ученики пробежали рядом с двумя лежащими на траве телами, и один из полицейских отодвинул в сторону тело Рэйчел, чтобы оно не мешало проходу.

После бойцы SWAT дошли до класса, где была выставлена надпись «Я истекаю кровью». Когда они проникли внутрь, доска все еще стояла перед окном. Ковер научного кабинета № 3 был пропитан кровью. Раненый учитель был едва жив.

17. Шериф

Эрик и Дилан не планировали ни захвата заложников, ни выдвижения каких-либо требований. SWAT более трех часов осматривала здание, и все это время убийцы были мертвы. Они застрелились в библиотеке в 12.08, через сорок девять минут после того, как открыли стрельбу. Ужас и смерти оказались вполне реальными, но угрозы захвата заложников не было никакой.

Бойцы SWAT нашли тела Эрика и Дилана в 15.15. Они заглянули в библиотеку и увидели на полу несколько неподвижных тел. Бойцы расчистили проход в библиотеку. Вместе с бойцами в библиотеку вошел врач Трой Ламан. Бойцы предупредили Троя, чтобы тот как можно меньше трогал стоящие в комнате предметы, они могут быть заминированы. В особенности опасными в этом случае являются рюкзаки.

В библиотеке царил хаос. Огромные лужи крови впитывались в ковер. Кровью были забрызганы стены и мебель. На столах лежали открытые книги, тетради и даже одна не до конца заполненная анкета для поступления в колледж. Труп мальчика сжимал в руке карандаш. Еще один мертвый подросток лежал на полу около включенного компьютера, который остался целым и невредимым.

Врач должен был осмотреть тела жертв, чтобы выяснить, есть ли среди них живые. Даже не прикасаясь к телам, можно было легко определить, что большинство подростков умерли около четырех часов назад. «Если я не мог посмотреть кому-нибудь в лицо, чтобы определить, умер человек или нет, я прикасался к телу», – рассказывает Ламан. В библиотеке лежало двенадцать трупов. Ламан прикоснулся к одной девушке и почувствовал тепло. Он перевернул ее так, чтобы увидеть лицо. Ее глаза были открыты, и из них текли слезы.

Лизу Кройтц отнесли вниз и срочно отправили в медицинский центр Денвера. Левое плечо было раздроблено выстрелом, кроме этого, имелись ранения в обе руки и ладонь. Она потеряла много крови, но выжила.

Большинство тел лежало под столами, где жертвы пытались спрятаться. Два тела были не похожи на остальные. Они лежали на открытом пространстве, рядом с оружием. Ими оказались самоубийцы. У бойцов SWAT к тому времени уже имелись описания Эрика и Дилана, и эти трупы были на них очень похожи.

Преступники найдены. В соседних кабинетах обнаружили четырех женщин. Учительница рисования Патти Нильсон, звонившая по номеру 911, спряталась в шкафу в комнате для отдыха персонала библиотеки. Согнувшись, она три часа просидела в шкафу, даже не подозревая, что опасность уже миновала. В той же комнате бойцы обнаружили еще трех учителей. Чтобы лишний раз не травмировать человека, боец, выводивший одну из преподавательниц, попросил ее следовать за ним, положить руку ему на плечо и смотреть прямо на его шлем.

Педагоги очень удивились тому, что операция закончилась. Оглушительно звенела сирена пожарной тревоги, никого из коллег, знавших, что все подошло к концу, рядом не было, поэтому учительницы и понятия не имели, что бойня завершилась.

Следователи начали воссоздавать последовательность и детали произошедших событий. Надо было установить, сколько длилась бойня и как долго Эрик с Диланом убивали. Несмотря на то что эти вопросы кажутся похожими и практически однозначными, это разные вопросы, имеющие разные ответы. На семнадцатой минуте трагедии произошло что-то странное.

Расследование трагедии в какой-то момент даже опередило продвижение по зданию бойцов SWAT. Полицейские прочесали парк, поговорили с детьми в библиотеке и школе «Леавуд», а также с жителями окрестностей. Провели интервью с сотнями учеников и преподавателями. В те минуты, когда детей оказывалось больше, чем полицейских, проводили тридцатисекунд-

ные или минутные беседы, состоящие из вопросов: *Кто ты? Где ты находился? Что ты видел?* Очень быстро выявили друзей преступников, а также тех, кто лично наблюдал сцены убийства, и именно с этими людьми организовывали более подробные интервью.

Начальник следственной группы Кейт Баттан лично провела часть углубленных допросов, а о результатах остальных ей сообщали. Баттан всеми силами старалась избежать ошибок и очень скрупулезно относилась ко всем деталям. Любые промахи на начальном этапе следствия могут стоить очень дорого и сильно повлиять на развитие дела в будущем. «После слушания дела О. Джея Симпсона и убийства Джонбенет Рэмси мы много чему научились, – говорила она потом. – Нам было не нужно повторения ошибок».

Следователи провели простой поиск по базе данных местной полиции и нашли кое-что интересное. Имена убийц там уже присутствовали. Когда Эрик и Дилан учились в предвыпускном классе, их арестовывали за взлом микроавтобуса и кражу компьютерного оборудования. В качестве наказания они в течение двенадцати месяцев участвовали в специальной программе по предотвращению малолетней преступности. Они занимались общественными работами и ходили к психологу. Парни закончили эту программу на «отлично» за три месяца до трагедии в «Колумбайн».

Кроме этого, нашли жалобу Рэнди и Джуди Браун, составленную тринадцатью месяцами ранее. Рэнди и Джуди были родителями приятеля Эрика – Брукса. К ней прилагалось десять страниц распечаток текста с сайта Эрика, где он грозился убить Брукса. Оказывается, Эрик был хорошо знаком местной полиции.

Баттан составила шестистраничный ордер на обыск дома Эрика и точно такой же ордер на обыск в доме Дилана. Она по телефону продиктовала нужный текст. Ордера распечатали в столице округа Голден, отправили судье, подписали и отвезли показать родителям убийц.

Все описываемые события произошли еще до того, как бойцы SWAT добрались до библиотеки и убедились в том, что преступники покончили с собой. В этом ордере упоминаются имена семи свидетелей, которые опознали Харриса и Клиболда в качестве нападавших.

О том, что нашли тела злоумышленников, агент Фузилер услышал на полицейской волне в 15.20. Незадолго до этого он получил сообщение о том, что с его сыном Брайаном все в порядке. После массового убийства следует расследование. «Я могу чем-нибудь помочь? – спросил Фузилер у руководства окружной полиции. – Вам нужны федеральные агенты?» «Конечно», – ответили ему. В округе Джеффко следаков было мало, и этой силы было явно недостаточно. Через час к ним присоединились восемнадцать опытных полицейских. Потом к расследованию подключилось двенадцать федеральных агентов и несколько человек обслуживающего персонала.

В 16.00 шериф Стоун и спикер от властей округа Стив Дейвис выступили в Клемент-Парке для прессы по поводу общего количества жертв. Журналисты до этого ни разу не слышали имена этих людей, но быстро смогли их оценить. Шериф Стоун говорил глубоким, грубоватым голосом. У него был имидж ковбоя с менталитетом дворового пацана, все прямо и честно. Стив Дейвис оказался его полной противоположностью и поразил всех своими волосами, красиво уложенными феном. Во вступительном слове он напомнил, что не стоит тратить время на слухи. Дейвис просил всех внимательно подойти к вопросам количества жертв и статуса подозреваемых.

Потом Дейвис предложил журналистам задавать вопросы. На первый вопрос его попросили ответить лично, но тут вмешался шериф Стоун и отбросил в сторону всю политику. Большую часть пресс-конференции микрофон находился в руках Стоуна. На все вопросы, включая и те, по которым, как выяснилось потом, имел минимум или вообще не имел никакой информации, он отвечал без колебаний. Он решил драматизировать. «Я слышал цифры до двадцати пяти человек», то есть шериф почти в два раза увеличил количество жертв. Он объявил о не

подвергающейся сомнению смерти убийц, но почему-то за язык его дернуло рассказать о теории существования третьего стрелка.

– Двое из них мертвы и находятся в библиотеке.

– А где третий? – спросили его.

– Мы не уверены в том, что есть третий, а может, их и еще больше. SWAT прочесывает здание.

Неправильное число жертв Стоун повторил несколько раз. На следующее утро в газетах был заголовок: «Двадцать пять жертв в Колорадо».

Стоун также заявил, что трое задержанных в парке ребят «являются сообщниками этих джентльменов или их близкими друзьями». Здесь Стоун глубоко заблуждался: парни вообще не знали ни Эрика, ни Дилана, и вскоре их отпустили.

Стоун сделал ряд совершенно лишних обвинений.

– Что это за родители, которые позволяют детям иметь автоматическое оружие?

Журналисты с удивлением восприняли заявление о том, что у убийц было автоматическое оружие. Последовали уточняющие вопросы.

– Ничего не знаю, – признался Стоун. – Я предполагаю, что при таком количестве жертв у них было автоматическое оружие.

Стоуна спросили о мотивах убийц.

– Просто сумасшедшие, – ответил он и на этот раз оказавшись не прав.

К тому времени десятки учеников покинули здание школы. Пострадавших провели через Клемент-Парк к школьным автобусам, на которых их провезли через полицейские кордоны в «Леавуд».

Дети понуро шли в сторону, где собрались репортеры. Многие ученики тихо плакали, обнимали за плечо или держали за руку особенно расстроенного приятеля. Большинство детей глядело себе под ноги. Стоящая на их пути толпа журналистов тихо расступилась. По внешнему виду детей было понятно, что это не лучшее время для интервью.

Но ученики хотели высказаться. Преподаватели просили детей побыстрее занимать места и помалкивать, но те открывали окна и рассказывали журналистам то, что им пришлось пережить. Некоторые вышли из автобусов, чтобы поговорить с прессой.

Учителя пытались уговорить учеников занять места, но не тут-то было. Один выпускник рассказал о том, что ему пришлось пережить в кабинете музыки. В его речи слышались нотки бравады, и он говорил о том, как по-рыцарски вели себя мальчики по отношению к девочкам. Однако, когда репортер спросил о его самочувствии, парень дрогнувшим голосом ответил: «На тротуаре лежало два трупа, и я начал плакать. Я уже много лет не плакал».

Внимание СМИ было сосредоточено на встречах детей и родителей. По ТВ крутили сцены воссоединения после окончания трагедии. Мало кто обращал внимание на то, как чувствуют себя учителя. В «Колумбайн» работало более ста преподавателей, а также несколько десятков человек обслуживающего персонала. Приблизительно сто пятьдесят семей волновались за судьбу мужей, жен и родителей. Для родственников учителей не было организовано специального пункта встречи. Большинство близких учителей и обслуживающего персонала сидели дома и ждали звонка. У телефона ожидала известий и Линда Лу Сандерс.

В день трагедии она отмечала семидесятилетие матери. Утро она провела с ней и родственниками, а потом все отправились в горы. По пути ее сестре Мелоди на мобильный телефон позвонил муж.

– Где преподает Дейв? – спросил он.

– В «Колумбайн».

– Тогда вам надо срочно возвращаться.

Все родственники собрались в доме Линды. По сообщениям СМИ, пострадал только один учитель точных наук, следовательно, не Дейв, а кто-то другой. Тем не менее Дейв не выходил на связь.

Сообщения СМИ оказались почти правильными. Действительно, жертвой стал один преподаватель – Дейв в тот момент истекал кровью. В то утро казалось, что стрельба раздается по всему зданию, но это было не так. Стреляли главным образом в библиотеке и на ступеньках одного из западных входов. Учителя не обедали на улице и не сидели в библиотеке, готовясь к контрольным работам и тестам. Если бы заложенные Эриком и Диланом бомбы взорвались, то пострадала бы учительская. Но они не сработали. Повезло всем педагогам, кроме одного.

Дейв несколько часов пролежал в кабинете точных наук № 3. Эвакуировали всех детей и учителей, но никто не знал, как сложилась его судьба. Только через несколько дней члены семьи Дейва поняли, что произошло. Много лет ушло на то, чтобы выяснить, почему он три часа пролежал в кабинете № 3 и кто виноват в случившемся.

Но тогда родственники Дейва знали лишь то, что он не вышел на связь. Наверное, он находится где-то в здании, думали они. Это, конечно, не очень хорошо. Линда надеялась, что Дейва не взяли в заложники. Она предполагала, что он прячется. Скорее всего, с ним все в порядке – Дейв не был человеком, который любил рисковать.

Члены семьи Дейва следили за новостями и отвечали на звонки. Телефон не умолкал, но это оказывался кто угодно, но не Дейв. Линда неоднократно звонила ему на рабочий номер, но никто не отвечал. Линде тогда было под пятьдесят. Она поддерживала себя в хорошей физической форме, но ее душевное спокойствие не отличалось стабильностью. У нее была теплая улыбка, но грубое слово или жест легко могли вывести ее из спокойного состояния. Дейв очень любил и оберегал жену. Когда Дейва не было рядом, ей помогали дочери и сестры. Члены семьи старались отвечать на телефонные звонки сами и на всякий случай не давать Линде возможность брать трубку. Однако в середине дня Линда захотела ответить сама. «Звонила женщина, – вспоминает Линда. – Она сказала, что звонит из газеты *Denver Post*. Потом сообщила, что мой муж ранен или убит, и попросила прокомментировать это сообщение. Я закричала и бросила трубку. Я не помню, что было потом».

Робин Андерсон была сильно перепугана. Дилан, пригласивший ее на выпускной бал, оказался массовым убийцей. И, судя по всему, она помогла ему достать оружие.

Насколько ей известно, о том, что она помогла приобрести оружие, знало всего три человека. Двое из трех были мертвы. Но, может быть, Эрик и Дилан рассказали кому-нибудь, кто им помог? Что если сделать баллистическую экспертизу и определить, где было куплено оружие? Во время его приобретения она нигде не расписывалась. Узнают ли об этом полицейские? Что делать – молчать или признаться?

Полицейские не знали о том, что Робин помогла парням купить оружие. Ее опросили в Клемент-Парке, и во время интервью она вела себя совершенно спокойно. Она рассказала обо всем, что видела, и сообщила, где находилась во время трагедии. Она сказала правду, но не всю. Тогда она не была уверена в том, кто именно затеял стрельбу в школе, поэтому не заявила о том, что знакома с Эриком и Диланом. И, понятное дело, она промолчала про оружие. Может быть, ей стоило все это рассказать? Ее мучили укоры совести.

В тот день Робин поговорила по телефону с Заком Хеклером. Она ничего не сообщила о своей роли в плане Эрика и Дилана. Зак ничего не знал про оружие, но был в курсе, что парни изготавливали трубчатые бомбы. Они делали бомбы? Ничего себе, удивилась Робин. Хотя на самом деле ее не очень сильно шокировала эта информация. Зак рассказал Робин кое-что о Дилане. Он заверил, что именно Эрик и Дилан могли оказаться людьми, которые бегали по школе и, смеясь, убивали людей.

Зак только не сказал Робин о том, что именно он помог парням изготовить заряды. Ничего себе! Неужели Зак оказался замешан в этом деле еще серьезней, чем она?

Зак тоже был очень напуган. Тогда все друзья Эрика и Дилана были на грани. Зак не собирался идти в полицию и рассказывать обо всем, что ему известно. Во время допроса он вообще не упомянул, что парни изготавливали бомбы.

Крис Моррис вел себя по-другому. Он позвонил в полицию, как только заподозрил, что его приятели могут иметь отношение к массовому убийству. Перед включенными ТВ-камерами на него надели наручники и увели. Крис рассказал полиции многое. Он упомянул то, что Эрик был увлечен нацизмом, не забыл о шуточках, которые тот отпускал по поводу спортивных, а также и то, что Эрик хотел отключить в школе электроэнергию и заложить бомбы, начиненные гвоздями и болтами в качестве шрапнели.

Если болтовня Криса была правдой, то получалось, что парни вели себя как неопытные молодые убийцы, рассказывавшие о своих планах друзьям. Если Эрик и Дилан многим поделились с Крисом, то вполне вероятно, что они поведали обо всем и другим приятелям.

Полиция связалась с отцом Криса, который после этого незамедлительно позвонил адвокату. В 19.43 начался допрос Криса, его отца и пришедшего на встречу юриста семьи. Крис и отец подписали документы о том, что вся раскрытая ими информация может быть использована против них. На допросе Крис предоставил много подробностей об убийцах. Он рассказал о том, что парни часто говорили о бомбах, и однажды Дилан принес на работу трубчатую бомбу, после чего Крис приказал унести ее из помещения. Крис знал, что у парней есть оружие. Многие сотрудники пиццерии Blackjack вот уже несколько месяцев были в курсе, что парни хотят купить оружие. Эрик и Дилан не говорили Крису, что у них уже есть оружие, но эту информацию он получил от нескольких других людей.

Крис подозревал, что приобрести оружие парням помог некий Фил Дюран, который ранее работал в Blackjack, но потом переехал в Чикаго. Дюран рассказывал Крису о том, что ездил с Эриком и Диланом на стрельбище, где они стреляли, кажется, из АК-47. Сам Дюран никогда не говорил Крису о том, что купил парням оружие, но Крис предполагал, что это могло быть именно так.

Оказывается, Крис имел массу компрометирующей информации об Эрике и Дилане, но, по его собственным словам, не относился серьезно к тому, что они говорят. Крис согласился на обыск его одежды и комнаты. После этого с полицейскими договорились о встрече в доме Криса. Копы приехали туда, и мать Криса передала им компьютер сына и показала, где находится его спальня. Потом брат Криса привез полиции одежду. Он сказал, что Крис боится возвращаться домой, потому что там его ждут представители СМИ.

Полицейские не нашли ничего компрометирующего в вещах Криса, забрали массу разного материала и уехали в 23.15.

Робин хотелось с кем-нибудь поговорить и посоветоваться. Ее лучшая подруга Келли пришла к ней домой во вторник, в 19.30. Они пошли в спальню Робин. Келли прекрасно знала Эрика и Дилана, особенно последнего. Она была в той же группе ребят, с которыми Дилан ездил в лимузине в ночь выпускного. Робин сказала подруге, что та кое-чего не знает. *Она помнит, что Робин в прошлом ноябре оказала парням одну услугу?* Келли помнила. Робин неоднократно говорила о том, что помогла парням, но хотела бы держать это в секрете. Раньше Робин не рассказывала Келли, в чем именно заключалась помощь, но теперь хотела облегчить душу. И Робин призналась подруге: когда в Денвере проходила большая выставка-продажа оружия, Эрик с Диланом позвонили ей, в воскресенье, если не изменяет память. Они были на ярмарке в субботу и нашли там оружие, которое им очень понравилось. Но им его не продали, потому что тогда парням еще не исполнилось восемнадцать лет. Нужен был совершеннолетний человек, который купил бы им это оружие. Ей нравился Дилан, и она согласилась помочь.

Парни дали ей деньги на приобретение оружия. Она нигде не поставила своей подписи, но тем не менее именно она купила три единицы стволов. Одно из ружей было похоже на помповое. Эрик получил полуавтоматическое ружье, наподобие большого для пейнтбола. Робин мучают угрызения совести. Но откуда она могла знать, как они собираются использовать это оружие?

Но и на этот раз Робин не рассказала подруге все, что знала. Она сообщила свой главный секрет, но упустила одну небольшую деталь. Она утверждала, что узнала имена убийц, только когда их озвучили по ТВ вечером в понедельник. Келли не поверила тому, что Робин, учившаяся на одних пятерки, не догадалась о личностях преступников, когда СМИ сообщили о том, что на убийцах надеты пальто или плащи.

Семья Клиболдов провела весь вечер на веранде своего дома. Они ждали. Полиция не пускала их внутрь. В 18.10 прибыл один из помощников шерифа с заявлением о том, что их жилище теперь расценивается как место преступления. Родители убийцы пока не могли в нем оставаться и должны были уехать. Том и Сью Клиболд признавались друзьям, что чувствуют, словно над их домом прошел ураган. Как известно, в Скалистых горах не бывает ураганов. Но так уж получилось.

– Надо было поскорее уезжать, – так говорила о том времени Сью. – Мы не знали, что произошло. И мы не могли горевать по поводу смерти нашего ребенка.

Под наблюдением полиции Том вошел в дом и собрал одежду на ближайшие несколько дней. Сью вынесла домашних животных: пару кошек, двух птиц, а также их корм, клетки и лотки. В 21.00 супружеская пара уехала в автомобиле.

В тот вечер они еще раз говорили с адвокатом, который высказал им одну мудрую мысль: «Дилан умер, и ему уже все равно, что его ненавидят. А вы живы, и теперь ненавидеть будут вас».

18. Последний автобус

Учеников привозили на автобусах в начальную школу «Леавуд». Родственники радовались, когда видели друг друга. Постепенно родителей, которые пока не нашли своих детей, становилось все меньше и меньше. «Я так завидовала людям, которые, увидев своих детей, радостно выкрикивали их имена», – вспоминает Дорин Томлин. Она чувствовала, что ей становится все сложнее вставать после того, как прибывал новый автобус. Ее муж не терял надежды, а вот сама Дорин отчаялась. Автобусы приезжали, а она даже не поднималась со стула, мысленно укоряя себя за это: «Я думала: почему ты не ищешь своего ребенка? Все родители глаз не отводят от сцены, а ты просто сидишь».

Брайан Рорбоф потерял надежду раньше Дорин. Еще в 14.00 он, стоя в толпе родителей, уже внутренне сказал себе, что его сын мертв. «Я знал, что его уже нет, – говорил он позднее. – Возможно, Господь готовил меня к этому известию. Я надеялся, что предчувствие меня обманывает. Мы встретили много автобусов с детьми, но я знал, Дэнни нет ни в одном из них. Я сказал Сью: “Его уже нет”».

Бывшая жена Брайана до конца не теряла надежды. Не сдавалась и Мисти Бернал. Привезли ее сына Криса, но Кесси никак не появлялась. *Она жива!* – упорно повторяла про себя женщина. Мисти не хотела отчаиваться и верила до конца.

– Мама Кесси подходила ко мне каждые две минуты и спрашивала, не видела ли я ее дочь, – вспоминала одна из подружек погибшей девочки. – Один раз я сказала, что, наверное, есть много родителей, которые еще не нашли своих детей.

Мисти было не очень приятно услышать такой ответ.

Она молилась: «Господи, пожалуйста, верни мне моего ребенка! Господи, где же она?»

Потом Мисти ушла из публичной библиотеки. Она пришла в Клемент-Парк и услышала о том, что детей вывозят в автобусах. Мисти бегала от одной машины к другой. Одна из подружек Кесси увидела ее и схватила за руку.

– Ты видела Кесси? – воскликнула женщина.

– Нет.

Мисти вернулась в библиотеку, где ее ждали муж Брэд и сын Крис. Потом всех отправили в «Леавуд». Так было лучше – больше людей в одном месте, выше шансы найти своего ребенка.

На протяжении определенного времени автобусы с детьми прибывали каждые десять или двадцать минут. Потом, приблизительно с четырех часов дня, все затихло. Затем обещали прибытие еще одного автобуса. Родители в некотором изумлении посматривали друг на друга. Чьи дети приедут на этот раз?

В ожидании прошел час. До 17.00 никакого автобуса не появилось. Кое-кто выходил на дорогу, чтобы увидеть автобус раньше остальных. Дорин Томлин уже давно не вставала со стула и молилась о том, чтобы ее ребенок оказался среди пассажиров последнего автобуса. «Это была наша единственная надежда», – вспоминала она потом.

Приблизительно во время обеда в западном крыле Белого дома президент Клинтон выступил на пресс-конференции, посвященной теракту в «Колумбайн». «Мы с Хиллари с пригорбией услышали новости о сегодняшней трагедии в Литтлтон», – сказал глава государства. Он передал слова одного из чиновников округа, который заявил следующее: «Возможно, после того как трагедия произошла в Литтлтон, Америка осознает масштабы этой проблемы».

Клинтон отправил на место происшествия специальную федеральную группу по решению кризисных ситуаций и попросил представителей СМИ не делать необдуманных выводов. «Мне бы хотелось не торопиться, так как многие факты трагедии нам еще неизвестны. И не будем забывать о жертвах и о том, что надо с уважением отнестись к горю пострадавших и их семей», – сказал президент.

В «Леавуде» теряли последнюю надежду семьи, пока еще не нашедшие своих детей. Автобусы больше не появлялись, представители власти молчали и не делали никаких объявлений. Прокурор округа Дейв Томас постарался успокоить собравшихся людей. Он прекрасно знал фамилии жертв, список которых лежал у него в кармане. По внешнему виду и одежде десять учеников были опознаны в библиотеке, двое на газоне перед школой. Погиб и преподаватель, тело которого нашли в кабинете точных наук № 3. Томас пока не оглашал список имен и попросил родителей не волноваться.

В 20.00 всех оставшихся родителей попросили пройти в отдельную комнату. Шериф Стоун представил присутствующим коронера – должностное лицо округа, медицинского следователя, ведущего дела о насильственной или скоропостижной смерти. Женщина раздала родителям анкеты, в которых следовало заполнить описание внешности детей и то, как они были одеты. Когда коронер попросила родителей вспомнить о том, какие работы проводили дантисты на зубах их детей, или найти дома рентгеновские снимки их полости рта, Джон Томлин окончательно осознал, что его семью постигла трагедия. Родители начали заполнять анкеты.

Тут с места вскочила одна из женщин.

– Где автобус, который вы нам обещали? – выпалила она.

Как выяснилось, заверения властей о прибытии последнего автобуса оказались полной ложью. «Никто не планировал отправление еще одного рейса, – говорила позже Дорин Томлин. – Непонятно, зачем они хотели нас обнадежить». Позже Брайан Рорбоф обвинил руководство школы во лжи. Мисти Бернал тоже чувствовала, что ее обманули. «Возможно, непреднамеренно, но все же обманули, – писала она. – Мне было так горько, я чуть не задохнулась от слез».

Шериф Стоун сообщил, что большинство жертв нашли в библиотеке. «Джон всегда ходил в библиотеку, – вспоминает Дорин. – Я почувствовала, что вот-вот потеряю сознание. Мне стало дурно».

Она чувствовала грусть, но ее не удивило известие о смерти сына. Дорин была евангелисткой и считала, что Господь весь день готовил ее к принятию этой новости. Надо сказать, что большинство родителей-евангелистов реагировали на сообщение о смерти детей совершенно не так, как остальные. В комнате не присутствовали представители прессы, но в качестве одного из волонтеров от Красного креста в ней находилась Линн Дафф. Дафф была еврейкой из Сан-Франциско, и ее поразила реакция на чудовищные известия, которую она наблюдала у родителей-евангелистов.

«Члены этих семей реагировали совсем не так, как остальные, – говорила она. – Их поведение было диаметрально противоположным. Эти люди начали петь, они молились. Они утешали других людей, в особенности родителей Айсайи Шоэльса (единственного афроамериканца, погибшего во время массового убийства в «Колумбайн»). Они думали и заботились о посторонних, а не о себе. Было совершенно очевидно, что им очень больно, это стало видно по выражению их глаз, но их утешала уверенность в том, куда попали их дети после смерти. Эти люди приняли волю Господа и не роптали. Они были настоящим примером для членов своих религиозных общин».

Однако не все евангелисты готовы так легко принять волю Господа. Мисти Бернал отказывалась верить в то, что ей сообщили. Она считала, что Кесси жива.

Мистер Ди успокаивал родителей своих учеников и ждал новостей о судьбе близкого друга. Он был знаком с Сандерсом двадцать лет. Вместе они тренировали команды в трех видах спорта, выпили сотни бокалов и бутылок пива. Фрэнк присутствовал на свадьбе Дейва. Весь день Фрэнк периодически слышал самые неприятные слухи.

Вскоре после встречи коронера с родителями убитых учеников в «Леавуде» появился их общий друг Рич Лонг. Рич увидел Фрэнка и подошел, чтобы обнять его. «Я помню, что на его

штанах и рубашке была кровь, – вспоминал Фрэнк позднее. – Я спросил его: “Рич, скажи мне, Дейв действительно мертв?” Он ничего не ответил».

Фрэнк сказал Ричу, что он достаточно сильный и хочет услышать правду. «Говори! Я должен знать».

Рич не смог дать четкого ответа. Он и сам переживал не меньше Фрэнка.

Агент Фузильер уговаривал вооруженных людей сложить оружие и видел, как они начали стрелять. Он несколько недель вел переговоры об освобождении восьмидесяти двух человек в Уэйко, а потом смотрел, как взрываются баллоны с газом и здание охватывает пламя. Он знал, что все находящиеся внутри умрут. Он чувствовал себя ужасно, глядя на тот пожар. Но на этот раз было еще хуже.

Фузильер приехал домой и обнял Брайана. Он долго стоял, не выпуская сына из объятий. Потом вместе с Мими они слушали новости. Фузильер прикрыл рукой глаза и попытался сдержать слезы. «Как можно идти домой и искать рентгеновские снимки зубов своего ребенка? – спросил он. – Как заснуть, если знаешь, что твой ребенок мертв?»

19. Пылесос

Дейв Сандерс оказался одним из немногих учителей, которых долго не находили и о судьбе которых ничего не было известно. Бойцы SWAT обнаружили его в кабинете точных наук № 3. Через несколько минут после этого, еще до того, как Дейва успели эвакуировать в больницу, он умер от потери крови.

Его родственников не уведомили о смерти. Во второй половине дня членам его семьи сообщили, что Дейв ранен и находится в Шведском медицинском центре.

– Не помню, кто меня туда отвез, – вспоминает Линда Лу. – Вообще не помню, как я туда попала. Не помню, как ехали, не помню, как я шла по зданию медцентра. Помню, как я уже оказалась там. Нас отвели в комнату, где были кофе, еда и персонал, состоявший из монахинь.

Складывалось ощущение, что их торжественно встречает какой-то комитет, члены которого сами ждут прибытия Дейва. Главная медсестра сказала Линде: «Как только он здесь появится, вы его увидите». Но он там так никогда и не появился.

В конце концов они некоторое время подождали в больнице, а после поехали в «Леавуд». Пробыли там некоторое время, а потом отправились домой. Разные агентства присылали специалистов, помогающих пережить горе и смерть близких. Появление этих людей не сулило хороших новостей. Все пять мобильных телефонов, выложенных на журнальном столике, звонили почти постоянно и часто одновременно. Правда, звонили люди, которых члены семьи не хотели слышать.

Линда поднялась на второй этаж и прилегла, но каждый раз, когда внизу включали свет в туалете, громко начинала работать вытяжка, и Линде казалось, она слышит, как открывается дверь гаража.

– Приблизительно в 22.30 мы с мамой устали ждать, – рассказывает Анжела. – Мы знали, что в тот день с ним работали несколько учителей, с которыми он был знаком еще до моего рождения, и мы решили позвонить им и узнать, что с ним произошло. И они сообщили, что Дейв и оказался тем самым преподавателем, который умер от потери крови.

Но как же это получилось? Дейв был жив, когда бойцы SWAT всех эвакуировали. Никто точно не мог ответить на наши вопросы. Полицейские, возможно, знали, как он умер, но молчали.

– Мы даже не знали, вывезли его из здания или нет. По крайней мере, мы чуть подробнее узнали о том, что происходило внутри школы.

Линда безрезультатно пыталась заснуть, зажав в руке носки Дейва.

В тот вечер Линда пыталась перестать думать и избавиться от странных мыслей. «У меня в гостиной столько народу, – рассуждала она. – А я так и не успела пропылесосить».

Реакция Линды была такой же, как и у большинства других людей, скоростно потерявших близких. В таких случаях многие концентрируются на самых простых бытовых проблемах, которые помогают понять, что некоторые аспекты жизни они все еще могут контролировать. Очень многие люди, потерявшие родных, боятся собственных мыслей.

Марджори Линдхольм провела тот день с Дейвом Сандерсом, который постепенно становился все блее и блее. Раздавались взрывы. После того как ее освободили бойцы SWAT, она выбежала из комнаты, проскочив мимо двух тел. Она думала о своей одежде. Чтобы родители не узнали о том, что на ней был слишком открытый и фривольный топ, Марджори заняла у подруги рубашку. Полицейский отвез девушку в Клемент-Парк, где ее осмотрел врач. «Боже, какой он красивый! – заметила тогда она, глядя на доктора. – И тут же застыдилась своих мыслей».

Марджори винила себя за то, что в ней проснулся инстинкт выживания. Она увидела убийц и бросилась бежать. Рядом с ней была девушка, в которую попала пуля, и та упала. «Кру-

гом лилась кровь, – вспоминала Марджори. – Это так ужасно». Она убежала. В тот же самый день она разговаривала с журналистом Rocky Mountain News и сказала следующее: «Почему я не остановилась, чтобы помочь этой девушке? – Тон ее голоса стал более мягким. – Я просто сумасшедшая. Я такая эгоистка».

Брэд и Мисти Бернал вернулись домой около 22.00. Брэд забрался на крышу сарая и смотрел через бинокль на здание школы. Окна в библиотеке были выбиты, и внутри оставались люди, одетые в синие куртки с надписью ATF¹¹. Люди ходили опустив голову, и Брэд сделал вывод о том, что они переступали через тела и искали взрывные устройства.

Действительно, они искали взрывчатку и живых преступников. К тому времени бойцы SWAT уже осмотрели практически все здание. Если третий, четвертый и пятый убийцы находились в здании, то к утру их обязательно должны были найти.

Брэд вернулся в дом. В 22.30 раздался громкий взрыв. Брэд и Мисти бросились к окну в спальне Кесси на втором этаже. Они смотрели в сторону школы, но не заметили никакого движения. Прогремел взрыв, и больше ничего не происходило. Кровать Кесси была пустой. Мисти переживала по поводу того, что Кесси еще в школе. Вдруг она пострадала от взрыва?

Взрыв произошел по недосмотру подрывников. Они перенесли одну из бомб, и когда клали ее в автомобиль, то сделанный Эриком детонатор сработал. К тому времени все уже очень устали. Саперы, действуя по инструкции, упали на спину, и никто не пострадал. Руководство приказало прекратить операцию, отдохнуть и вернуться в школу в 6.30 утра.

Брэд и Мисти продолжали смотреть в окно. «Я знал, что Кесси где-то там, – вспоминал ее отец. – Мне было ужасно осознавать, что она находится по другую сторону ограды, а я ничего не могу поделать».

¹¹ Отряд по борьбе с терроризмом.

Часть II

До и после

20. Пустота

Существует одна фотография, которая стала символом трагедии в «Колумбайн». На этой фотографии изображена девочка-блондинка, крепко прижавшая ладони к вискам. Она широко открыла рот и, видимо, кричит. Глаза зажмурены. Во вторник в Клемент-Парке сделали массу снимков детей, из которых этот является, пожалуй, одним из лучших. В тот день было сделано много фотографий, на которых запечатлены взрослые и дети по отдельности или в группах. На многих из них изображенный человек или люди за что-то держались: за товарища, за руку, голову или колено.

На следующий после трагедии день, еще до того, как в продаже появились газеты с репортажем из «Колумбайн», многие дети – свидетели трагедии – изменились. Они пришли в Клемент-Парк, их лица ничего не выражали, а в глазах была пустота. В тот день плакали родители, но глаза детей оставались сухими. Казалось, что у большой толпы обычно активных детей словно по волшебству отняли всю энергию. Иногда какая-нибудь девочка всхлипывала, и тут же к ней бросался мальчик, чтобы обнять и утешить. Мальчишки буквально соревновались в том, кто будет обнимать девочек, и иногда дело едва не доходило до драки.

Дети очень остро воспринимали то, что у них исчезла какая-либо реакция на произошедшее. Они не осознавали, почему это произошло, и откровенно обсуждали этот вопрос. Очень многие говорили об ощущении, словно они видели все произошедшее с ними в кино.

В то время тела жертв все еще не вынесли из здания. Никто официально не сообщал фамилии погибших. Никто, кроме полиции, не мог подойти к школе. Собственно говоря, с того места, где все в тот день собрались, самой школы не было видно из-за ограждений.

Ученики уже знали погибших. Все убийства происходили при свидетелях, и сарафанное радио быстро передало их имена. Однако далеко не все, что говорили, оказывалось справедливым, поэтому оставалось много сомнений. Практически у каждого ученика имелось несколько знакомых, о судьбе которых у него или у нее не было ни малейшего представления. «Как мы можем плакать, когда не знаем, кого оплакивать?» – задала вопрос одна девочка. Несмотря на это, она добавила, что прорыдала почти всю ночь. Слезы закончились лишь к утру.

Никто из департамента шерифа не говорил с Брайаном Рорбофом. К нему домой не приходили полицейские и не сообщали о том, что его сын убит. Рано утром в среду Брайана разбудил телефонный звонок. Звонил его приятель, чтобы предупредить о фотографиях, напечатанных в Rocky Mountain News.

Брайан взял в руки газету, на первой странице которой стоял заголовок «Горе». Там было напечатано несколько десятков историй отдельных очевидцев событий, а также много фотографий травмированных детей, среди которых он не обнаружил своего сына. Брайан дошел до тринадцатой страницы. На полразворота была напечатана фотография, снятая с вертолета. На снимке – группа учеников, прячущихся за полицейским автомобилем на парковке. Полицейский присел, положив ружье на капот автомобиля. Его палец замер на спусковом крючке, а глаза искали цель. Рядом с машиной на тротуаре лежал мальчик. Он застыл на боку, одно колено поднято к груди, а руки раскинуты по сторонам. «Без движения», – гласила подпись под фотографией. Вокруг тела разлилась огромная лужа крови, которая стекала в расщелину между двумя асфальтовыми плитами. Издание не упоминало имени жертвы. Несмотря на то

что лицо мальчика было сложно рассмотреть, Брайан все понял и даже не стал проверять, что напечатано на четырнадцатой странице.

Брайан был высоким человеком мускулистого телосложения. У него было длинное, слегка пухлое лицо, а волосы седели и становились тонкими. Над переносицей пролегли две глубокие вертикальные морщины. Дэнни очень напоминал отца.

Дэнни – единственный ребенок Брайана, родители развелись, когда ему стукнуло четыре. Сью снова вышла замуж, а вот Брайан так больше и не женился. У него имелся свой бизнес по установке аудиосистем. Дела шли успешно, и Брайан очень любил свою работу, и ему было приятно, что его занятие нравится сыну. После того как Дэнни научился ходить, он много времени проводил в мастерской отца. В возрасте семи лет он уже умел протягивать и подсоединять провода к колонкам. Когда он подрос, то начал работать в мастерской после школы. Брайан и Сью развелись мирно и жили близко друг от друга. Дэнни обожал проводить время с отцом.

Мастерская представляла собой большой гараж, в котором стояли дорожные винтажные автомобили и располагалось самое разное оборудование. Дэнни помогал устанавливать в автомобилях хай-фай аудиосистемы, которые стоили больше, чем машины многих его школьных друзей. В зависимости от проекта, в мастерской могло пахнуть эпоксидной смолой, жженой резиной или сладким запахом свежего вишневого дерева, которое Брайан пилил для инкрустации и облицовки устанавливаемого оборудования.

Дэнни быстро учился, и работа в мастерской давалась ему легко. Он любил машины и обожал хороший звук. Он хорошо разбирался в компьютерах и обладал музыкальным слухом, подавая надежду, что в будущем будет в состоянии поднять отцовский бизнес на новую высоту. Кроме этого, Дэнни знал, как вести себя с людьми. Клиентами Брайана были одни из самых богатых людей штата Колорадо, и Дэнни многих из них знал лично и часто бывал у них дома. Он умел нравиться людям, и отец с большой радостью развивал сына.

За несколько месяцев до трагедии в «Колумбайн» Дэнни принял решение о своем будущем – он не пойдет в колледж, а сразу после окончания школы начнет работать у отца. Брайан был на седьмом небе от счастья. Через три года он планировал сделать сына партнером. Буквально через четыре недели Дэнни начинал трудиться на полной ставке в мастерской.

В среду утром, сразу после того, как Брайан увидел в газете фотографию сына, он сел в автомобиль и поехал к школе. Он подошел к границе оцепления и потребовал у полицейских тело своего ребенка. Ему отказали.

Тело Дэнни не только не передали отцу, его даже не перенесли в помещение. Труп продолжал лежать на тротуаре. Полицейское начальство сказал Брайану, что тело может быть заминировано.

Брайан знал, что все это сплошные отговорки. Бомбы в здании школы начали искать со второй половины дня во вторник, вопрос был только в том, что первым делом копы хотели осмотреть помещения, а потом вернуться к телу Дэнни. Брайан ужаснулся недостатком уважительного отношения к погибшим и их родственникам со стороны полиции.

И тут начался снег.

В конечном счете тело Дэнни пролежало на тротуаре двадцать восемь часов.

Мисти Бернал начала день среды в 3 часа утра. Она спала плохо, мало и тревожно. Часто просыпалась от кошмаров. Ей снилось, что Кесси осталась в здании школы, сидит где-нибудь в темной кладовке на холодном полу. Она хотела быть рядом с дочерью. «Неужели, – думала Мисти, – она находится буквально в ста метрах, но меня к ней не пускают».

Он поняла, что больше не заснет, и пошла в ванную. Брэд тоже принял душ. Потом они оделись и отправились к границе оцепления.

Там стоял полицейский, который сказал, что дальше идти нельзя. Брэд заявил полицейскому, что в школе осталась их дочь, и умолял его честно ответить, что с ней. «Мы хотим узнать, есть ли там кто живой».

Полицейский помолчал и потом ответил: «Нет, живых там никого нет».

Они поблагодарили его за честный ответ.

Однако Мисти не планировала сдаваться. Полицейский мог и ошибаться. Может, Кесси лежит в больнице и ее личность пока не смогли установить. Мисти все утро пыталась проникнуть в школу с того или другого конца оцепления, но все безрезультатно.

Потом родителей жертв пригласили в «Леавуд». Мисти с Брэдом приехали туда и ждали несколько часов.

Прокурор округа Дейв Томас приехал в 13.30. У него в кармане, как и за день до этого, лежал список с фамилиями жертв. Этот список не изменился. Вопрос был только в том, что он не был окончательно подтвержден. Коронер просила дать ей еще двадцать четыре часа. Томас понимал, что уже нельзя ждать, и решил передать трагическое известие о смерти каждой семье по отдельности.

– Даже и не знаю, как вам это сказать, – произнес он Бобу Керноу.

– И не надо говорить, – ответил Боб. – У вас на лице все написано.

Известие о смерти дочери стало для Мисти сильным ударом, однако у нее все еще оставалась надежда. Прокурор утверждал, что Кесси мертва, но при этом отметил: это неофициальная информация.

Надежда постепенно превратилась в злость. Если Кесси мертва, то Мисти хотела, чтобы ее тело незамедлительно вынесли из библиотеки и передали родителям.

Семья Линды Сандерс ждала новостей дома. К середине дня среды в доме было полным-полно родственников и друзей. Все знали, какие новости их ждут. Напротив дома установили камеры, чтобы заснять момент горя после сообщения о смерти. «Будьте готовы, – посоветовал Мисти адвокат, нанятый семьями жертв. – Будьте готовы поддержать сестру».

Незадолго до 15.00 к ним подъехала полицейская машина. Помощник шерифа позвонил в дверь, и Мисти впустила его внутрь. Линда все еще не была готова услышать о смерти мужа. «Предварительное опознание показало, что ваш супруг стал жертвой трагедии в “Колумбайн”», – сказал помощник шерифа.

Линда закричала, и потом ее вырвало.

Утром в среду Фрэнк ДиЭнджелес проснулся в доме брата, так как ему посоветовали не ночевать у себя. Фрэнк не очень хорошо понимал, находится ли он в безопасности или нет. Его машина осталась на парковке перед школой внутри оцепленной зоны, и рано утром его должен был забрать коллега. Фрэнку предстояло участвовать в ряде встреч, на которых обязаны решить, что делать дальше.

Потом, в 10.00, директор будет выступать перед учениками, родителями и преподавательским составом, а также теми, кто чувствует боль от произошедшей трагедии. Это мероприятие должно было пройти в здании католической церкви «Свет мира». Эта одна из немногих достаточно крупных церквей города, способная вместить большое количество народа. Люди надеялись, что директор ответит на некоторые вопросы, но он не чувствовал, что в состоянии сделать это.

Львиную часть ночи Фрэнк прокрутился с боку на бок. «Господи, посоветуй мне что-нибудь», – просил он и молился.

Пришло утро, но ответа в голове не появилось. Его охватило чувство вины. «Я был обязан создать безопасные условия для учеников и преподавателей, – говорил директор школы. – Но подвел огромное количество людей».

В церкви «Свет мира» были сидячие места на восемьсот пятьдесят человек, и все они оказались заняты. Сотни учеников и родителей стояли вдоль стен и в проходах. Перед собравшимися выступила целая вереница местных бюрократов, которые пытались утешить детей, успокоить которых было непросто. После каждого выступления раздавались жидкие вежливые аплодисменты. Никто не затронул души учеников.

Мистер Ди надеялся на то, что и ему вежливо похлопают и не линчуют. Он считал, что трагедия во многом произошла по его недосмотру. Он не подготовил текста выступления и планировал сказать то, что чувствует.

Его объявили в качестве следующего выступающего, и те, кто сидел, стремительно вскочили на ноги. Дети начали кричать, свистеть и аплодировать. Совершенно неожиданно сотни людей, которые до этого не показывали никаких чувств, начали хлопать и громко плакать.

Мистер Ди схватился за живот, согнулся, отвернулся от зала и зарыдал. Рывания сотрясали его тело. Целую минуту он не мог справиться с чувствами, и все это время ученики громко хлопали и кричали.

ДиЭнджелесу было сложно повернуться к залу и посмотреть в глаза ученикам. «Все это казалось очень странным, – вспоминал он позднее. – Я не был в состоянии контролировать эмоции, у меня начались конвульсии. Я отвернулся от зала потому, что винил себя. Мне было очень стыдно. И когда я услышал свист и аплодисменты, то понял, что ученики меня поддерживают, и тогда эмоции взяли верх».

Директор подошел к трибуне и произнес: «Мне очень грустно от того, что произошло, и больно, что вам сейчас приходится страдать».

Он сказал, что понимает учеников, всегда будет помогать им и поддерживать. «Моя дверь для вас открыта. Я всегда вас поддержу, когда в этом будет необходимость». Он не пытался преуменьшить масштабы трагедии. «Хотелось бы иметь волшебную палочку, мановением которой можно было бы стереть все чувства. Но такой палочки не существует. Мне бы очень хотелось сказать, что ваши раны заживут, но, к сожалению, этого не произойдет».

Ученики оценили его честность и прямоту. В тот день многие находившиеся в Клемент-Парке ученики говорили о том, что устали слышать, как масса взрослых убеждает их в том, что все будет хорошо. Дети прекрасно знали правду и хотели, чтобы кто-нибудь громко и четко описал ситуацию такой, какая она есть.

В конце выступления мистер Ди сказал ученикам, что любит их. Любит всех и каждого. Дети хотели услышать и это.

В этот период у многих детей возникли осложнения с родителями. «Мне сложно сидеть дома, – говорил один подросток. – Как только приходит мама, я стараюсь куда-нибудь уйти». Многие кивали, слыша такие слова. Матери были настолько испуганы возможностью смерти своих детей, что хотели их постоянно обнимать. *Обниматься постоянно* – вот это было лейт-мотивом второй половины вторника. *Моя мама не понимает*, – так думало большинство детей в среду. Сперва дети хотели, чтобы их обнимали, а потом, чтобы перестали обнимать.

Большинству присутствовавших в Клемент-Парке учеников хотелось рассказать свою историю и облегчить душу. Они хотели поведать свои истории не только родителям, а любым другим взрослым. И тут представители прессы оказались очень кстати. Сперва дети немного робели и стеснялись, но потом их личные истории полились одна за другой. Детям казалось, что представители СМИ понимают их и сочувствуют. Клемент-Парк в тот день напоминал огромную исповедальню. Дети еще пожалеют о том, что были такими откровенными с представителями СМИ.

В то время, когда многие давали интервью, неожиданно раздались громкие крики. Потом кричащих голосов стало больше, и все они раздавались из одного места. В сторону, из которой раздавались крики, бросились дети, родители и журналисты. Оказалось, что голосили

несколько девушек, стоявших вокруг машины, запаркованной среди перевозивших учеников автобусов на границе парка. Это был автомобиль Рэйчел Скотт. У Рэйчел не было собственного места на парковке, поэтому во вторник ей пришлось оставить автомобиль достаточно далеко от школы. Вся машина была усыпана цветами, и вокруг нее стояли зажженные свечи. На стеклах – уверения в том, что Рэйчел попала в рай. У автомобиля полукругом стояло несколько ее подруг. Одна из девушек начала петь, и другие подхватили.

Родители Харриса и Клиболда наняли адвокатов. И совершенно правильно сделали, так как многие стали винить их в убийствах, совершенных Эриком и Диланом. Следствие не планировало предъявлять родителям каких-либо официальных обвинений, но многие люди считали, что на семьях убийц лежит определенная доля вины. Вскоре после трагедии в «Колумбайн» был проведен опрос населения с целью установить, кого или что люди считают главным виновником массового убийства. Среди факторов, способствовавших созданию предпосылок трагедии, респонденты назвали кино со сценами насилия, видеоигры, субкультуру готов, законодательство, позволяющее достаточно легкое приобретение огнестрельного оружия, и сатану. Любопытно, что ни Эрик, ни Дилан не попали в этот список. Они были всего лишь подростками. Что-то или кто-то сбил их с истинного пути. Согласно результатам проведенного опроса 85 % респондентов винили во всем родителей подростков (Кэти и Уэйна, а также Тома и Сью). Родители живы, следовательно, их можно ненавидеть.

Адвокаты настоятельно советовали клиентам не давать интервью. Тем не менее в среду обе супружеские пары сделали официальное заявление. «У нас нет слов, чтобы выразить горе, постигшее тех, кто пострадал во время трагедии, – так писали в своем заявлении Клиболды. – Мы приносим извинения, скорбим и молимся за всех жертв, членов их семей, друзей и население округа. Точно так же, как и все граждане этой страны, мы пытаемся понять причины трагедии и просим всех уважать нашу частную жизнь в период скорби и боли, которые испытываем».

Заявление Харрисов было не таким многословным: «Мы хотим выразить сострадание семьям жертв и жителям округа. Пожалуйста, молитесь за тех, кто оказался затронут этой трагедией».

Брат Дилана несколько дней не ходил на работу. Байрон был на три года старше Дилана, но так как последний пошел в школу на год раньше, то Байрон закончил учебу всего за два года до трагедии. Байрон трудился в автосалоне: мыл машины, пылесосил, расчищал снег. «Он занимается физической работой и выполняет ее очень хорошо», – так характеризовал Байрона начальник в интервью газете Rocky Mountain News.

Коллеги и руководство понимали, что Байрону нужен отпуск, чтобы прийти в себя. «Для всех нас эти события стали большой неожиданностью, – продолжал представитель автосалона. – Все сотрудники относятся друг к другу как к членам семьи. Мы очень сочувствуем Байрону. Он отличный парень».

Утром в среду старший агент ФБР Фузильтер думал о том, что причиной трагедии в «Колумбайн» является заговор. План убийц казался слишком дерзким, слишком сложным для того, чтобы его могла придумать пара подростков. Подобное могли задумать и осуществить человек восемь или десять. Трагедия такого масштаба заставляла многих выдвигать конспирологические теории, которые в то время могли казаться достаточно обоснованными. Надо сказать, что отголоски этих конспирологических теорий, а также реакция на них со стороны руководства округа самым странным и неожиданным образом повлияют на то, как многие будут справляться с последствиями трагедии.

Утром в среду Фузильтер вошел школу, чтобы осмотреть место преступления. На полу в коридорах валялись гильзы, осколки трубчатых бомб, а также битое стекло. В стенах зияли

дырки пулевых пробоин. На полу библиотеки были лужи крови. Большинство тел в этом зале лежало под столами. Фузильер видел разные места преступлений, но это выглядело особенно ужасным. Его поразило также и то, что тела Дэнни Рорбофа и Рэйчел Скотт так и не убрали с тротуара и лужайки. Никто даже не прикрыл их. Через много лет агент с содроганием вспоминал об увиденном.

Фузильер прибыл в «Колумбайн» как агент ФБР, однако наибольший вклад в расследование этой трагедии внес в качестве клинического психолога. В общей сложности в этой профессии он работал три десятилетия. У него была частная практика, потом он трудился на американские ВВС. Однажды на Окинаве он прошел курс о ведении переговоров в ситуациях взятия заложников, который изменил его жизнь. Фузильер понял, что умеет правильно «считывать» людей и уговаривать их. В 1981 году он начал работать в ФБР. Для того чтобы попасть в крупнейший мировой центр по решению ситуаций, связанных с захватом заложников, – отдел ФБР по исследованию специальных операций – он согласился пойти на уменьшение зарплаты на 5000 долларов в год.

Со временем он понял, что ему нравятся не только сами исследования, но и работа в реальных ситуациях взятия заложников. Через некоторое время руководство отдела начало отправлять его на такие задания. Фузильер принимал участие в ряде инцидентов, связанных с захватом заложников, в том числе в тюрьме Атланты¹², а также в осаде членов организации «Свободные люди Монтаны»¹³. Фузильер был последней надеждой ФБР в Уэйко и, как я уже отмечал, оказался последним из оставшихся в живых, говоривших с Дейвидом Корешем перед тем, как власти пошли на штурм ранчо. Большую часть времени Фузильер анализировал имевшие место инциденты и оценивал успешность действий властей. Его команда разработала основополагающие тактические принципы, которые в наши дни применяют во время решения инцидентов с захватом заложников. В ФБР Фузильер заработал репутацию человека, эффективно справляющегося со стрессовыми ситуациями, но постепенно годы брали свое, в волосах появилась седина, и он начал мечтать о более спокойной жизни. В результате в 1991 году вместе с семьей он переехал в штат Колорадо и поселился в тихом городке Литтлтон.

Фузильер сделал многое для того, чтобы понять логику Эрика и Дилана, но сам он попал в «Колумбайн» исключительно по воле случая. Если бы его собственный сын Брайан не учился в этой школе, ФБР вряд ли бы дало ему задание участвовать в расследовании. Более того, без его помощи вообще маловероятно, что ФБР сыграло бы значительную роль в ходе расследования. ФБР ввязалось в эту историю исключительно потому, что Фузильер прибыл на место преступления, нашел общий язык с теми, кто руководил следствием, и предложил помощь. Только после этого ФБР отправило своих сотрудников в «Колумбайн». Фузильер оказался одним из наиболее высокопоставленных агентов в этом районе, установил контакт с местными властями и поэтому возглавил группу ФБР. До 20 апреля он был руководителем антитеррористического отдела в этом регионе страны. На протяжении последующего года он постепенно делегировал свои обязанности регионального руководителя антитеррористического отдела другим сотрудникам. Расследование инцидента в «Колумбайн» оказалось гораздо более серьезным.

Теракт в «Колумбайн» был крупнейшим преступлением прошлого века в Колорадо, и власти штата собрали огромную команду для его расследования. В округ приехало около ста следователей. Более десяти различных федеральных агентств выделили для расследования лучших сотрудников. ФБР командировало в Джеффко двенадцать специальных агентов.

¹² Инцидент, в результате которого в 1987 г. заключенные на 11 дней захватили тюрьму и взяли в заложники более 100 человек персонала.

¹³ Экстремистская организация религиозного толка в США, действовавшая в 1990-х гг. Выступала за суверенитет штата Монтана. Участники отказывались признавать федеральные органы власти и платить налоги, а также выпускали фальшивые ценные бумаги и купюры. В 1996 г. правоохранные органы блокировали членов группировки на ранчо. После 81-дневной осады участники организации были арестованы и позднее приговорены к длительным срокам тюремного заключения.

Крайне редко агентство направляло такое большое количество агентов для расследования локального инцидента. Как я уже писал, Фузилер возглавил команду агентов ФБР. Все остальные подчинялись непосредственно Кейт Баттан, которая являлась прекрасным руководителем и имела большой опыт расследования сложных финансовых преступлений и махинаций. Сама Баттан подчинялась начальнику отдела Джону Кикбушу, которому предвещали блестящую карьеру. Кикбуш и Фузилер играли активную роль в проведении расследования и регулярно обсуждали его результаты и стоящие перед ними задачи.

Следствие выделило одиннадцать потенциальных сообщников преступников. Наибольшие подозрения вызывал Брукс Браун. Кроме него, о том, что парни изготавливают бомбы, знал Крис Моррис. Внешность двух других подозреваемых очень напоминала описания третьего и четвертого стрелков – участников теракта. Фамилии этих четырех человек открывали список подозреваемых, в котором значилась и фамилия Робин Андерсон, ходившей на выпускной бал в качестве спутницы Дилана.

Чтобы обличить этих людей, требовались гигантские усилия. Следователи планировали поговорить с учениками и преподавателями «Колумбайн», а также со всеми прошлыми и нынешними друзьями и коллегами убийц. В последующие полгода было проведено пять тысяч интервью. Следователи сделали тысячи фотографий и собрали более 30 000 страниц материала. К следствию подошли со всей тщательностью: описали каждую гильзу, каждую дырку от пули в стене и каждую найденную дробинку. Это описание заняло 55 страниц, и фигурировало в нем 998 объектов.

Руководство следствием нашло место для Фузилера в репетиционном зале школы. Убийцы не зашли в этот зал, но тем не менее внутри царил полный беспорядок. На полу валялись книжки, ноты, ударные установки, музыкальные инструменты и брошенные рюкзаки. Двери вообще не оказалось, так как ее снесли бойцы SWAT во время зачистки.

Остальные помещения и классы были в гораздо худшем состоянии по сравнению с репетиционным залом. Трубчатые бомбы и коктейли Молотова частично сожгли ковер, из-за них сработала автоматическая система тушения пожара. В столовой был настоящий потоп, а библиотека находилась в неопишемом состоянии. Видавшие виды полицейские выходили из здания со слезами на глазах. «Некоторые прошедшие Вьетнам бойцы SWAT плакали от того, что им пришлось увидеть», – говорил прокурор округа Дейв Томас.

Настало время следствия. Документировали любые улики и вещественные доказательства. Площадь места преступления в здании составляла 125 000 квадратных метров, не считая территории на улице, где тоже были жертвы. Отпечатки пальцев, упавшие с головы волосы, пороховая сажа – все это могло оказаться нужным для следствия. Кроме этого, в школе еще могли находиться ненайденные бомбы.

Следователи вынесли практически все, что было в комнатах Эрика и Дилана, за исключением мебели. В доме Клиболдов оказалось мало вещдоков – всего несколько тетрадей и ежедневников. Дилан отформатировал диск компьютера. А вот в доме Эрика оказалась масса информации: дневники, данные в компьютере, аудио- и видеоматериалы, сметы, диаграммы и поминутные планы нападения... Эрик документировал все и вся. Такое ощущение, будто он хотел, чтобы мы узнали все подробности и детали.

Определенное напряжение вносило оставленное убийцами загадочное сообщение о возможных в будущем актах убийства и насилия. «Мы пытались найти источник этой угрозы», – говорил Фузилер. Школу снова тщательно обыскали на предмет взрывных устройств. Немного «надавили» на потенциальных участников и сообщников убийц.

В первые семьдесят два часа после трагедии следователи провели пятьсот интервью. Результаты сдвинули следствие с места, однако информация была отрывочной и спорадической, что вносило некоторый разброд в работу. Баттан волновалась по поводу того, что ТВ

и СМИ со своей трактовкой событий оказывают влияние на то, что захотят сказать основные свидетели преступления. Следователи решили поставить новые приоритеты в своей работе: в первую очередь надо проводить беседы с теми, кто непосредственно наблюдал убийц во время трагедии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.